Питер Померанцев

Это *не* пропаганда

Хроники мировой войны с реальностью

18+

Питер Померанцев

Это *не* пропаганда
Хроники мировой войны с реальностью

Перевод
Павла Миронова
и Александры Финогеновой

Individuum

Peter Pomerantsev

This Is Not Propaganda
Adventures in the War Against Reality

Предисловие к русскому изданию: Россия не одинока

Первые десять лет XXI века я провел в России, где стал свидетелем беспрецедентного, как казалось, развития культуры пропаганды: ностальгия вытесняла любую мысль о будущем; четкие представления о «правых» и «левых» уступили место бесконечным попыткам имитировать мнение «большинства»; вместо того чтобы убеждать, власти решили сбивать с толку; политики наслаждались своими абсурдными речами; идеологию заменила конспирология. В названии своей первой книги я попытался передать это ощущение, проведя параллель с цитатой из «Истоков тоталитаризма» Ханны Арендт: «Правды нет, возможно все».

В этой книге я путешествую по «пропагандиям»: от Латинской Америки до так называемого Запада, от Азии до Ближнего Востока, возвращаясь домой в Англию, переживающую собственный кризис самоопределения. И тем не менее я будто не покидаю Россию. В трущобах Манилы, гетто Мехико и руинах Алеппо — везде происходит одно и то же. Именно это я хотел отразить в названии книги, отсылая читателя к картине Рене Магритта, где под изображением трубки написано «это не трубка», — диагноз времени, в котором связь между словами и смыслами оборвалась. Вот и сейчас такие важные слова, как «демократия», «Европа» и «свобода», лишились своей сути.

Эта книга — попытка понять причины и найти решение этой проблемы.

Когда все коллективные представления о прогрессе исказились и сломались, я отправился в кругосветное путешествие, чтобы затем сложить

кусочки пазла из разных стран и понять, как они связаны между собой. Когда-то, еще в России, я учился в киношколе, и меня всегда занимала входившая в наш курс теория монтажа: что за новый мир мы сможем создать из неожиданного сочетания кадров? Поэтому в этой книге вы увидите Мексику рядом с Сербией, Россию бок о бок с Филиппинами, Рим и Сирию, Китай и Черновцы. Это попытка уловить образ нового интернационализма на обломках старого.

Но, помотавшись по миру, я выяснил: чтобы понять текущее положение дел, необходимо вернуться в прошлое. Несмотря на отравляющую все ностальгию, с которой мне довелось столкнуться, я понял, что именно утрата связи с историей привела к потере смыслов. Вот почему эта книга предлагает еще и путешествие во времени: я обращаюсь к истории моей семьи не из сентиментальных побуждений, но потому что она показывает, где пролегает разлом между нами и прошлым, и пытается найти способ извлечь из него урок.

Вместе с тем эта книга пытается найти общий язык с читателем. Больше всего меня беспокоит вопрос: как писать нон-фикшн в эпоху, когда у каждого могут быть свои «альтернативные факты», когда философы на пару с пропагандистами утверждают, что «объективность» — лишь навязанный нам миф, когда ничему нельзя доверять, и тем более — себе. Как можно писать о реальности, если реальности и след простыл? Я подумал, может ли реальность проявить себя на стыке жанров социологии и поэзии, репортажа и литературной критики? Получится ли у меня вместо претензии на всезнание и объективность вскрыть свои предубеждения,

объяснить свои взгляды и то, как писалась эта книга, не потому что я отказываюсь от поисков реальности, но ради диалога с вами?

Лондон, 12 февраля

Вступление:
«Телеграмма!»

Не успел он выйти из моря, как его тут же арестовали: два человека в костюмах стояли над его одеждой и ждали. Они приказали ему быстро одеться, натянуть брюки прямо поверх мокрых плавок. По дороге в плавках стало тесно и холодно, влажное пятно расползалось по брюкам и сиденью автомобиля. Ему пришлось сидеть в них и во время допроса. Он пытался держаться с достоинством, но из-за мокрых плавок постоянно ерзал. Вдруг он понял, что это было сделано намеренно. Кагэбэшники среднего звена хорошо владели подобными методами. Они были настоящими мастерами мелких унижений и манипуляций.

Сначала он удивился, почему его арестовали здесь, в Одессе, а не по месту жительства — в Киеве? Но затем до него дошло: стоял август, и службисты просто хотели провести несколько дней на море. В перерыве между допросами они вели его на пляж, где сами купались по очереди: один сидел с ним, другой шел в воду. Во время одной такой вылазки какой-то местный художник достал мольберт и начал их рисовать. Полковник и майор занервничали — сотрудников КГБ нельзя было фиксировать при исполнении. «Иди посмотри, что он там малюет», — приказали они своему пленнику. Он пошел. Настал его черед немного поиздеваться: «Я получился не очень, зато вы — прямо как в жизни».

Его задержали за «распространение вредной литературы среди друзей и знакомых», а именно книг, запрещенных за раскрытие правды о советском ГУЛАГе (Солженицын), или тех, чьи авторы жили в эмиграции (Набоков). Его

история попала в «Хронику текущих событий». «Хроника» представляла собой подпольное издание, в котором советские диссиденты собирали факты об арестах по политическим причинам, допросах, обысках, судах, избиениях и унижениях в тюрьмах. Информация передавалась из уст в уста или поступала из лагерей на листочках с текстом, помещенных в крошечные самодельные полиэтиленовые капсулы, которые проглатывались людьми, а затем выходили наружу естественным путем. Тексты перепечатывали на пишущих машинках, листы фотографировали, и они начинали свой путь от человека к человеку. Их прятали между страницами книг и в дипломатической почте, а попав на Запад, они передавались в Amnesty International или зачитывались по радио — в передачах Всемирной службы BBC, «Голоса Америки» или «Радио Свободная Европа». Эти сообщения отличал характерный краткий стиль:

> «Его допрашивали полковник КГБ В. П. МЕНЬШИКОВ и майор КГБ В. Н. МЕЛЬГУНОВ... Он отверг все обвинения как необоснованные и недоказанные. О знакомых и друзьях он говорить отказался. В течение шести дней он со своими „собеседниками“ ночевал в гостинице „Новая Московская“».

Когда один из следователей уходил, второй доставал книгу с шахматными этюдами и принимался их решать, грызя кончик карандаша. Поначалу пленник думал, что это некий хитроумный прием, а затем понял, что следователь просто ленится и убивает время на работе.

Через шесть дней ему разрешили вернуться в Киев, однако следствие продолжалось. Время от времени, когда он шел домой с работы, из библиотеки, рядом с ним тормозила черная машина, и его снова везли на допрос.

Тем не менее жизнь продолжалась. Его невеста забеременела, и они поженились. В глубине зала, где проходила брачная церемония, дежурил фотограф из КГБ.

Он переехал к жене, ее семья жила в квартире напротив Голосеевского парка, в которой его тесть выстроил целую стену из клеток с канарейками, вольер постоянно мельтешащих на фоне парка пернатых. Всякий раз, когда в дверь звонили, он подскакивал, думая, что это из КГБ, и принимался сжигать все, что могло его скомпрометировать: письма, самиздат, списки арестованных. Канарейки бешено били крыльями в панике. Каждое утро он вставал с рассветом, тихонько включал радиоприемник «Спидола», переключался на короткие волны и начинал размахивать антенной, чтобы прорваться сквозь глушилки. Он залезал на столы и стулья в поисках сигнала, выкручивая звуковой слалом между гэдээровской поп-музыкой и концертами советских военных оркестров. Прижав ухо к динамику, он слышал сквозь шипение и треск волшебные слова: «Говорит Лондон», «Говорит Вашингтон»... И ждал новостей об арестах. В эссе «Радио будущего», написанном поэтом-футуристом Велимиром Хлебниковым в 1921 году, он прочел:

Радио скует непрерывные звенья мировой души и сольет человечество.

Круг его друзей оказался в ловушке. Он писал об этом так: «Гришу вывезли в лес под Киевом и избили. А Ольгу исключительно блядью называли, и чтоб

удостоверилась, в вендиспансер к проституткам запихнули. Вот только с Гелием осечка вышла. В изоляторе не лечили, не лечили, не лечили, не лечили, пока не умер».

Все готовились к худшему. Теща научила его тайному «сосисочному коду»: «Если я принесу тебе сосиски, порезанные справа налево, это значит, что нам удалось передать новость о твоем аресте на Запад и об этом сказали по радио. Если я порежу их слева направо, значит, у нас ничего не вышло».

Позже он писал, что это было похоже на бородатый анекдот или сцену из плохого кино, — но тем не менее именно так все и происходило.

Они позвонили в шесть утра.
— Телеграмма!
В полусне,
чтобы после вернуться в сон,
ты бормочешь: «Минуточку»,
натягиваешь, что попадет под руку,
нашариваешь в кармане мелочь
и отворяешь дверь.
Они вваливаются.
Самое обидное, что ты им поверил («Телеграмма!»)
и все еще сжимаешь в горячей ладони
враз вспотевшую мелочь
и от обиды чуть не плачешь.

В 8 часов утра 30 сентября 1977 года, аккурат между вызовами на допросы, у них родился ребенок.

Бабушка хотела, чтобы меня назвали Пинхас, в честь ее деда. Родители хотели, чтобы меня звали Федор. В конце концов меня назвали Петром, это было первым именем из всех обсуждавшихся вариантов.

—

Прошло 40 лет с тех пор, как КГБ преследовал моих родителей всего лишь за желание воспользоваться элементарным правом читать, писать, слушать и говорить то, что они хотят. Сегодня мир, в котором, как они надеялись, цензура падет, словно Берлинская стена, кажется намного ближе: мы живем во времена, которые ученые называют эпохой «информационного изобилия». Но предпосылки, лежавшие в основе борьбы за права и свободы в XX веке — борьбы между гражданами, вооруженными правдой и информацией, и режимами с их цензурой и тайной полицией, — оказались перевернутыми с ног на голову. Сейчас в нашем распоряжении больше информации, чем когда-либо, но она принесла обществу не только ожидаемое благо.

Предполагалось, что чем больше будет информации, тем легче станет противостоять власть имущим — но и они получили новые способы борьбы с инакомыслием. Предполагалось, что чем больше будет информации, тем осмысленнее станут споры — но сейчас похоже, что мы меньше чем когда-либо способны к дискуссии. Предполагалось, что обилие информации будет способствовать взаимопониманию между народами, — но благодаря ей

возникли новые и более изощренные формы конфликтов и диверсий. Мы живем в мире взбесившихся систем массового убеждения, в котором плодятся и множатся средства манипуляции, в мире скрытой рекламы, психологических операций, хакеров, ботов, субъективных фактов, дипфейков [1], фейковых новостей, ИГИЛ [2], Путина, троллей, Трампа…

Через 40 лет после задержания и допросов моего отца я замечаю, что в каком-то смысле следую по пути своих родителей, хотя, конечно, я далеко не так смел, уверен в собственной правоте, да и рискую куда меньшим. На момент написания этих строк – а учитывая нестабильность экономической ситуации, все может быть иначе, когда вы будете их читать, – я работаю в одном из подразделений Лондонского университета, где руковожу программой по исследованию новейших технологий влияния. В просторечии их часто называют «пропагандой», но это понятие настолько избито и исковеркано множеством интерпретаций (кто-то считает ее обычным обманом, а кто-то – просто деятельностью по распространению определенных взглядов), что я стараюсь его избегать.

Должен добавить, что я – не ученый, и это – не научная работа. Я – бывший телепродюсер. Я продолжаю писать статьи и иногда веду радиопередачи, но часто ловлю себя на том, что с подозрением смотрю на некогда родной медийный мир, периодически ужасаясь тому, что мы натворили. В ходе своего исследования я встречаюсь с твиттер-революционерами и pop-up популистами [3], троллями и эльфами, провидцами «поведенческих изменений» и шарлатанами информационных войн, поклонниками джихада, идентитаристами [4], мета-политиками, блюстителями истины и хозяевами бот-ферм. Затем я несу свои находки в

шестиугольную бетонную башню, где обрел временное пристанище мой офис. Там они облекаются в форму рассудительных Заключений и Рекомендаций для аккуратных отчетов и презентаций, которые диагностируют и предлагают лекарства от потока дезинформации, «фейковых новостей», «информационных войн» и «войн с информацией».

Но что именно лечить? Аккуратные пункты моих отчетов намекают, что в мире существует некая система, которую можно улучшить, что несколько технических рекомендаций в отношении новых информационных технологий смогут решить все вопросы. Однако корни проблемы лежат намного глубже. Когда в ходе повседневной работы я знакомлю со своими выводами представителей слабеющего либерально-демократического порядка (во многом сформировавшегося в результате конфликтов холодной войны), меня поражает, насколько потерянными они выглядят. Политики больше не понимают, что именно представляют их партии; бюрократы больше на знают, где сосредоточена власть; финансируемые миллиардерами фонды выступают за«открытое общество», но не могут дать ему точное определение. Громкие слова, которые когда-то казались наполненными смыслом, слова, ради которых предыдущие поколения были готовы жертвовать собой, — «демократия» и «свобода», «Европа» и «Запад» — оказались отброшены современной реальностью как шелуха, тепло и свет покинули их, словно компьютерные файлы, к которым мы забыли пароль и чье содержимое больше нам не доступно.

Даже язык, которым мы описываем самих себя, — «левые» и «правые», «либералы» и «консерваторы» — практически лишился смысла. Это влияет не только на исход конфликтов или результаты выборов. Люди, которых я

знал всю жизнь, отдаляются от меня в социальных сетях, когда репостят конспирологические истории из неизвестных мне источников. Подводные течения интернета разрушают целые семьи, как будто мы никогда не знали друг друга по-настоящему, как будто алгоритмы знают о нас больше нас самих. Кажется, будто мы становимся какими-то подмножествами собственных данных и эти данные перестраивают наши отношения и личности, руководствуясь собственной логикой — или даже в интересах других людей, которых мы не знаем и не видим.

Величественные носители старых медиа — лампы радиол и телевизоров, корешки бумажных книг и прессы печатных станков, из-под которых выходили газеты, содержавшие и контролировавшие определения и смыслы, то, кто мы есть и как мы общаемся друг с другом, как объясняем мир своим детям, как воспринимаем прошлое, как отличаем новости от мнений, сатиру от серьезности, верное от ложного, истину от фальши, реальность от вымысла, — все они пошли трещинами и развалились. А с ними — и прежние порядки: как соотносятся вещи между собой, как общаются между собой люди. Пропорции нашего мира расширились, вытянулись, исказились — мы оказались внутри головокружительной спирали, в которой слова теряют единый смысл. В Одессе, Маниле, Мехико, Нью-Джерси я слышу одно и то же: «Вокруг меня так много информации, дезинформации, всего на свете, что я уже не знаю, где правда». Часто звучат фразы вроде: «Я чувствую, будто мир плывет у меня под ногами». Порой я и сам ловлю себя на мысли, что всё, что казалось мне незыблемым, вдруг стало нестабильным, текучим.

шестиугольную бетонную башню, где обрел временное пристанище мой офис. Там они облекаются в форму рассудительных Заключений и Рекомендаций для аккуратных отчетов и презентаций, которые диагностируют и предлагают лекарства от потока дезинформации, «фейковых новостей», «информационных войн» и «войн с информацией».

Но что именно лечить? Аккуратные пункты моих отчетов намекают, что в мире существует некая система, которую можно улучшить, что несколько технических рекомендаций в отношении новых информационных технологий смогут решить все вопросы. Однако корни проблемы лежат намного глубже. Когда в ходе повседневной работы я знакомлю со своими выводами представителей слабеющего либерально-демократического порядка (во многом сформировавшегося в результате конфликтов холодной войны), меня поражает, насколько потерянными они выглядят. Политики больше не понимают, что именно представляют их партии; бюрократы больше на знают, где сосредоточена власть; финансируемые миллиардерами фонды выступают за«открытое общество», но не могут дать ему точное определение. Громкие слова, которые когда-то казались наполненными смыслом, слова, ради которых предыдущие поколения были готовы жертвовать собой, – «демократия» и «свобода», «Европа» и «Запад» – оказались отброшены современной реальностью как шелуха, тепло и свет покинули их, словно компьютерные файлы, к которым мы забыли пароль и чье содержимое больше нам не доступно.

Даже язык, которым мы описываем самих себя, – «левые» и «правые», «либералы» и «консерваторы» – практически лишился смысла. Это влияет не только на исход конфликтов или результаты выборов. Люди, которых я

знал всю жизнь, отдаляются от меня в социальных сетях, когда репостят конспирологические истории из неизвестных мне источников. Подводные течения интернета разрушают целые семьи, как будто мы никогда не знали друг друга по-настоящему, как будто алгоритмы знают о нас больше нас самих. Кажется, будто мы становимся какими-то подмножествами собственных данных и эти данные перестраивают наши отношения и личности, руководствуясь собственной логикой — или даже в интересах других людей, которых мы не знаем и не видим.

Величественные носители старых медиа — лампы радиол и телевизоров, корешки бумажных книг и прессы печатных станков, из-под которых выходили газеты, содержавшие и контролировавшие определения и смыслы, то, кто мы есть и как мы общаемся друг с другом, как объясняем мир своим детям, как воспринимаем прошлое, как отличаем новости от мнений, сатиру от серьезности, верное от ложного, истину от фальши, реальность от вымысла, — все они пошли трещинами и развалились. А с ними — и прежние порядки: как соотносятся вещи между собой, как общаются между собой люди. Пропорции нашего мира расширились, вытянулись, исказились — мы оказались внутри головокружительной спирали, в которой слова теряют единый смысл. В Одессе, Маниле, Мехико, Нью-Джерси я слышу одно и то же: «Вокруг меня так много информации, дезинформации, всего на свете, что я уже не знаю, где правда». Часто звучат фразы вроде: «Я чувствую, будто мир плывет у меня под ногами». Порой я и сам ловлю себя на мысли, что всё, что казалось мне незыблемым, вдруг стало нестабильным, текучим.

Эта книга посвящена исследованию места крушения и поиску искр смысла, которые еще могут там теплиться. Мы поговорим и о мрачных уголках интернета, где тролли пытают своих жертв, станем свидетелями битв за истории, формирующие наше общество, и в конце концов попытаемся понять, как же мы определяем самих себя.

В первой части мы переместимся на Филиппины и берег Финского залива, где узнаем, как ломают людей с помощью новых информационных инструментов — куда изощреннее, чем это делалось КГБ в прежние времена.

Во второй части мы посетим Западные Балканы, Латинскую Америку и страны Европейского союза и узнаем, как можно ломать целые движения сопротивления и их мифологию.

В третьей части мы узнаем, как одна страна может уничтожить другую, практически не вступая с ней в контакт, размывая границы между войной и миром, «внутренним» и «международным» — и где самым опасным элементом может оказаться сама идея «информационной войны».

Четвертая часть посвящена изучению того, как спрос на политику, основанную на фактах, связан с определенной идеей прогресса и будущего и как ее коллапс открыл дорогу насилию и массовым убийствам.

В пятой части я буду доказывать, что политика сегодня превращается в борьбу за контроль над созданием идентичности. Все, от религиозных экстремистов до pop-up популистов, хотят создать новые версии «народа» — даже в Британии, стране, где самоопределение людей всегда казалось незыблемым.

В шестой части мы отправимся на поиски будущего — в Китай и Черновцы.

По ходу этой книги я путешествую — и не только в пространстве. Физические и политические карты, обозначающие континенты, страны и океаны, карты, с которыми я вырос, возможно, уступают в значении новым картам информационных потоков. Эти «сетевые карты» создаются учеными — исследователями больших данных. Процесс их создания называется «surfacing». Берется какое-то ключевое слово, сообщение или история и запускается в постоянно расширяющийся всемирный массив информации. После этого ученый начинает отслеживать, как пользователи, медийные источники, аккаунты в социальных сетях, боты, тролли и киборги [5] продвигают эти ключевые слова, истории и сообщения или взаимодействуют с ними.

Эти сетевые карты, напоминающие колонии плесени или фотографии далеких галактик, показывают, насколько устарели наши прежние географические представления. В них открываются неожиданные связи, посредствам которых любой человек из любой точки мира может повлиять на всех остальных. Российские хакеры выпускают в сеть рекламу проституток в Дубае вперемешку с анимешными мемами в поддержку ультраправых партий в Германии. «Укоренившийся космополит», сидя у себя дома в Шотландии, уводит активистов от полиции во время беспорядков в Стамбуле. За ссылками на айфоны скрывается пиар ИГИЛ…

Россия с ее эскадронами работников соцсетей то и дело встречается на этих картах. Не потому, что она все еще сильна и способна сворачивать горы, как это было во времена холодной войны, а потому, что кремлевские правители особенно преуспели в этом игровом аспекте новой эпохи или как минимум умеют убеждать в своем мастерстве остальных (что может быть

еще важнее). Ниже я объясню, что это не случайно: именно вследствие поражения в холодной войне российские политтехнологи и медиаманипуляторы смогли адаптироваться к новому миру быстрее, чем кто-либо на так называемом Западе. В период с 2001 по 2010 год я жил в Москве и своими глазами видел тактики контроля общественного мнения (и его патологии), которые с тех пор распространились повсеместно.

Путешествуя по информационным потокам, сетям и странам, эта книга оглядывается в прошлое — на историю моих родителей и эпоху холодной войны. Но это не семейные мемуары; скорее, мне интересно увидеть, где именно история моей семьи пересекается с объектом моих исследований. Отчасти я делаю это, чтобы понять, как сегодня обесценились прежние идеалы и есть ли еще возможность извлечь из них хоть какую-то пользу. Во времена всеобщей неразберихи я инстинктивно обращаюсь к прошлому, чтобы найти способ размышлять о будущем.

Но пока я собирал материалы и писал главы о семейной истории, я вдруг осознал одну вещь: до какой степени наши собственные мысли, творческие импульсы и самоощущения сформированы не нами, а куда более мощными информационными силами. Если что и поразило меня в процессе изучения книжных полок университетской библиотеки, так это то, что для понимания механизма «формирования позиций людей» (по выражению французского философа Жака Эллюля) нельзя ограничиваться только лишь областью «новостей» и «политики», следует учитывать и поэзию, и школу, и язык бюрократии, и досуг.

Этот процесс отчасти более очевиден в моей семье, поскольку драмы и травмы в нашей жизни помогают увидеть, где начинается и заканчивается

действие этих информационных сил, подобных природным стихиям.

Часть 1. Города троллей

Одним из самых очевидных противостояний в XX веке была борьба свободы слова и цензуры. После холодной войны свобода слова, казалось, одержала повсеместную победу. Но что если власть имущие сумеют использовать «информационное изобилие», чтобы найти новые способы заткнуть вам рот, уничтожить инакомыслие, вывернув наизнанку идеалы свободы слова, и при этом сохранить достаточную анонимность, оставаясь ни при чем?

Архитектура дезинформации

Посмотрим на Филиппины. В 1977 году, в то самое время, когда мои родители испытывали сомнительное удовольствие от общения с КГБ, Филиппинами управлял полковник Фердинанд Маркос, военный диктатор, поддерживаемый США. В годы его правления, как показывает быстрый поиск по сайту Amnesty International, было убито 3257 политзаключенных, 35 000 подверглись пыткам, а 70 000 – тюремному заключению. Маркос открыто демонстрировал свое видение того, какую роль могут играть пытки в усмирении общества. 77% убитых не просто «исчезли» – их трупы можно было увидеть на обочинах дорог, где они лежали в назидание остальным. Иногда у жертв вытаскивали мозги и заполняли место в пустых черепах их же нижним бельем. Некоторые тела разрубали на части и разбрасывали по улицам на всеобщее обозрение (1).

Режим Маркоса пал в 1986 году на фоне массовых протестов, отказа США от его поддержки и дезертирства нескольких армейских

подразделений. На улицы вышли миллионы людей. Казалось, пришло новое время — свободное от коррупции и нарушений прав человека. Маркос бежал из страны и провел остаток жизни на Гавайях.

Сегодня Манила встречает гостей убийственным запахом тухлой рыбы и попкорна, сточных вод и горелого масла, от всего этого так и тянет блевануть на тротуар. Впрочем, «тротуар» — не вполне подходящее слово. В привычном смысле широких тротуаров, по которым можно гулять, в городе немного. Вместо них по краям торговых центров и небоскребов расположены узкие уступы, по которым ты еле-еле пробираешься вплотную к безумному потоку машин. Торговые центры сменяются трущобами, где в переулках между барами по ночам спят бездомные, завернувшись в фольгу и высунув ноги наружу. В самих барах можно поглазеть на боксерские поединки карликов или попеть в караоке корейскую попсу, пригласив для компании девушек в таких узких платьях, что ткань словно впивается им в бедра.

Днем ты плетешься между торговыми центрами, трущобами и небоскребами по узеньким многолюдным тротуарам, приподнятым над землей, петляющим между многоуровневыми шоссе. Пригибаешься, чтобы не стукнуться об опоры эстакад, вздрагиваешь от постоянных гудков и сирен, доносящихся снизу. Внезапно прямо перед тобой проносится поезд, или ты оказываешься лицом к лицу с женщиной, поедающей консервированную ветчину SPAM [1] на одном из колоссальных рекламных билбордов. Билборды, отгораживающие небоскребы от трущоб, здесь повсюду. В период с 1898 по 1946 год Филиппины находились под контролем американской администрации (не считая периода оккупации Японией с

1942 по 1945 год). С тех пор в стране стоят американские военные базы, а рацион американских солдат считается деликатесом. На другом плакате счастливая домохозяйка кормит своего красавца-мужа кусочками тунца из консервной банки. Прямо под рекламой скворчащей ветчины уличные дети плещутся в реке, над которой поднимается пар; позади мерцает неоновая вывеска «Иисус спасет тебя!». Это — католическая страна: пятидесяти годам правления США предшествовали 300 лет испанской колонизации (у филиппинцев есть шутка «Мы прожили триста лет с церковью и пятьдесят — с Голливудом»). В торговых центрах есть часовни, где можно помолиться, и охранники, которые не пускают внутрь нищих. В этом городе с 22-миллионным населением практически отсутствует понятие общественного пространства. Внутри торговых центров повсеместно используются сильнейшие освежители воздуха — лавандовые в дешевых заведениях с километрами прилавков фастфуда, лимонные, чуть послабее, — в более изысканных. Так пахнет в уборных — и запах туалета не покидает тебя ни у сточных канав на улицах, ни в помещении.

Вскоре замечаешь, что все делают селфи: и парень в шлепанцах, обливающийся потом в железной коробке рейсового автобуса; и молодые китаянки, ожидающие свои коктейли в торговом центре. На Филиппинах делают больше всего селфи в мире, здесь самые высокие показатели использования социальных сетей и больше всего текстовых сообщений на душу населения. Некоторые полагают, что причиной всему — возросшая важность семейных и личных связей для жизни в стране в условиях неэффективного государственного управления. И селфи — вовсе не проявление нарциссизма: просто человек доверяет тому, кого знает в лицо.

С подъемом социальных сетей Филиппины превратились в столицу нового поколения манипуляторов цифровой эпохи.

Я встретился с Пи в одном из торговых оазисов в районе небоскребов с небесно-голубыми окнами. Он настаивает, чтобы я не использовал в книге его настоящее имя, но сразу видно, как отчаянно он жаждет признания за рекламные кампании, которые не может поставить себе в заслугу. Ему чуть за двадцать, он одет как парень из корейского бойз-бенда. Пи находится в вечно возбужденном состоянии, говорит ли о выборах президента или о своем инстаграм-аккаунте, украшенном синим значком верификации — подтверждением статуса.

«Я просто счастлив, когда управляю людьми. Наверное, это плохо. Так я удовлетворяю свое эго, что-то, сидящее глубоко внутри... Я словно чувствую себя богом цифрового мира!» — восклицает он. Но звучит это совсем не страшно — скорее, он напоминает опереточного злодея.

Он начал свою карьеру в Сети в возрасте 15 лет с создания анонимной страницы, где посетителям предлагалось поделиться своими романтическими историями. «Расскажи о своем самом болезненном разрыве!» — призывал он или: «Расскажи о своем самом горячем свидании!» Он показывает мне одну из своих групп в фейсбуке: в ней больше трех миллионов участников.

Еще в школе он создавал группы, у каждой из которых был собственный тематический профиль: к примеру, одна была посвящена радости, а другая — силе духа. Когда Пи исполнилось всего шестнадцать, к нему начали обращаться разные компании с просьбой упомянуть их продукцию в публикациях. Он довел эту технику до совершенства. К примеру, в течение

недели он предлагал участникам высказываться на тему любви и заботы. Затем переводил разговор к теме потери любимого человека. А после этого подсовывал определенный товар: «Купите это лекарство, и оно поможет продлить жизнь ваших любимых».

Если верить Пи, к двадцати годам у него уже было 15 миллионов фолловеров по всем платформам. Скромный провинциальный парень из среднего класса вдруг смог позволить себе квартиру в одном из манильских небоскребов.

Освоив рекламу, он переключился на политику. В то время политический PR просто убеждал журналистов писать то, что надо заказчику, и этим ограничивался. Но Пи подумал: что если с помощью социальных сетей формировать общественное мнение?

Он предложил свой подход нескольким партиям, однако единственным, кто воспринял идеи Пи всерьез, был Родриго Дутерте, аутсайдер, увидевший в социальных сетях новый путь к победе. Одним из основных кандидатских тезисов Дутерте была борьба с наркопреступностью. Дутерте хвастался, что в годы своей работы мэром города Давао, расположенного далеко на юге страны, он разъезжал по округе на мотоцикле и расстреливал наркодилеров. В то время Пи уже учился в колледже и посетил лекцию, на которой рассказывалось об эксперименте с «Маленьким Альбертом», проведенном в 1920-е годы. Каждый раз, когда малышу показывали белую крысу, экспериментаторы включали запись с пугающими звуками. В конце концов он начал бояться всех пушистых зверей (2). По словам Пи, это вдохновило его сделать нечто подобное для Дутерте.

Прежде всего, он создал несколько групп в фейсбуке для разных городов — довольно безобидных форумов, где обсуждались актуальные городские новости. Была только одна тонкость: в каждой из групп нужно было использовать местный диалект, а их на Филиппинах сотни. Через полгода в каждой группе было уже около 100 000 участников. Затем работавшие на Пи администраторы начали публиковать новости о местных преступлениях — ежедневно в часы наибольшей посещаемости. Преступления были самыми заурядными, но люди Пи в своих комментариях выстраивали прямую связь между преступлениями и наркотиками: «Говорят, что убийца был наркодилером» или «Убитый приторговывал наркотой». Через месяц они вбрасывали по две подобные истории в день, через два месяца — по три.

Преступность, связанная с наркотиками, стала популярной темой, и Дутерте возглавил все предвыборные рейтинги. По словам Пи, именно тогда он вышел из его PR-команды и решил поддержать другого кандидата, ставившего во главу угла не страх, а вопросы экономического развития. Пи утверждает, что ему удалось повысить рейтинг нового кандидата более чем на 5%, но было уже поздно — Дутерте избрали президентом. Теперь Пи жутко раздражают все эти толпы пиарщиков, которые приписывают победу Дутерте себе.

Когда берешь интервью у людей, работающих в этой области, не стоит забывать, что они всегда склонны преувеличивать степень своего влияния. Это неотъемлемый атрибут профессии. Можно ли сказать, что Пи «создал» Дутерте? Разумеется, нет. Разговор о преступности, связанной с наркотиками, развивался по многим причинам — не в последнюю очередь благодаря заявлениям самого Дутерте. Кроме того, Дутерте завоевал

симпатии не только заявлениями о борьбе с наркопреступностью. Я разговаривал с его соратниками, которых привлек образ провинциала, борющегося против элиты «Имперской Манилы» и чопорного истеблишмента католической церкви. Однако рассказ Пи о цифровом влиянии подтверждается результатами некоторых научных исследований.

Для своей книги «Архитекторы сетевой дезинформации» доктор Джонатан Корпус Онг из Уиверситета Массачусетса и доктор Джейсон Кабаньес из Университета Лидса в течение года интервьюировали главных героев манильской «архитектуры дезинформации», как ее назвал Онг, которую использовали практически все политические партии страны (3). На верхушке были «главные архитекторы» системы. Они работали в компаниях, занимавшихся рекламой и PR, жили в шикарных квартирах в небоскребах, а свою работу чуть ли не мифологизировали, сравнивая себя с персонажами «Игры престолов» или видеоигр. «Игра заканчивается, когда вас вычисляют», — говорили они Онгу. Они гордились тем, что смогли стать лучшими в своей профессии, поднявшись с самых низов. «Архитектор дезинформации, — заключает Онг, — отвергает ответственность или обязательства перед широкой публикой, говоря вместо этого о своих личных достижениях».

Ниже архитекторов находятся «инфлюенсеры» [2] — онлайн-комики, перемежающие посты со свежими шутками проплаченными насмешками над представителями оппозиции.

Еще ниже, в трущобах архитектуры дезинформации, обитают те, кого Онг назвал «операторами фальшивых аккаунтов в сообществах». Это масса людей, работающих в колл-центрах сутками с почасовой оплатой, каждый

из них управляет десятками профилей в соцсетях. Такой работой занимаются либо те, кому нужен дополнительный заработок (к примеру, студенты или медсестры), либо волонтеры политических кампаний. Онг поговорил с одной из девушек-операторов, Риной, которую посадили в такой колл-центр, когда она присоединилась к кампании по выборам мэра. Она была одной из лучших студенток в университете и согласилась из идеалистических соображений. Ей поручили создать несколько профилей в соцсетях (явный успех имели аватарки девушек в бикини), набрать подписчиков, пропагандировать идеи кандидата и поносить оппозицию. Рине было стыдно. Она чувствовала, что никак не помогает общему делу — ей удалось привлечь лишь 20 фолловеров в фейсбуке, в то время как ее коллеги привлекали сотни читателей.

Онг отметил, что никто, ни на каком уровне этого бизнеса, никогда не описывал свою деятельность как «троллинг» или производство фейк-ньюс. У каждого была своя «стратегия отрицания»: архитекторы подчеркивали, что это — лишь побочное занятие, не связанное с их обычной PR-деятельностью, и, следовательно, оно никак их не характеризует, тем более что они не отвечают за всю кампанию. Операторы аккаунтов утверждали, что самые неприятные и злобные комментарии пишут не они, а кто-то другой. В любом случае, эта архитектура онлайн-влияния приняла более агрессивную форму после прихода Дутерте к власти.

Дутерте поклялся убить столько наркодилеров, что рыба в Манильском заливе разжиреет, и пошутил, что после этого сам себя амнистирует. Он хвастался, что убивал людей за один «косой взгляд» и что жизни наркодилеров не значат для него ровным счетом ничего. Банды его

активистов и полицейские принялись расстреливать всех, кого подозревали в связях с торговцами наркотиками. Никто доподлинно не знает, сколько человек было убито в ходе этой кампании. Правозащитные организации насчитывают 12 000 жертв, оппозиционные политики — 20 000, правительство — 4200. Было время, когда ежедневно погибало 33 человека. Никто и не думал проверять, действительно ли жертвы были виновны, и поговаривали, что наркоту подбрасывали уже трупам. В ходе этих расправ было убито 54 ребенка. Переулки в трущобах Манилы были завалены телами. Люди на мотоциклах просто подъезжали к жертвам и стреляли им в головы. Тюрьмы переполнились, как клетки на птицефермах. Сенатор Лейла де Лима, выступавшая против расправ, внезапно оказалась под следствием: заключенные наркобароны дали показания о ее причастности к их бизнесу. В интернете начали активно требовать ареста. Ее посадили в тюрьму в ожидании суда, но он так и не начался: Amnesty International признала ее узником совести (4). Когда архиепископ страны осудил убийства, банды обратились против него. Затем наступил черед СМИ: журналистов, осмелившихся обвинить президента в убийствах, начали обзывать «пресститутками».

Главной «пресституткой», на которую нацелился режим, оказалась Мария Ресса, руководитель новостного сайта Rappler. В этом была своя странная ирония, поскольку именно Мария и Rappler, сами того не желая, помогли привести Дутерте к власти.

#ArrestMariaRessa!

Еще в самом начале разговора с Марией я заметил, насколько ей было неловко чувствовать себя «героиней истории». Из вежливости она не сказала об этом прямо, но я заметил, что Мария постоянно переводит разговор на работу своих коллег-журналистов или события из жизней других людей. На протяжении всей своей карьеры она занималась новостями: сначала как глава бюро CNN в Юго-Восточной Азии, затем как директор отдела новостей крупнейшей филиппинской телесети и, наконец, как создатель и руководитель Rappler. Пока мы разговаривали с Марией в ее офисе, она пыталась быстро перекусить сэндвичами с арахисовым маслом и с консервированными сардинами (одно из любимых блюд филиппинцев), с нами в комнате находилась группа документалистов из английской редакции катарского телеканала «Аль-Джазира», снимавшая фильм о борьбе Марии с Дутерте и дезинформацией.

Люди из «Аль-Джазиры» спросили, могут ли они снять мое интервью с Марией. Я смотрел, как они кучкуются в углу со своими огромными камерами, и мне становилось не по себе. Я слишком привык быть по ту сторону камеры, наблюдать и редактировать. Каждый раз, когда мне доводилось быть объектом чужого материала, я не мог отделаться от мыслей о том, на какие чудеса способен монтаж. В свое время, продюсируя документальные фильмы, я научился заставлять своих героев чувствовать себя важными, значительными, даже чуточку бессмертными — но лишь в момент съемки. Я всегда знал, что потом, на монтаже, смогу сделать с материалом что захочу. История в итоге всегда оставалась верна, но как же часто возникал этот болезненный разрыв между самовосприятием человека и тем, как он выглядит на видео, между реальностью, выстроенной

в процессе монтажа, и тем, как ее воспринимает сам герой. В тот день в Маниле я утешался мыслью, что смогу вернуть себе контроль над повествованием, написав о журналистах «Аль-Джазиры» в книге, которую вы сейчас читаете.

Итак, в комнате была группа журналистов, снимавших сюжет о том, как еще один журналист интервьюирует другого. Работа журналистов — доносить информацию о том, что и где происходит. Но, как показала история Марии, сейчас нечто происходит с самой информацией.

Мария родилась в Маниле, а когда ей было 10 лет, мать перевезла семью в США, где Мария оказалась самой маленькой и самой темнокожей девочкой в городе Элизабет штата Нью-Джерси. И, надо сказать, весьма одаренной, так как первая в семье поступила в университет (Принстон). Она вернулась на Филиппины стипендиатом программы Фулбрайта в 1986 году, чтобы изучать политическую арену страны, где в то время разразилась революция против Маркоса и на улицах разворачивалась масштабная политическая драма. Мария пришла на CNN, когда это был еще крошечный кабельный канал с грандиозными планами стать первым глобальным поставщиком новостей. Именно репортер на экране был самым важным, он решал, какие сюжеты заслуживают внимания, когда и как их подавать. Мария хотела иметь такие полномочия, но ей не нравилось говорить на камеру — во многом из-за экземы, от которой она страдала всю жизнь. Болезнь вынуждала ее постоянно пользоваться гримом и прибегать к различным ухищрениям во время съемок. Но камера любила Марию: ее естественность, почти щенячий энтузиазм и большие глаза, светящиеся любопытством.

Мария стала лицом CNN в регионе, она рассказывала о «демократизации» Юго-Восточной Азии в 1990-е годы, когда после падения Маркоса авторитарные режимы начали рушиться один за другим. Глядя сквозь призму холодной войны, многие хотели бы видеть в этом бесконечное расширение пространства свободы, и каждый новый поворот в политике, казалось, это подтверждал. Теракты 11 сентября 2001 года разрушили эту чрезмерно упрощенную картину.

Но Марию это не удивляло. Она свободно говорила на нескольких диалектах и знала, как мало «демократия» делает для неизменно бедных деревень и трущоб. Когда она брала интервью у новобранцев «Аль-Каиды »[3] и членов их семей, ее поразило, насколько обыкновенной была до этого жизнь большинства из них, насколько далеки они были от фундаментализма и вопросов чистоты веры. Трюк Усамы бен Ладена состоял в том, что он напоминал самым разным группам людей о нанесенных им обидах и давал им иллюзию, что, объединившись, они смогут добиться лучшего мира, если только им удастся избавиться от неверных. В 2005 году Мария покинула CNN. Сейчас она понимает, что сделала это в самый подходящий момент. Канал менялся, идея заработать как можно больше превратилась в навязчивую мотивацию, от репортеров требовали выражать чувства, а не просто излагать факты. Мария хотела заниматься расследованием деятельности террористов, а не быть звездой выпусков новостей, напоминающих реалити-шоу.

В 2008 году Мария начала руководить новостным отделом крупнейшей филиппинской телекомпании. Рано утром 9 июня ее разбудил звонок от лучшего репортера канала, Сесилии Дрилон. Та успела сказать в трубку

лишь несколько слов: «Мария, это все моя вина… нас похитили. И они хотят денег» (5). Несмотря на запрет Марии, Дрилон решила взять интервью у исламистских повстанцев, и ее вместе с двумя операторами похитили члены организации «Абу-Сайяф», связанной с «Аль-Каидой».

В течение следующих десяти дней Мария работала днем и ночью, помогая координировать действия по спасению коллег. Все закончилось, когда семье Дрилон удалось собрать достаточную сумму, чтобы удовлетворить требования похитителей.

После освобождения заложников Мария занялась установлением личностей похитителей. Она обнаружила, что они были связаны с бин Ладеном тремя промежуточными звеньями. Это укладывалось в схему, которую она выявила, изучая распространение влияния «Аль-Каиды» из Афганистана по Юго-Восточной Азии. Идеологии распространяются по сетям, и ваша приверженность им зависит от того, в какой точке паутины вы находитесь. Помимо изучения идей и социально-экономических факторов, теперь приходится разбираться во взаимосвязях между людьми, чтобы понять, почему и как распространяется идеология «Аль-Каиды». Один и тот же клубок личных и социальных факторов может по-разному среагировать при контакте с той или иной сетью. Мария поняла, что эти физические сети быстро заменялись социальными сетями онлайн.

В 2012 году Мария создала Rappler, первый филиппинский новостной сайт, работавший исключительно в интернете. Она хотела максимально эффективно использовать свой опыт изучения сетей. Rappler не просто рассказывал об актуальных событиях, но и привлекал широкое онлайн-сообщество, проводившее краудфандинговые кампании для важных

проектов. Сайт собирал жизненно важную информацию, помогавшую жертвам наводнений и бурь найти пристанище и содействие. Вместо специалистов старой школы Мария наняла на работу 20-летнюю молодежь, знавшую о социальных сетях намного больше нее. Заходя в офис Rappler с открытой планировкой и оранжевыми стенами, сразу можно заметить, насколько молоды сотрудники (в основном это девушки), за которыми присматривает небольшая группа степенных журналистов и журналисток постарше. В Маниле сотрудники компании получили прозвище «рэпплеры».

Когда Дутерте начал свою вдохновленную социальными сетями президентскую кампанию, казалось, что они с Rappler идеально подходят друг другу. Телеканалы не принимали его всерьез. Когда Rappler организовал первые в стране президентские дебаты при поддержке Facebook, из всех кандидатов только Дутерте удосужился на них прийти. И это принесло ему огромный успех: опросы среди участников онлайн-сообщества Rappler показали, что Дутерте опережает всех остальных. Его главная идея — победа над наркопреступностью — завоевывала все бóльшую популярность. Репортеры Rappler ловили себя на том, что постоянно цитируют его высказывания о «войне с наркотиками». Позже, когда Дутерте занялся массовыми убийствами, они пожалели, что использовали слово «война», ведь это помогло ему оправдать свои действия — раз идет «война», то и жертвы оправданны.

Проблемы начались со свиста. На одной из пресс-конференций Дутерте присвистнул, глядя на проходившую мимо тележурналистку. Присутствовавшая в комнате корреспондентка Rappler попросила его извиниться. И тут же интернет-сообщество Rappler наполнилось

комментариями, мол, она должна относиться к президенту более уважительно. «Твоя мать – шлюха», – писали ей. Рэпплеры были застигнуты врасплох. Таким языком их сообщество обычно не пользовалось. Они объясняли случившееся пережитками сексизма: женщина подвергалась нападкам всякий раз, когда призывала мужчину к ответу.

Но этим Дутерте не ограничился (6). Он называл папу римского и президентов США сыновьями шлюх; поинтересовался у одного неприятного ему журналиста, задает ли тот едкие вопросы только потому, что влагалище его жены слишком сильно пахнет; хвастался тем, что у него две любовницы; шутил, что в его бытность мэром не террористы, а он сам изнасиловал бы симпатичную заложницу. Выступая по телевизору, Дутерте сказал, что съел бы печенки террористов с солью. А в другом выступлении заявил, что, если каждый его солдат изнасилует по три женщины, он с радостью отсидит за них срок в тюрьме.

Я кое-что понял про лингвистический контекст подобных заявлений, когда пару раз сходил в камеди-клубы Кесон-Сити, района Манилы рядом с телевышками национальных каналов, где по вечерам собираются юные проститутки и ледибои. Комики выбирают себе жертв из аудитории и начинают над ними издеваться, насмехаясь над размером их пенисов или лишним весом, – и все это на глазах у целых семей, смеющихся над тем, как унижают их родственников.

Таким языком часто пользуется Дутерте, изливая свой неиссякающий поток грязных шуток. Но подобный юмор присущ целой когорте мировых лидеров-мужчин, не только Дутерте. Такую же риторику использовал президент России Владимир Путин, пообещав «замочить террористов в

сортире»; президент США Дональд Трамп говорил, что женщин можно хватать «за киску»; президент Бразилии Жаир Болсонару сказал одной женщине-политику, что она «слишком уродлива», чтобы ее изнасиловали, и что черные активисты должны отправиться «обратно в зоопарк» (7). Британский политик и противник иммиграции Найджел Фарадж публично выкрикивал грубые шутки про «китаёз», вливая пинту за пинтой в свой огромный хохочущий рот.

Подобный туалетный юмор используется политиками, чтобы показать, насколько они якобы далеки от истеблишмента, и продемонстрировать их «антиэлитаризм» отказом от принятых моральных и лингвистических норм.

Когда непристойные шутки используют слабые, чтобы посмеяться над сильными мира сего, это словно спускает последних с небес на землю, напоминая, что их власть не безгранична (8). Вот почему за такие шутки, как правило, преследуют. Приведу пример: в 1938 году мой прадед по отцовской линии Иван Андреевич Погорелов, придя в столовую при огромной харьковской фабрике, где работал бухгалтером, выпил лишнего и рассказал анекдот про яйца председателя Президиума Верховного Совета. Разумеется, на него тут же донесли, прадеда арестовали, и он сгинул в трудовом лагере на Волге.

Но когда такой язык постоянно используется власть имущими, чтобы унизить тех, кто слабее, юмор становится опасным: он прокладывает лингвистический путь для новых способов издевательств над жертвами и ведет нас туда, где исчезают вообще любые нормы.

После того как Rappler начал публиковать материалы о внесудебных расправах Дутерте, поток угроз в Сети стал постоянным. В какой-то момент количество сообщений достигало 90 в час. Писали, что Rappler фальсифицирует данные о количестве погибших, что ресурсу платят враги Дутерте, а все, что публикуют рэпплеры, — фейк-ньюс. Сообщения, как саранча, пролезали в ящики электронной почты и тучами опускались на страницы сообщества в Сети — те самые страницы, которые Rappler бережно развивал в надежде, что они соберут «мудрость толпы» интернета. Порой сотрудники Rappler даже не понимали, кто стоит за угрозами, они думали, что это какие-то автоматизированные аккаунты, но, к их разочарованию, это почти всегда оказывались реальные люди, которые явно получали от этого удовольствие. На журналистов Rappler набрасывались покупатели в магазинах с криками: «Вы пишете грязную ложь! Как вам не стыдно?» Свою долю критики вносили и их родственники.

Мария приняла на себя главный удар. Некоторые комментарии были слишком тупыми, чтобы ее задеть, — например, мемы, где она была изображена в нацистской униформе, или письма с оскорблениями типа: «Мария, ты — напрасная трата спермы. Твоей матери надо было сделать аборт!» Другие же действительно задевали. Ее слабым местом всегда была экзема, и, когда нападавшие принялись писать о состоянии ее кожи, Мария не успела поставить психологический барьер и болезнь разразилась с новой силой.

Сначала Мария инстинктивно решила, что, наверное, сама вовсем виновата. Неужели она сделала что-то неправильно, исказила факты? Она несколько раз проверила все материалы Rappler, но не нашла ничего

сомнительного. Хештеги #ArrestMariaRessa («Арестовать Марию Ресса») и #UnfollowRappler («Отпишись от Rappler») начали набирать популярность. Правительство инициировало судебное разбирательство против нее. Одним из инвесторов Rappler был американский фонд, поэтому правительство обвинило канал в том, что он выполняет приказы из-за границы. Несколько членов правления Rappler подали в отставку; упали доходы от рекламы. Мария взяла за привычку всегда иметь при себе сумму, достаточную для выхода под залог в случае ареста. Первое судебное разбирательство против Rappler было урегулировано в апелляционном суде. А затем, когда казалось, что худшее уже позади, Мария узнала, что против нее готовится еще одно дело (9).

Пока на Rappler обрушивались эти атаки, самым спокойным человеком в редакции была, как мне кажется, управляющий редактор ресурса, Гленда Глориа. Возможно, потому что ей было не привыкать. Гленда еще помнит годы правления Маркоса. В 1980-е годы она была студенткой-журналисткой и писала о пытках, которые применял режим к оппозиционерам. Ее бойфренд тогда владел крошечным независимым изданием; он был арестован, его пытали, присоединив электроды к мошонке. Пытки были не только физическими, но и психологическими: главная их цель состояла в том, чтобы сломить человека, а не просто причинить ему боль. Профессор Альфред Маккой из Висконсинского университета в Мэдисоне, изучавший техники психологических пыток ЦРУ и стран — союзников США в годы холодной войны, приводит в пример историю отца Канглеона, священника, ложно обвиненного в подрывной деятельности и сотрудничестве с коммунистами. В течение двух с лишним месяцев ему не давали спать и

видеть солнечный свет. В кульминационный момент допроса ему завязали глаза, перевели в другую камеру и усадили на табуретку. Он слышал, как в комнату один за другим заходили люди. Затем разные голоса начали издеваться над ним, говоря будто по специально написанному сценарию. Когда я читаю эти реплики в 2018 году, они почти неотличимы от комментариев анонимных троллей в социальных сетях (10):

> «Святой отец, как звали ту сестру, с которой вы познакомились в Колледже Сердца Христова?.. Вы ее трахаете? И как вам?»
> «Для меня это — не священник. Да, такие, как вы, не заслуживают уважения».
> «Снимите с него рубашку. Посмотрите-ка на это тело! А ты выглядишь очень сексуально. Вот и женщины считают, что ты — настоящий мачо. Ты гомик?»

Затем допрос перешел в физическую форму:

> «Интересно, останешься ли ты тем же мачо после моего удара». (Удар под ребра.)
> «Нет, не опирайся на стол. Руки за спину... Вот так!» (Еще один удар.)
> «Уберите табуретку!» (Священника подняли на ноги и ударили по затылку, он судорожно сжался, и на него посыпались новые удары...)

После того как Канглеон согласился сотрудничать, его отвезли на телевидение и заставили сказать в прямом эфире, что он помогал

повстанцам-коммунистам. Он назвал имена еще нескольких священников, заявив, что и они вовлечены в заговор.

Во времена Маркоса, вспоминает Гленда, у правительства были свои агенты в каждом университете, на каждой ферме, в каждой церкви и каждом офисе. Они нашептывали вашим коллегам, соседям, друзьям, что вы коммунист — даже если это было не так, — подрывая вашу репутацию еще до того, как вас приходили арестовывать. Маркос делил СМИ на «правильных» журналистов и «коммунистов», и на любого критика режима сразу навешивали ярлык «коммуняки».

«Психологическая война, правила которой Маркос освоил в совершенстве, очень похожа на происходящее сейчас, — говорит мне Гленда. — Разница в том, что Дутерте уже не нужно использовать военных для атак СМИ. Как это стало возможно? Благодаря технологиям».

После свержения Маркоса новая филиппинская демократия была далека от совершенства: нарушения прав человека не прекратились; жизни журналистов, особенно в провинции, стоили недорого (11). Но, в отличие от большинства предшественников, пытавшихся скрыть свои злоупотребления в годы правления или хотя бы притворявшихся, что следуют правилам, Дутерте ликовал, занимаясь внесудебными расправами, и громогласно приветствовал атаки на журналистов. Он также реабилитировал Маркоса. Дутерте приказал эксгумировать его тело и устроил ему воинские похороны со всеми почестями. Он сформировал политический союз с сыном Маркоса, Фердинандом Бонгбонгом, который все еще контролировал вотчину своего отца на севере страны. В Сети появилось видео с оправданием Маркоса за

преступления 1970-х и заявлением, что убийствами и пытками занималось лишь несколько «паршивых овец» в его армии…

Но, несмотря на кажущееся возрождение методов Маркоса в обращении со СМИ, Гленда считает, что у цифровой эпохи есть существенное отличие. Раньше врага можно было увидеть. Существовала некая предсказуемость: вас могли убить или вы могли бежать из города, связаться с юристом, написать правозащитникам или даже взять в руки оружие. Вы знали, кто такие агенты Маркоса, кто приходит к вам и почему. Во всем этом было что-то привычное.

А что теперь? Вы не видите врага. У вас нет четкого представления, против кого именно вы выступаете. Эти люди анонимны и вездесущи. Как можно бороться с онлайн-бандой? Вы даже не можете сказать, сколько их на самом деле.

—

После нескольких месяцев «осады» Мария и остальные рэпплеры решили хорошенько разобраться в этих атаках. Теперь они видели в хаосе некую закономерность. Сначала под угрозой оказался их авторитет, потом их стали запугивать. В случае успешного подрыва репутации виртуальные атаки могли легко превратиться в реальные ордеры на арест. Сотрудники Rappler пришли к выводу, что вся кампания против них следует какому-то четкому сценарию.

И первыми, кто привлек их внимание, были корейские поп-звезды.

Они периодически появлялись в их онлайн-сообществе с комментариями о величии Бонгбонга Маркоса и Дутерте. Какова была вероятность, что корейских поп-звезд интересует филиппинская политика? Рэпплеры проанализировали эти комментарии и заметили, что некоторые из них совпадают слово в слово: очевидно, это были фальшивые аккаунты, которые, скорее всего, контролировались одним источником.

Обнаружив эти фальшивые аккаунты, журналисты запустили программу, которая сканировала интернет в поисках тех, кто пользовался такими же выражениями. На это ушло два месяца, но им удалось найти аккаунты с идентичными фразами. На первый взгляд казалось, что они принадлежат вполне реальным филиппинцам. Рэпплеры принялись изучать аккаунты по порядку — например, звонили в компании, где якобы работали авторы комментариев. Но там никто не слышал об этих людях. Всего журналисты зафиксировали 26 хорошо замаскированных, но фальшивых аккаунтов, повторявших одни и те же сообщения в одно и то же время для трехмиллионной аудитории.

Сотрудники Rappler дружно выдохнули: теперь у них было за что ухватиться. Когда они увидели, что атаки осуществляются по плану, у них появилось четкое ощущение реальности. Они были не виноваты. Кто-то сознательно вел войну против них.

Они начали разбирать по косточкам каждое враждебное «выступление» нападавших и выявили десятки тем: СМИ коррумпированы; Rappler нужно бойкотировать; сенатор Лейла де Лима должна сесть за решетку... Журналисты изучили частоту, с которой вбрасывалась каждая тема, своего рода «пульс» публикаций. Они обнаружили, что комментарии достигали

пика незадолго до важных политических событий: так, количество упоминаний «коррупции в СМИ» увеличивалось в несколько раз перед выборами, а призывы к аресту де Лимы участились перед тем, как к ней пришла полиция. Можно ли было поверить в спонтанность всех этих действий?

Они выстроили то, что Мария называет «бассейном для акул», — некое подобие системы радаров, предупреждающей о зарождении очередного вброса фейков. И как только появлялись признаки новой очерняющей кампании, направленной против журналистов, Rappler автоматически рассылал своим соратникам в сети призывы о поддержке.

В феврале 2018 года рэпплеры узнали о существовании необычного персонажа в филиппинском интернете. Его звали @Ivan226622, и он яростно репостил чужие статьи: всего за неделю он опубликовал 1518 статей про филиппинскую политику. Судя по данным профиля, это был довольно непримечательный филиппинец, интересовавшийся программированием. К его профилю была прикреплена видеолекция одного американского университета на тему «Можно ли доверять прессе?». Впрочем, когда вы начинали искать, что представляет собой этот «университет», оказывалось, что никакого научного учреждения не существует, есть только название, на которое ссылаются видеоролики, сделанные одним американским радиоведущим (12).

Деятельность аккаунта @Ivan226622 до появления на Филиппинах была еще более странной. Он так же активно публиковал статьи о происходившем сначала в Иране, потом в Сирии. Затем он переключил свое внимание на Испанию и разместил сотни статей с аргументами в пользу

независимости Каталонии. Чаще всего эти статьи были взяты из испаноязычных версий российских государственных СМИ. В то же самое время эти статьи публиковали сотни других аккаунтов.

О существовании @Ivan226622 общественность узнала в начале 2018 года, когда пресса активно обсуждала самую одиозную фабрику троллей в мире — Агентство интернет-исследований (АИИ), располагавшееся в Санкт-Петербурге. Оно привлекло к себе внимание после того, как стало известно о его попытках повлиять на президентские выборы в США в пользу Дональда Трампа. Понять, кто стоит за конкретным аккаунтом, не всегда просто, поэтому рассказы об АИИ зачастую приводили к обвинениям в «троллинге» обычных людей с необычными интернет-привычками. @Ivan226622 исчез вскоре после того, как о нем написал Rappler, прежде чем кто-то успел выяснить, кем он был на самом деле.

Но с тех пор, как Родриго Дутерте познакомился и наладил отношения с президентом Путиным, филиппинское правительство начало цитировать российские государственные СМИ. Связано ли это с кратким появлением @Ivan226622? В любом случае, это стало небольшим намеком, что случай Rappler был проявлением масштабного глобального явления.

Как поймать тролля

Славу, пусть и дурную, АИИ заработало на предвыборной кампании в США, но основная деятельность агентства была направлена против оппозиции внутри страны. В Санкт-Петербурге одна молодая и хрупкая на вид женщина, Людмила Савчук, проникла в АИИ уже в 2015 году с целью собрать

достаточно улик, чтобы вынудить его прекратить работу. Впервые я столкнулся с ней в Европе, а затем в США во время ее долгой и одинокой борьбы против этой фабрики троллей.

История Людмилы напомнила мне о других активистах, которых я встречал, когда жил в России. Поскольку государство уничтожило множество общественных организаций, среди активистов встречаются представители самых разных профессий: журналисты, мелкие бизнесмены, сотрудники благотворительных фондов и так далее, — в отличие от западных стран, где активизм сам по себе может быть работой. Погуглив информацию о Людмиле, я заметил, что западным журналистам не так просто ее охарактеризовать: Людмилу называют то защитницей окружающей среды, то журналисткой, то интернет-активисткой или даже диссиденткой… И в определенном смысле все это верно.

«Забудьте все, что прочитали обо мне», — говорит Людмила в самом начале нашего разговора. Она расстроена тем, что некоторые журналисты называют ее «инсайдером» с фабрики троллей, хотя она изначально работала там «под прикрытием».

«Думаю, это словечко приносит больше кликов», — вздыхает она.

Слово «инсайдер» намекает, что Людмила изначально была одной из «них», то есть кремлевским троллем. Людмила уже научилась понимать, почему люди, прочитав о ней в Сети, отказываются пожимать ей руку; ей приходится снова и снова рассказывать свою историю.

В 2014 году она работала телерепортером в Пушкине, городе-спутнике Санкт-Петербурга, снимая сюжеты о чиновниках, планировавших незаконное строительство в природоохранных зонах. Вскоре она уже

помогала организовывать митинги против незаконных застроек в парках, участвовала в местных выборах. И все чаще она замечала, как в интернете активистов обвиняют в том, что они — просто нанятые марионетки и бездельники. Тогда уже начали ходить слухи о фабрике троллей в пригороде Санкт-Петербурга, хотя никто не знал ни масштабов ее работы, ни конкретных целей. Многие считали, что на нее вообще не стоит обращать внимания. Ну и что, если вас троллят? «Крутые» активисты считали, что отвечать на обвинения ниже их достоинства. Людмила же думала иначе. Оскорбления в адрес людей, которых она уважала, казались ей омерзительными.

В январе 2015 года коллега-журналистка спросила Людмилу, не хочет ли та присоединиться к проекту во имя «блага родины». Людмила поняла, что речь идет о фабрике троллей. Ее коллега собирала команду для «особых проектов» и искала людей, умеющих хорошо писать. Может, Людмила придет на собеседование?

У нее появился шанс выяснить, как работает фабрика троллей. Вместе с журналистами «Моего района» и «Новой газеты» она придумала план. Людмила решила проникнуть на фабрику, собрать факты о ее работе, а журналисты обещали опубликовать эту информацию.

Офис конторы располагался в новом четырехэтажном здании с прямоугольными колоннами, подпиравшими второй этаж. Его узкие окна в черных рамах напоминали бойницы. На двери не было никакой вывески. Подруга встретила Людмилу у входа и отвела на встречу с менеджером. К удивлению Людмилы, им оказался известный человек, колумнист одной газеты. Фабрикой управляли не спецслужбисты и не пиарщики, а бывшие

журналисты. Мотивация была серьезная: ей предложили в несколько раз больше средней зарплаты журналиста плюс стабильную работу. Впрочем, менеджер, знавший о расследовательской деятельности Людмилы, был в ней не уверен, но подруга Людмилы отмела все сомнения: «Да ладно, кто из нас в прошлом не занимался чем-то подобным!»

На каждом этаже конторы стояли бесконечные ряды компьютеров, за ними круглосуточно посменно работали сотрудники. У всех были электронные пропуска, фиксировавшие время прихода и ухода. Даже курить выходили по часам.

На фабрике существовала своя иерархия. Большинство сотрудников с презрением смотрели на «комментаторов». В самом низу находились те, кто писал комментарии под статьями в онлайн-изданиях; немного выше — те, кто оставлял комментарии в соцсетях. Редакторы давали комментаторам задания, на кого из российской оппозиции нападать, и те начинали писать о марионетках ЦРУ и предателях. Некоторые комментаторы были не слишком образованны, их письменный русский оставлял желать лучшего, поэтому в контору регулярно приходил учитель, дававший им уроки грамматики.

Людмила работала в другом, более престижном отделе. Ее «спецпроектом» было создание персонажа — мистической целительницы Кантадоры, эксперта астрологии, парапсихологии и кристаллов. Тексты Кантадоры предназначались для домохозяек среднего класса, обычно не интересующихся политикой. Работа Людмилы состояла в том, чтобы перемежать публикации о романтических отношениях и знаках зодиака постами об актуальных событиях. Над профилем Кантадоры работало

иногда четыре, иногда пять человек. Больше всех Людмиле нравился Стас. Работа его явно угнетала. Каждый день Людмила, Стас и другие авторы получали тексты политических статей и «выводы», которые читатели должны были из них извлечь: например, что ЕС – лишь вассал США или что Украиной, куда вторглась Россия, управляют фашисты. А грамотно вставить их в блог Кантадоры было уже делом Людмилы и ее коллег. К примеру, Людмила писала, что у Кантадоры была сестра в Германии, а затем описывала сон, в котором сестру окружали в пустыне ядовитые змеи. Из этого сна следовал четкий вывод, что змеи олицетворяют внешнюю политику США, угрожающую интересам ЕС. Порой сотрудники демонстрировали уровень гранулярности [4], искренне поражавший Людмилу. Так, два тролля могли зайти в раздел комментариев небольшой провинциальной газеты и завести разговор об улице, на которой они жили, или о погоде, а затем, как бы между делом, ссылались на статью о коварном Западе, несущем вред России.

Никто из работников фабрики не называл себя троллем. Вместо этого люди предпочитали говорить о своей работе в обезличенной форме («написана статья», «опубликован комментарий»). Большинство из них относилось к этому как к подработке. Они делали необходимый минимум работы, а потом будто забывали о ней. Многие из них были приятными молодыми людьми с открытыми и дружелюбными лицами, при этом они, не моргнув глазом, унижали, оскорбляли и поливали грязью своих жертв. Людмилу поразили легкость, с которой фабрика нападала на людей, и масштаб работы. Она продолжала ходить туда, надеясь, что ее расследование поможет все это остановить. Но собрать необходимые

доказательства оказалось непросто. В каждом углу висели камеры, поэтому, когда она хотела вставить флешку в компьютер и скачать нужные файлы, ей приходилось перекидывать свои длинные кудрявые волосы через плечо так, чтобы они закрывали ее руку.

Кто давал фабрике инструкции и говорил, что делать? Сам Кремль? Или инициатива зарождалась внутри агентства? Этого никто не обсуждал. Другие журналисты говорили Людмиле, что фабрика принадлежит Евгению Пригожину. Его официальный бизнес состоял в обслуживании режима — он оказывал Кремлю услуги кейтеринга. Пригожин лично знал президента Путина с 1990-х годов и провел девять лет в тюрьме за разбой (13). Позже выяснилось, что он также руководит деятельностью наемников, участвующих в войнах, затеянных Кремлем, от Украины до Сирии.

Были моменты, когда Людмила видела, что фабрика — часть куда более широкой сети. К примеру, когда в феврале 2015 года на мосту по соседству с кремлевскими башнями и цветастыми куполами собора Василия Блаженного был убит оппозиционный политик Борис Немцов, фабричные менеджеры бегали по офисам, раздавая троллям прямые указания, какие комменты оставлять под публикациями крупных российских изданий. Фабрика работала в унисон со всем государственным комплексом дезинформации. Ни у кого не было времени читать статьи, но все точно знали, как их нужно комментировать. Троллям приказали напустить туману в разговоры о том, кто стоял за убийством: украинцы, чеченцы, американцы? АИИ, организация, связь которой с Кремлем была намеренно затушевана, в свою очередь, намеренно затушевывала связь Кремля с этим убийством.

День за днем Людмила смотрела, как тролли создают фейковую реальность. Приходя вечерами домой, она слышала, как ее родные и близкие повторяют ложь, придуманную в недрах фабрики. Люди, считавшие себя неуязвимыми перед телевизионным инфопотоком, оказывались беззащитны перед сообщениями в соцсетях, проскальзывавшими в самую глубину их личного онлайн-пространства, крепко оплетавшими его, становившимися частью их жизни.

Людмила провела на фабрике два с половиной месяца. Затем, как и планировалось, она передала собранные материалы в газеты. Те опубликовали их без указания ее имени. На следующий день, придя на работу, она увидела, как комментаторы изо всех сил пытаются опровергнуть ее статью. «Никаких фабрик троллей не существует, — писали тролли. — Всё это выдумки продажных журналистов». Руководители фабрики уже проверяли записи с видеокамер в поисках «предателя». Людмила понимала, что ее найдут — это лишь вопрос времени.

Людмила покинула фабрику и решила заявить публично, что именно она проникла туда. Она хотела рассказать об увиденном, добиться закрытия этого заведения; под маской анонима это было невозможно. Она дала десятки интервью и выступала по всему миру.

Теперь фабрика обратилась против нее. Появились комментарии и публикации о том, что она — сексуальная извращенка, шпионка и предательница. Ее родственникам звонили, говоря, что за такие вещи других убивают.

Людмила попыталась связаться со Стасом, соавтором блога Кантадоры, к которому испытывала определенную симпатию, но тот в ответ лишь слал

ей злобные матерные сообщения. Это ее расстроило: она знала, что он ненавидит фабрику, и надеялась, что поймет ее.

Людмила надеялась, что обнародование информации о работе АИИ вызовет такое сильное возмущение, что позволит остановить фабрику. Она верила, что люди испытают настоящий шок, узнав, как ими манипулируют, а сотрудникам конторы станет совестно и они уйдут. Большинство людей, которых она встретила на фабрике, не были монстрами. Но они продолжали там работать, потому что общество их за это не осуждало.

Однако вместо возмущения возникла другая реакция: многие, в том числе и ее коллеги-активисты, в ответ на разоблачение просто пожали плечами. Это ужаснуло Людмилу еще больше. Реальностью стала не только ложь, которую создавала фабрика; сам факт ее существования воспринимался как нечто нормальное.

В какой-то момент угрозы расправы и оскорбления настолько измучили Людмилу, что у нее начались панические атаки и ей пришлось пойти к психотерапевту. Терапевт внимательно ее выслушал, покивал, а затем поинтересовался, почему она хочет бороться с государством таким способом, вам что, мол, платят за предательство? Возмущенная Людмила пошла к другому доктору, но услышала примерно то же самое. Она чувствовала, что образ мыслей, продвигаемый фабрикой троллей, буквально проник в подсознание всей страны. Она покинула пределы фабрики — но лишь для того, чтобы увидеть: «фабрика» окружает ее повсюду.

Затем, в начале 2018 года, расследование Специального комитета Сената США выяснило, что деятельность фабрики троллей вышла за пределы

России и проникла глубоко на территорию США. Были созданы тысячи фейковых аккаунтов, групп и сообщений, якобы от имени реальных американцев: правых националистов, любителей оружия и сторонников Дональда Трампа или активистов борьбы за гражданские права афроамериканцев, утверждавших, что его соперники просто не стоят того, чтобы отдавать за них голос. Это продолжилось и после выборов 2016 года, когда фабрика попыталась еще больше натравить американцев друг на друга. Свыше 30 миллионов американцев поделились созданным фабрикой контентом с друзьями и родственниками (14).

Людмила полагала, что США просто обязаны наказать фабрику троллей. Она часто замечала, что авторы АИИ, пишущие посты об ужасном Западе от имени своих персонажей-троллей, в реальной жизни мечтали о поездке в Америку. Она считала, что простой угрозы запрета на въезд в США будет достаточно, чтобы многие коллеги отказались от этой работы и перестали считать ее «обычной подработкой».

Ее ждало разочарование. Специальный совет США начал рассматривать дела против нескольких менеджеров среднего звена, но претензии носили лишь технический характер (например, использование фальшивых данных для открытия аккаунтов). При этом сама фабрика не только не закрылась, но и переехала в офис с площадью в три раза больше.

Когда я спросил у американских правительственных юристов, почему на троллей нельзя наложить санкции, они ответили, что сложно доказать сам факт, что АИИ напрямую работает на российское правительство и, следовательно, ведет деятельность «враждебного государства». В любом случае, несмотря на значительный масштаб деятельности АИИ, в ней не

было ничего уникального. Западные PR-компании часто ловят на подобном, в частности на использовании фальшивых персонажей в интересах клиентов. Американские военные запустили в 2011 году проект под названием Earnest Voice («Честный голос»), в рамках которого создали фальшивые аккаунты в Сети, чтобы противостоять информационной деятельности террористов на Ближнем Востоке. Так что не только русские использовали эту технологию для подобных целей (15), (16).

Но, мне кажется, важнее другое: хотя вам может и не нравиться то, что пишут тролли, ложь сама по себе не противозаконна. Журналистское кредо, на котором меня воспитывали, говорит, что на «рынке идей» лучшее противоядие для лжи — более качественная информация. В конце концов, разве не за свободу слова боролись диссиденты-демократы, в частности мои родители?

—

Камиль Франсуа считала иначе. Она занималась изучением кибервойн в Гарвардском университете и Google и, когда впервые прочитала о расследовании Людмилы и услышала историю Марии Ресса, поняла, что оба случая отлично вписываются в общую закономерность, которую она наблюдала по всему миру: это новая версия старой игры «власть против инакомыслия, свобода слова против цензуры», правила которой изменились с точностью до наоборот. Прежние методы замалчивания и давления утратили свою силу; немногие режимы в наши дни могут помешать людям получать и распространять информацию, как это было в Советском Союзе.

Однако сильные мира сего адаптировались, и теперь инакомыслие подавляется с помощью шаек в соцсетях и кибероополченцев. Репутация несогласных публично ставится под сомнение, и их перестают слушать. Но, из-за того что связи между государствами и «ополченцами» неочевидны, режим всегда может заявить, что не имеет никакого отношения к этим кампаниям, что всем этим занимаются частные лица, реализующие свое право на свободу слова.

Франсуа подумала: что если попробовать установить связь между государствами и кампаниями через Сеть? Получится ли затем призвать их к ответу?

Она начала свою карьеру в интернете в 1990-е годы в Париже с сотрудничества с так называемыми интернет-пиратами — хакерами, выкладывавшими в публичный доступ защищенную авторскими правами музыку, книги и программы во имя идеи бесплатного доступа к знаниям для всех. В какой-то момент Франсуа даже выступала за отмену паролей, чтобы у каждого человека был доступ к интернет-данным всех остальных. Двадцать лет спустя этот идеализм сменился пониманием, что интернет стал намного более опасным местом — так что теперь ее больше занимают вопросы безопасности. Камиль уже знала, как государство взламывает телефоны и компьютеры журналистов и активистов, особенно в Латинской Америке. Она связалась с пострадавшими и спросила их, сопровождались ли эти взломы нападками в Сети. Почти все подтвердили ее предположения. Марта Ролдос, политик из Эквадора, рассказала, что на нее обрушилась лавина угроз с различных аккаунтов, обвинений в убийстве собственных

родителей-политиков и шпионаже. Пожалуй, она дала самое точное описание случившегося:

> В прошлом мне отказывали в политических правах, а перед моим домом стояли вооруженные люди, направлявшие автоматы на мою дочь… Но тогда не было никаких кибердомогательств. Они начались только после того, как я стала финансировать журналистские расследования.

В течение следующих трех лет, с 2015-го по 2018-й, Франсуа собрала команду из двадцати исследователей и коалицию групп гражданских активистов, которые изучили данные из Азии, Ближнего Востока, обеих Америк и Европы для систематизации феномена, который она назвала «троллингом с государственной поддержкой». В этом исследовании, часть которого была впоследствии опубликована организацией с метким названием «Институт Будущего»(17), были определены несколько категорий.

К самой очевидной относились «управляемые государством» кампании, в ходе которых режим давал инструкции о том, кто, как и когда станет следующей жертвой, хотя сам и не принимал прямого участия в кампании. Так, к примеру, произошло в Венесуэле — правительство Мадуро организовало закрытые каналы в соцсетях, через которые отдает энтузиастам распоряжения, кого атаковать, с помощью каких сообщений и когда, но не выполняет эту работу само.

Чтобы еще больше отвести от себя подозрения, можно работать через молодежные движения. К примеру, в Азербайджане существует движение «Ирели», призванное «привлекать молодых людей, способных принять

активное участие в информационной войне». На практике это означает рассылку угроз критически настроенным журналистам типа Арзу Гейбуллы: «Кем меня только не называли: блядью, сукой, свиньей… и не только. Они оскорбляли и мою больную мать, и моего покойного отца. Ее называли проституткой, а его — предателем, спавшим с армянской шлюхой».

Хуже была ситуация в Бахрейне, где в ходе протестов 2011 года внезапно появился целый ряд аккаунтов, публиковавших фотографии лиц демонстрантов вместе с их домашними адресами и номерами телефонов. Там же упоминался номер горячей линии, куда можно было позвонить и донести на участников протеста против режима. Кто стоял за аккаунтами? Никаких доказательств не было, но когда правительству сообщили об их существовании, оно не сделало ничего для их блокировки. Камиль Франсуа решила, что этого факта вполне достаточно, чтобы считать правительство причастным. Такие кампании она назвала «согласованными с государством».

Еще один способ маскировки связан с ситуациями, когда государство слегка подпитывает атаки, но не играет активной роли в их реализации. Так происходит в Турции, где журналисты, поддерживающие правящую партию, провоцировали нападения на тех, кто осмеливался противостоять президенту Эрдогану. Подобный «вдохновленный государством» подход может иметь и свои минусы: иногда журналисты набрасываются не на тех, и президенту приходится останавливать атаку, выступая в поддержку жертвы.

Такие виды вдохновленных государством кампаний начали возникать и в США. Институт Будущего рассказывает о случаях, когда команда Белого

дома, занимающаяся социальными сетями, сайты, поддерживающие президента, да и он сам называли журналистов, ученых и представителей оппозиции «мразями», «подонками» и «врагами народа». После этого жертвы сталкивались с массовой агрессией онлайн: люди звонили им на работу с требованием увольнения, их угрожали убить или изнасиловать.

Подобные случаи вынудили вашингтонскую организацию Freedom House, занимающуюся оценкой свободы прессы в разных странах, понизить в 2017 году рейтинг США: «Фейковые новости и агрессивный троллинг журналистов... стали причиной снижения рейтинга США, несмотря на в целом свободную среду». Организация Freedom House была основана в 1941 году как инструмент противостояния тоталитарным режимам. Она защищала советских диссидентов во времена холодной войны. Теперь же она все чаще обращает внимание на случаи нарушения свободы внутри США (причем не впервые: в 1950-е годы Freedom House публично выступала против антикоммунистической «охоты на ведьм», инициированной сенатором США Джозефом Маккарти).

Установив уровни систематизации, Франсуа приступила к изучению юридических документов. У государств были юридические обязательства, зафиксированные в официальных документах ООН, по защите фундаментальных прав своих граждан. Однако в них ничего не было сказано о «праве» государства на использование автоматизированных и фальшивых персонажей, чтобы «топить», унижать и запугивать своих критиков.

Вопрос теперь заключался не в том, есть ли право на «свободу выражения» у троллей, получавших господдержку, а злоупотребляли ли они

этой свободой для нарушения прав жертв. Иными словами, это была цензура шумом. «Мы наблюдаем за тактическими ходами, которые делают государства по пути от идеологии дефицита информации к идеологии информационного изобилия, – пишет профессор права Тим Ву, – и в этом процессе сама речь начинает выступать оружием цензуры» (18).

Чтобы призвать к ответу фабрику троллей и финансирующее ее государство, понадобится по-настоящему громкое дело, которое создаст исторический прецедент. Пока что Камиль прилагает массу усилий для воздействия непосредственно на технологические компании. В определенном смысле она даже преуспела. В период с 2015 по 2018 год компании, занимающиеся социальными сетями типа фейсбука и твиттера, начали как минимум признавать сам факт наличия скоординированных атак. Кроме того, они стали закрывать аккаунты, замеченные в злоупотреблениях.

Я читал исследование Франсуа утром в вашингтонской гостинице в состоянии джетлага после трансатлантического перелета, когда искажается обычная логика дня и ночи. Возможно, именно из-за того, что время слегка ослабило свою хватку, меня одолел неестественный энтузиазм. Мне показалось, что мечта Франсуа вот-вот реализуется. Я принялся представлять себе будущее, в котором все власти мира и технологические компании смогут обеспечить охрану прав человека в Сети. Компании могли бы защищать диссидентов, предупреждая, что против них готовится очередная атака. Они могли бы мгновенно выявлять троллей и наказывать их, чтобы те больше не смогли никому причинить вреда. Государства перестали бы злоупотреблять свободой слова и подвергать репрессиям тех,

кто говорит правду властям; а работа на фабрику троллей больше не считалась бы чем-то «нормальным»...

Спустившись в тесное лобби гостиницы, я сразу отбросил все свои мечтания, как только заметил Марию Ресса. Я не видел ее три месяца и поэтому сразу спросил, стало ли поступать в адрес Rappler меньше угроз. Она показала мне сообщение, только что полученное от Гленды Глориа. Это была фотография толстенного досье с обвинениями Марии в неуплате налогов, ей грозил 10-летний тюремный срок. Мария направлялась в аэропорт, ей нужно было успеть на рейс в Сингапур, а затем – обратно в Манилу. Тогда ей удалось внести залог, но через несколько месяцев против нее выдвинули новое обвинение – на этот раз за клевету, которая якобы содержалась в одной статье 2012 года. Я смотрел трансляцию в фейсбуке, когда ее арестовывали в офисе Rappler (на следующий день, правда, выпустили). Правозащитные организации осудили обвинения против Марии как политически мотивированные (19).

Где-то в промежутке между арестами и допросами в 2018 году Мария получила одну из самых престижных международных премий в области журналистики – Knight International Journalism Award. «Нарастающие потоки лжи в социальных сетях провоцируют ненависть и душат свободу слова, – сказала Мария, забирая свою статуэтку. – Мы боремся с безнаказанностью филиппинского правительства и спорим с Facebook. Почему это важно для вас? Наши проблемы быстро становятся вашими. Границы по всему миру рушатся, и вскоре мы увидим, как игра выйдет на глобальный уровень» (20).

Несмотря на все международное внимание, слова Марии были проигнорированы, атаки и судебные иски против нее продолжились. Казалось, будто кто-то хочет дать нам понять, что свобода слова в традиционном понимании — как возможность рассказать о своей проблеме или мыслях всему миру — утратила смысл.

Читателю придется самому выяснить, был ли у истории Rappler счастливый, печальный или вообще хоть какой-то конец. Но уже на момент написания книги, в начале 2019 года, мне было ясно, что Мария перестала быть простым репортером, комментирующим события истории настоящего, а превратилась в символ того, насколько легко эту историю можно изменить. В этом и состоит парадокс новых медиа. Мы ждали, что они приблизят наступление светлого будущего; вместо этого они вернули нам прошлое: и женоненавистничество, с которым, казалось, покончено навсегда, и политические режимы, которые вроде бы доживали последние дни. Сама модель социальных сетей дробит время, место и пропорции: видеозаписи террористических атак стоят рядом с клипами про котиков; свежие анекдоты чередуются со старыми семейными фотографиями. И результатом становится некое сглаживание — будто прошлое и настоящее теряют свою сравнительную перспективу.

Каждый раз, когда Лина нервничала, у нее разыгрывался псориаз и на коже появлялась красная сыпь. Она боялась думать, что с ней будет, когда КГБ потащит ее на допрос. Начнет чесаться как сумасшедшая? Как сохранить самообладание? Что, если они станут угрожать лишить ее родителей работы? Как она сможет с этим жить? И кто будет кормить Петю?

Эсфирь, мать, успокоила ее. Она велела ей забыть о родителях — теперь у нее был только муж, больше никого. О ребенке тоже придется забыть: ему найдут кормилицу.

«КГБ будет допрашивать тебя так долго, что молоко у тебя в груди скиснет из-за мастита. Твои груди набухнут, молочные протоки забьются, груди будут гореть и покрываться язвами. Ты будешь как в лихорадке. Поэтому каждый раз, как только ты почувствуешь боль, встань, подойди к стене допросной и начинай выдавливать молоко из грудей прямо на стену. Заставь их устыдиться и засмущаться».

Больше всего Лину шокировало то, что ее мать, этот строгий, наглухо застегнутый на все пуговицы адвокат, так открыто и прямо говорит о том, как надо сопротивляться тайной полиции. Но, хотя Эсфирь никогда об этом не рассказывала, она немало знала об арестах.

Еще в 1948 году, когда Эсфирь была студенткой, декан факультета права отправил ее работать стенографисткой в киевский суд. У нее была отличная память, а в то время проходило множество «судов». В зал заседаний вводили одного человека за другим и лепили им сроки, как на конвейере. Это было послевоенное время, когда Сталин занялся преследованием украинских националистов. Вскоре Эсфирь уже знала, сколько лет дает каждый судья: этот пятерку, а тот — пятнашку. Если судья был известен особой

суровостью, то перед самым оглашением приговора Эсфирь переставала печатать, все остальные работники суда тоже прекращали свою работу и крепко зажимали ладонями уши. Они видели, как судья бесшумно открывает рот, читая приговор, а затем в зале поднимался вой. Он напоминал завывание ветра, нарастая и превращаясь в безумный скорбный стон. Пронзительный вопль пробирал людей до костей.

«А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а...»

Это были родственники приговоренных, и так повторялось каждый раз.

Так что Лина выросла в мире, где каждый прилагал все усилия, чтобы ничего не слышать. Она провела детство среди людей, говоривших шепотом фразы вроде «Такой-то арестован»; «Такой-то осужден» (взрослой она испытывала особое отвращение к шепоту и страдательным причастиям). Однажды случилась катастрофа — огромная дамба, удерживавшая воду около оврага в Бабьем Яре, разрушилась, и часть Киева оказалась под водой. Поток смывал трамваи и целые дома. Кто-то сейчас говорит, что погибли сотни людей, кто-то — что тысячи. Точно не знает никто: любые слухи об этом событии пресекались людьми «из органов», а публичные выражения скорби были запрещены. Но наводнение напомнило о другой замалчиваемой катастрофе. Именно в Бабьем Яре во время войны нацисты при содействии местных коллаборационистов убили несколько тысяч евреев. Об этом предпочитали не упоминать, храня нерушимое молчание.

В университете к Лине начали попадать первые запрещенные книги. Наконец кто-то начал говорить о том, что так долго замалчивалось. В небольшом кружке друзей моего будущего отца, Игоря, люди говорили то, что думали, не переходя на шепот. Они обменивались запрещенными текстами,

напечатанными на дешевой бумаге. К ним приклеивали картонные обложки, а затем передавали друг другу в коробках из-под обуви.

Однажды вечером, за год до ареста Игоря, Лина пришла домой с обувной коробкой, в которой лежал «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Она держала ее под мышкой. Повернувшись, чтобы снять плащ, она заметила в отражении зеркала, висевшего в прихожей, взгляд прабабушки Цили, жившей в комнате напротив. Та внимательно посмотрела на Лину одним здоровым глазом, и, видимо, что-то в поведении моей матери выдало ее в ту же секунду. «Эсфирь! — закричала прабабушка. — Ребенок принес домой запрещенную литературу».

Эсфирь вбежала в комнату моей матери и угрожающе нависла над ней. «Думаешь, ты такая смелая? Дай-ка я объясню, что с тобой сделают. Тебя поведут по длинному темному коридору. Бросят в крошечную камеру. Закроют за тобой тяжелую дверь и повернут ключ в замке».

А затем Эсфирь издала гортанный звук, словно кто-то поворачивает какую-то огромную ржавую махину туда-сюда. Этот звук заставил мою мать сжаться от ужаса. Даже много лет спустя она не могла понять, как Эсфирь это удалось, какому напряжению нужно было подвергнуть свою гортань и связки, чтобы ей, Лине, передалось ощущение металла, ломающего человеческую волю.

Тем же вечером Лина унесла обувную коробку из дома. Мать впервые так прямо заговорила с ней об обратной стороне советской реальности: тюрьмах, арестах по вымышленным обвинениями и допросах, о которых все знали, но никогда не обсуждали.

«Может быть, с моей стороны это слишком жестоко, но я не могу подобрать никакого другого слова, кроме „предательство“, когда думаю о тех,

кто был взрослым во времена моего детства и юности», — писал позднее Игорь в эссе под названием «Право читать».

> «Я чувствую себя преданным своими учителями. Я не разу не слышал ни от одного учителя слова правды про трагедию моей Родины.
> Я чувствую, будто предал сам себя. Почему я верил на слово учителям и газетам? Почему я до 26 лет так долго шел к открытому выступлению в защиту моих соотечественников, посаженных за решетку, за колючую проволоку, за высокие стены психбольниц из-за своей способности думать и выражать свои мысли вслух?
> Хотя я и любил своих родителей, мне казалось, что и они меня предали. Хотя бы дома они могли бы ради своих детей вести себя достойно и честно.
> И лишь книги, только книги никогда не предавали меня… Я считаю любую талантливую литературу антисоветской. Я чувствую, что любая книга, поддерживающая человека, его индивидуальность, его неповторимость, становится антисоветской, потому что диктатура государства направлена против человека как индивидуума».

Игорь видел, как противоречия советского эксперимента искалечили судьбу его собственного отца. Яков Израилевич искренне верил в идеи большевиков и порвал со своей буржуазной религиозной одесской семьей. Он полагал, что ему и другим по силам построить справедливое общество, свободное от антисемитизма. В 1941 году он стал редактором газеты «Днепропетровская молодежь» и, казалось, уверенно шел к журналистскому успеху, но после войны

Сталин решил прижать евреев. Яков Израилевич был вынужден уехать и скрыться у родственников в далеких Черновцах, провинциальном украинском городке на границе с Румынией. До Первой мировой войны Черновцы входили в состав Австро-Венгрии, затем стали частью Румынии, до аннексии, проведенной Сталиным в 1944 году. Но и там он работал в местной газете — и первый сердечный приступ случился с ним после того, как он написал статью о югославском лидере маршале Тито в «слишком мягких», как выяснилось, выражениях. Он получил «строгое партийное взыскание за сознательное приукрашивание истинной сути реакционного режима Тито в Югославии». Яков Израилевич был настолько возмущен, что написал — в нарушение партийной дисциплины — письмо в московскую газету «Правда» в защиту своей «либеральной» редакторской колонки. Это был единственный раз, когда Игорь видел, как его отец «выпрямился во весь рост». «Правда» так и не ответила.

Яков Израилевич скончался после очередного сердечного приступа, когда Игорь был еще студентом. К тому времени Игорь уже все для себя решил в отношении режима. Поворотным моментом для него стал 1968 год, когда советские танки въехали в Прагу, — все понимали, что это вторжение, но притворялись, что речь идет о «братской помощи».

В своей первой повести «Читая Фолкнера», написанной в 27-летнем возрасте, Игорь использовал сюжеты из собственной жизни. Вымышленный рассказчик, молодой писатель, находит записи своего отца, сделанные в имперском, обезличенном стиле, и сравнивает их со своими:

> Страна сбросила оковы капиталистического рабства! Буржуазная культура всегда была далека от народа! Теперь она окончательно обнажила свое лицо — лицо служанки монополистического капитала! Да здравствует солнце, да скроется тьма!

И:

> Еще минуту тому назад ты шел улицей, вдыхал воздух и выдыхал слова. Теперь ты дорвался до бумаги — сейчас посыплется, как черешни из-за пазухи. Разве есть счастье большее, чем писать от первого лица?

Рассказ Игоря полон радости от права человека определять самого себя. Его герой, вдохновленный чтением романа американского писателя-модерниста Уильяма Фолкнера «Шум и ярость», экспериментирует с разными стилями для описания своего состояния, Черновцов и семьи. Он использует лишенный знаков пунктуации стиль свободного потока сознания, перемежая его отрывистыми предложениями. Он то принимается писать в стиле Фолкнера, то пробует что-то иное. Он пытается выяснить, действительно ли история личности, история «Я», начинается с воспоминаний о родителях (нет), первых вопросов об этнической принадлежности (нет) или же с того момента, когда вы влюбляетесь и впервые видите человека новыми глазами (да).

> Я в комнате, где музыка и дым. Напряженная спина отца… Жуть газетных передовиц; какие тяжелые слова ворочает отец: машинно-тракторная станция, [партийная] директива… С этого начался Фолкнер? Нет!

> Полдень, шлемы куполов, стремительные ступеньки, мы в майках, нам — шесть, прохладная духота церкви. Сбоку и сверху: голос отдельно, оспенное лицо отдельно: «А ты, жиденок, ступай отсюда... » Так начался Фолкнер? Нет.
> Девочка, на берегу тебя. Как высоко небо. Как глубок поцелуй. Мы не на «ты» — на «я». Не вхожу — заплываю далеко в тебя: мимо — буйков, горизонта — мимо; оглянувшись, не видел кромки суши, радовался. Ты помнишь, десять июлей тому ты входила, столькожелетняя, в дух захватывающее Черное и была в нем теплым течением. Но при чем здесь Фолкнер? При чем. При чем!

— Вы так любите Уильяма Фолкнера, — сказал Игорю полковник по имени Вилен Павлович (его имя было составлено из слогов имени Владимира Ленина) во время первого допроса, пытаясь его разговорить. — А вы понимаете, что это буржуазный писатель?

— На самом деле, его не так давно опубликовали в Советском Союзе и назвали критиком буржуазной системы, — возразил Игорь. Люди из КГБ плохо подготовились: незадолго до этого цензура действительно разрешила печатать книги Фолкнера. Граница между «разрешенными» и «запрещенными» авторами время от времени сдвигалась в зависимости от политического курса.

Стратегия Игоря состояла в том, чтобы отказываться от разговоров о друзьях, родных или коллегах, а это означало, что единственной темой оставались книги. Допросы превратились в литературные обсуждения. Кагэбэшники постоянно переходили от запугивания к соблазнению и обратно.

— Сотрудничайте с нами! Мы сотрудничаем [то есть получаем доносы] со многими писателями. Мы можем помочь вашей карьере, — говорили они с улыбкой, а затем их настроение внезапно менялось, и они принимались стучать по столу книгами, в распространении которых его обвиняли. — До чего же вы докатились, Игорь Яковлевич? Как же глубоко вы увязли?

Вилен взял в руки одну из книг. По иронии судьбы это оказалось «Приглашение на казнь» Владимира Набокова, кошмарная история человека в неназванной стране, арестованного за неназванное преступление. Вилен пролистал книгу, качая головой.

— За такую книгу вы получите семь и пять.

Это была не пустая угроза. Писатели и литературные критики в Киеве один за другим получали приговор: семь лет в тюрьме и пять лет ссылки. В Москве или Ленинграде можно было держать книги Набокова на полке, практически ничем не рискуя. Но в областях, где укоренился параноидальный страх украинского восстания, последствия были куда более жестокими.

Игорь отрицал, что вообще видел эти книги. «Отрицание всего» было проверенной временем тактикой поведения на допросах, но ему было больно говорить эти слова: книги никогда не предавали его, а теперь он предавал их. Он обнаружил, что постоянно думает о стопках других «дефицитных» запрещенных книг в подвалах КГБ. Там хранились настоящие сокровища!

Чтобы не дать страху завладеть его разумом, он пытался очеловечивать образы следователей. Как они выглядели, когда им не нужно было изображать хорошего и плохого полицейских? Идя по коридору на допрос, он заметил стенгазету сотрудников КГБ. Он усмехнулся: значит, и этим людям приходилось заниматься литературным трудом для газеты с названием

«Дзержинец», названной в честь Ф. Дзержинского, основателя ЧК. Интересно, подумал он, а кроссворд в газете тоже посвящен их работе? Эти люди следовали извращенной профессиональной этике, которая давала им право подслушивать разговоры, записывать на пленку звуки чужих объятий и поцелуев, а затем использовать эти записи для шантажа. Они могли диктовать, какие книги вы можете читать, а какие нет. Казалось, что нет никакой границы между точной и рациональной логикой их вопросов и внезапным переходом к насилию. Игорь заметил, что, говоря о себе, они предпочитают старый термин «чекист», наследие эпохи революции. Видимо, это звучало более романтично и придавало их работе некий высший смысл. Как они настраивают себя перед тем, как врываться в чужие квартиры или «ломать» на допросах друзей арестованных?

Самое страшное было идти домой с работы. Он прислушивался к звуку каждого автомобиля и молился, чтобы тот проехал мимо и не остановился. Он стоял у двери дома, боясь открыть ее и увидеть, что за ней происходит. В стихах того времени радостное «Я» сменяется местоимением третьего лица — по мере того, как люди из его окружения исчезают, словно устаревшие грамматические формы. Солнечные дни — темными ночами. Из тумана появляются тюремные бараки, а вместо возлюбленных вашими спутниками, блуждающими в лунном свете, становятся агенты КГБ. В одном стихотворении автор, словно какое-то неизвестное животное, в ужасе прячется от уличных кошачьих банд. Он описывает страх как ежа, который сначала тычется своей милой мордочкой ему в грудь, а потом выпускает острые иглы, чтобы разодрать его в клочки.

«В октябре 1977 года сотрудники киевского УКГБ допросили не менее 16 знакомых ПОМЕРАНЦЕВА в попытке получить показания, которые приведут к обвинению, — писали в „Хронике“. — Из всех допрошенных лишь один сломался и признался в том, что „ПОМЕРАНЦЕВ“ распространял антисоветские измышления, например о том, что творческие люди в СССР не могут реализовать свой талант».

Сотрудники КГБ показали Игорю это признание. На очной ставке Игорь отверг обвинения, на это стукач ответил, что у него не было никакого желания лгать, даже КГБ: он же был честным человеком, не так ли?

Однажды на улице Эсфирь встретила старого приятеля, с которым вместе училась на юридическом, — теперь он работал «в органах». «Против Игоря открыто дело. Ничего нельзя поделать», — сказал он. Игорь писал:

Поступок совершен,
и арест последует через
месяц-другой.
Но в интервале,
хотя уже все решено
и предрешено,
он по привычке думает,
взвешивает и прикидывает,
словно выбор
еще остается
за ним.

Часть 2. Демократия у моря

В 1970-е годы небольшие группы диссидентов и нонконформистов с трудом могли вообразить, что всего через десять лет волны массовых протестов прокатятся по всему миру, от Москвы до Манилы и Кейптауна, сметая авторитарные режимы, а миллионы простых людей выйдут на улицы, чтобы крушить статуи диктаторов и штурмовать огромные мрачные здания спецслужб, преследовавших их годами. Казалось, старый порядок, лицом которого был Вилен, исчез навсегда.

Подобные картины народных революций олицетворяли победу «демократии» над деспотизмом и описывались словами, заимствованными у диссидентов и участников движений за гражданские права.

Но что если к власти придет человек поумнее и найдет новые способы помешать диссидентам, лишить их четкого образа врага, проникнуть в самую суть образов, идей и историй этих народных протестов и разрушать их изнутри, пока они не потеряют всякий смысл? Можно ли использовать язык и тактику «демократов» в противоположных целях?

Волны демократизации

Посреди нашего разговора с Срджей Поповичем, объясняющим мне, как свергать диктаторов, раздается звонок. Его предупреждают о выходе статьи, утверждающей, что он связан с ЦРУ и стоит за революциями на Ближнем Востоке. Сначала эта статья появилась в ежедневной газете в Стамбуле, затем — на небольшом сербскоязычном сайте, посвященном пророссийским

заговорам. После этого текст опубликовали на сайте православных патриотов, а завтра он появится на первой полосе одного из крупнейших таблоидов Сербии — который, как полагает Срджа, опубликует статью не чтобы навредить ему лично, а потому что теории заговора отлично продаются (1). Хотя правдивая статья о Срдже вышла бы куда интереснее. Его офис расположен между парикмахерской и кондитерской среди монолитных бетонных кубов Нового Белграда, построенных при коммунистах. Незадолго до нашей встречи туда попытались проникнуть журналисты российского государственного телевидения. Если они надеялись найти там десятки оперативников ЦРУ, их ожидало разочарование. Постоянный штат компании состоит из четырех сербов, а аккуратный серый офис, где они работают, был бы неотличим от обычной бухгалтерской конторы — если бы не множество постеров с изображением сжатого кулака, логотипа Срджи. Именно здесь они пишут пошаговые руководства по проведению «ненасильственных кампаний прямого действия», которые затем скачивают десятки тысяч людей по всему миру (чаще всего — в Иране). Они организуют семинары и планируют онлайн-лекции Срджи в Гарварде, обучающие активистов со всего мира свергать диктаторов без единого выстрела.

«Только посмотрите, как они расширяют поле боя, — говорит Срджа, положив трубку, — они копируют сообщения друг друга, хотя их нельзя назвать союзниками, и атакуют с разных сторон. Такое ощущение, что они учатся у меня. И знаете, что самое смешное? Мы никогда не работали ни в России, ни в Турции».

Однако Срджа работал в большинстве других стран. Когда вы читаете эти строки, Срджа может быть в Азии или в Латинской Америке, в Восточной Европе или на Ближнем Востоке. В конференц-зале неприметной сетевой гостиницы за столами, расставленными полукругом, словно прилежные ученики, сидят мужчины и женщины всех возрастов: юристы-правозащитники, учителя, студенты, мелкие бизнесмены. Перед ними стоит Срджа, стройный, одетый в толстовку по студенческой моде 1990-х – хотя ему уже за сорок. Он то садится, то снова встает, будто пытаясь физически раскачать настроение в аудитории. Срджа говорит на немного американизированном английском, а его глубокое и четкое славянское «р» придает особую силу каждому слову, даже незначительному. Собравшимся уже кажется, что этот парень – их близкий друг и вместе они смогут изменить ход истории. Слушатели тщательно записывают его слова, а когда Срджа шутит, разражаются громким смехом.

Срджа часто начинает свои семинары с чего-то на первый взгляд легкомысленного вроде лафтивизма [1] – использования юмора в революционных кампаниях. В качестве примера он рассказывает, как в 1980-х польские антикоммунисты выходили на улицы, везя тачки, груженные телевизорами. Они делали это во время выпусков теленовостей, выражая тем самым свое неприятие государственных СМИ.

Лафтивизм, по мнению Срджи, выполняет двойную функцию. Прежде всего психологическую: смех лишает авторитарного лидера ауры неприкосновенности. Кроме того, он ставит режим перед дилеммой: если вооруженные представители спецслужб начнут арестовывать активистов за шутки, части населения это может не понравиться. Своим ученикам

Срджа говорит, что активисты вообще должны стремиться быть арестованными за что-то смешное. На его семинарах быстро понимаешь: протесты могут быть «ненасильственными», но это не значит, что они для слабаков. Его вера в ненасильственный подход основана не столько на пацифизме, сколько на расчете. Когда дело касается физической силы, у режимов есть преимущество, но справиться с большими мирными толпами на улицах они не могут.

Срджа рассказывает об архетипическом протестном движении, которое возглавлял сам (2). Притушив свет в зале, он показывает на экране видео, снятые между серединой 1990-х и 2000 годом, когда он руководил студенческой группой «Отпор!». Они пытались свергнуть югославского диктатора Слободана Милошевича, который втянул страну в три войны со своими соседями и спонсировал главарей вооруженных формирований, строивших концентрационные лагеря и убивавших мусульман. СМИ Милошевича пропагандировали идею мира, где Сербия, с одной стороны, выполняла 700-летнюю миссию по спасению Европы, а с другой — выступала жертвой империалистического Запада. Параллельно с этим бандиты-«патриоты» избивали оппозиционеров-«предателей» в темных переулках Белграда и тусовались под местный гибрид фолка и нечеловечески жизнерадостного техно.

Когда деспотичная жена Милошевича заявила, что протест скорее будет утоплен в крови, чем ее муж подаст в отставку, «Отпор!» организовал станцию по переливанию крови и отправил пакеты с собранной кровью в правительственную резиденцию с вопросом: не уйдет ли наконец семья Милошевичей, раз они получили свою кровь?

Но такие выходки — только начало. По ходу семинара советы Срджи становятся все более стратегическими. Он объясняет, почему так важно сформулировать видение желаемой альтернативной политической модели; как объединять группы людей с разными идеалами при помощи «наименьшего общего знаменателя»; как находить слабые места у «столпов власти» и использовать их в своих интересах.

В последние годы правления Милошевича Срджа и его партнеры создали манифест, утверждавший, что подлинный патриотизм означает мир с соседями Сербии и присоединение к «международному сообществу» — Западу, Европе. Что мир не сговорился против Сербии. Студенты выходили на марши с флагами разных стран, играя на чувствах многих сербов по отношению к себе и своей истории. Сербия сражалась с нацистами, дистанцировалась от Советского Союза, так почему бы ей не стать партнером западных союзников? Такая идея могла найти отклик не только у студентов, но и у шахтеров и фермеров.

«Отпор!» набирал силу, но, когда в 1999 году НАТО начала бомбить Белград, чтобы предотвратить дальнейшие этнические чистки Косово, устроенные Милошевичем, Срджа понял, что это лишь сплотит людей вокруг диктатора. Бомбы попали в правительственный телевизионный комплекс, прозванный «Бастилией», но к тому времени медиамонополия уже рухнула. В распоряжении Срджи была B92, запрещенная радиостанция, вещавшая через интернет из подвала дома его друга. Режим еще не успел разобраться, как работает эта технология. Помимо панк-рока, радиостанция транслировала политические дискуссии и формировала онлайн-сеть с другими независимыми СМИ по всей стране.

Им удалось привлечь на свою сторону не только студентов и профсоюзы, но и один из бастионов режима Милошевича — полицию. «Отпор!» устраивал уличные шоу, на которых награждали призами «лучшего полицейского Белграда». Полицейские поняли, что движение им симпатизирует. Когда опросы показали, что большинство жителей страны уже выступает против Милошевича, но не хочет поддерживать городских либералов вроде Срджи, люди из «Отпора!» скрепя сердце поддержали на следующих выборах ученого с патриотическими взглядами в качестве единого кандидата. Милошевич подтасовал результаты. Протесты росли. Белград превратился в огромный уличный митинг, к студентам присоединились шахтеры и фермеры. Милошевич вывел на улицы армию. Девушки подносили к лицам солдат зеркала, чтобы те увидели свои отражения и вспомнили, что они тоже люди; вкладывали цветы в стволы автоматов. Военные отказались стрелять. Милошевич был свергнут и через два года предстал перед Гаагским судом по обвинению в военных преступлениях.

После 2000 года популярность Срджи стала расти. К нему обращались оппозиционеры от Зимбабве до Беларуси с просьбой обучить их. Он понял, что преподавание основ протестного движения по всему миру может стать постоянной работой. Вместе с еще одним основателем «Отпора!», Слобо Джиновичем, он организовал CANVAS: Centre for Applied NonViolent Actions and Strategies (Центр по применению ненасильственных действий и стратегий). Он обучал активистов в Грузии, Украине и Иране, которые затем участвовали в так называемых цветных революциях («революция роз», «оранжевая» и «зеленая» соответственно). Затем пришла пора обучать

лидеров протеста в Египте, Тунисе и Сирии, позже они приняли активное участие в событиях, получивших название «арабская весна».

Срджа, как и многие политологи, считает эти движения частью более масштабного исторического процесса — последовательных «волн демократизации», в которых под демократией понимаются многопартийные выборы, плюрализм СМИ и независимость определенных институций, например судов. Первая волна демократизации свергла авторитарные режимы в Южной Америке, Южной Азии и Южной Африке в конце XX века и положила конец советской власти в Восточной Европе. Невозможно забыть картины «Бархатной революции» в Чехословакии, падения Берлинской стены, «Поющей революции» в балтийских государствах, когда миллионы людей, хлынули на улицы в едином мирном антисоветском порыве. Второй волной, по мнению Срджи, были цветные революции и третьей — «арабская весна», подкрепленная развитием социальных сетей.

Срджа считает себя связующим звеном между первой и последующими волнами протестов. События в Югославии были одновременно последним отголоском падения советской системы и первым примером новой «демократизации». Для Срджи главная цель работы проста: чем больше власти люди обретают над собственными жизнями, тем лучше для демократии. В конечном итоге защитниками демократии становятся граждане, понимающие, как обеспечить подотчетность избранных ими руководителей.

Постепенно Срджа превратился в страшилку для авторитарных лидеров. Его книги входят в список для обязательного чтения в

министерствах обороны России, Белоруссии и Ирана. О нем часто рассказывают в проправительственных новостях этих стран. Этот повышенный интерес Срдже только на руку: чем больше лидеры в Москве или Тегеране нападают на него, тем больше у него клиентов.

Бывшие активисты «Отпора!», ставшие успешными бизнесменами, финансируют офисные расходы и зарплаты его четырех штатных сотрудников. Оппозиционные движения платят ему за обучение активистов. Время от времени его приглашают для ведения платных семинаров организации типа «Гринпис».

Значительная часть работы Срджи предполагает сотрудничество со структурами, связанными с так называемым американским комплексом содействия демократии, созданным во время холодной войны. В их числе такие организации, финансируемые Конгрессом США, как Национальный демократический институт (National Democratic Institute, NDI), Международный республиканский институт (International Republican Institute, IRI) и Freedom House. Срджа давно поддерживает с ними отношения: в последние дни режима Милошевича именно NDI помог организовать опрос, по результатам которого Срджа решил поддержать другого, менее либерального лидера. Другие фонды «содействия демократии» снабдили радио B92 технологией для создания каналов интернет-радио и помогли обучить 30 000 наблюдателей на выборах 2000 года, результаты которых Милошевич пытался подтасовать.

В глазах врагов эти организации — просто ширма американского империализма, назойливо лезущего в чужие дела. Для друзей это одна из немногих достойных миссий американской внешней политики,

финансирующей продемократические движения на Ближнем Востоке или в Центральной Азии, выступающие против диктатур, с которыми заигрывают американские дипломаты.

Срджу раздражают упреки в том, что он обучает активистов лишь в странах, представляющих интерес для внешней политики США. «Египетский президент Мубарак, свергнутый в ходе „арабской весны“, был одним из крупнейших импортеров американской военной и гражданской помощи на протяжении десятилетий, а я помогал обучать активистов в Египте во время его правления. А знаете, какая страна официально запретила CANVAS? Объединенные Арабские Эмираты — близкий союзник Америки. Для меня существуют лишь два типа общества: те, в которых правительство боится народа, которые мы называем „демократиями“, и те, в которых народ боится своего автократического правительства. Мне неважно, от какого именно диктатора я помогаю людям освободиться».

Однако в последнее время новое поколение правителей переосмыслило тактики подрыва протеста и борьбы с инакомыслием. Если когда-то можно было с большой степенью уверенности говорить об исторических волнах демократизации, движущихся единым потоком, то теперь разразился грандиозный шторм, и уже не разобрать, какие потоки и в каком направлении движутся (3).

—

Первый принцип Срджи состоит в создании альтернативы политическому видению и идентичности текущего режима. Раньше все было просто:

автократ против демократа, закрытое общество против открытого. В Сербии это означало присоединение к «международному сообществу» вместо изоляции.

Но в наши дни сильные мира сего стали гибче. Вместо того чтобы придерживаться одной идеологии, они научились говорить на «разных языках». К примеру, уже в первые годы правления Путина Кремль успешно совмещал в своей политике риторику о советском величии с западными реалити-шоу и брендами. Как может оппозиция найти пространство для пропаганды своих взглядов, когда руководство страны транслирует сразу несколько противоречащих друг другу точек зрения?

Чтобы увидеть, как все изменилось, не придется далеко уходить от родных пенат Срджи.

В Сербии, где CANVAS не проводила никаких семинаров в течение десяти с лишним лет, новым президентом стал бывший министр информации правительства Милошевича Александр Вучич. Он попросил прощения за «ошибки прошлого». Еще совсем недавно он управлял медиамашиной, видевший в Западе неутомимого врага, окружающего Сербию со всех сторон, а сегодня он всячески поддерживает интеграцию с ЕС и НАТО. «Реформы для всех» — вот один из его лозунгов (4).

Вучич сменил устаревшую форму контроля над медиа на более изощренную. В 1999 году он мог вызывать к себе редакторов газет и угрожать им санкциями за нелояльность. Сегодня в стране десятки СМИ, включая множество иностранных. Однако, если газета или телеканал хотят получить от правительства заказ на размещение рекламы или государственное финансирование или если их владельцы хотят получить

госзаказ, они должны строго следовать правительственной линии (5). То же самое происходит со СМИ в эрдогановской Турции или орбановской Венгрии: формально они ориентированы на рынок, но, по сути, подчиняются авторитарному режиму. Один из основных тезисов «демократизации» состоял в том, что СМИ различной направленности, строящие работу по правилам свободного рынка, должны помочь в укреплении демократии. Эта идея всегда была неоднозначной. Даже в условиях «демократии» СМИ часто владеют магнаты, у которых есть свои интересы. Теперь же СМИ можно подрывать, выхолащивая их изнутри.

В сербских медиа Вучич выглядит совсем иначе, нежели перед западными делегациями. В таблоидах внутри страны он по-прежнему остается старым добрым сербским националистом, который ругается с соседями, оплакивает утраченные после войны территории и одновременно с этим обещает добиться стабильности на Балканах во время саммитов в Брюсселе (6).

Тем временем Сербия стагнирует. По ночам Белград под покровом темноты играет в гламур. Высокие женщины в узких платьях и их еще более рослые спутники бродят по слабо освещенным барам и ресторанам вдоль огромных площадей с колоннами, уходящими далеко ввысь, словно до самой луны. Повсюду звучит музыка — ее играют цыгане на улицах; она доносится с кораблей, пришвартованных к берегам реки и ставших клубами. Музыка стихает лишь к утру, когда приходит заря и становится видно, что верхушки тех самых колонн требуют серьезного ремонта; здания, где расположены рестораны, вот-вот развалятся; город, когда-то

правивший юго-восточной Европой, напоминает величавую скалу, медленно сползающую в море.

В городе постоянно протестуют: против коррупции, связанной со строительными проектами; против подозрительных исходов выборов. Но все эти протесты никак не могут объединиться и выработать единую повестку, как это было в дни активной деятельности «Отпора!». Если у Вучича все везде схвачено, то с каких позиций выступать протестующим? С проевропейских? Брюссель у него в кармане. С позиций свободного рынка? Вучич договорился с крупными бизнесменами. С позиций антикапитализма? Возможно, но тогда есть риск скатиться к национализму и реваншизму — а Вучичу и тут есть что сказать.

Тем временем поддерживающие Вучича СМИ называют протестующих проплаченными марионетками иностранных сил. Примерно то же самое было и во времена Милошевича. Разница лишь в том, что Милошевич верил в свои россказни. Во время многочисленных войн его СМИ заявляли, что «Отпор!» — это «совращенные студенты, получающие хорошие деньги» от ЦРУ. После революции Срджа узнал, что Милошевич даже отправлял своих тайных агентов в Вашингтон, чтобы те нашли штаб-квартиру «Отпора!», хотя все это время она находилась в гостиной дома родителей самого Срджи. Вучич использует тему заговоров куда искуснее: он заигрывает с Западом, пока лояльные режиму газеты печатают статьи о том, что «Сербия окружена агентами ЦРУ» или «MI6 планирует заговор с целью убить президента Сербии». Один заговор лепится на другой, и за всем прячется «невидимая рука».

Конспирологические теории много лет использовались для поддержания власти: советское руководство повсюду видело капиталистические и контрреволюционные заговоры, а нацисты — еврейские. Но конспирология должна была лишь подкреплять идеологию, будь то классовая борьба для коммунистов или расовый вопрос для нацистов. Для сегодняшних режимов, пытающихся сформулировать единую идеологию — что, в сущности, невозможно, если они хотят поддерживать власть, посылая разные сигналы разным группам, — идея, что человек живет в мире, полном заговоров, сама становится мировоззрением. Конспирология не поддерживает идеологию, а замещает ее. В России все это можно описать известной фразой самого популярного новостного ведущего в стране. «Совпадение? Не думаю!» — говорит Дмитрий Киселев, перескакивая с небылицы на небылицу, в которых есть всего по чуть-чуть — истории, литературы, цен на нефть и цветных революций, — и всегда возвращаясь к выводу, что мир что-то затевает против России.

А для тех, кто согласен с такой точкой зрения, есть дополнительный бонус — раз весь мир участвует в заговоре, то и в ваших неудачах виноваты не только вы. В том, что вы добились меньшего, чем хотели, что ваша жизнь превратилась в хаос, — во всем этом виновата мировая закулиса.

Что важнее — теории заговора помогают все контролировать. В мире, где даже самые авторитарные режимы опасаются вводить цензуру, аудитории приходится предъявлять максимально циничную картину мотивов своих оппонентов; необходимо убеждать народ, что за каждой самой, казалось бы, благородной мотивацией кроется коварный (пусть и недоказуемый) план. В итоге аудитория утрачивает веру в возможность

альтернативы. Известный российский медиааналитик Василий Гатов называет эту тактику «белой глушилкой».

Все это нагромождение заговоров должно заставить вас поверить, что вы, маленький человек, не в силах ничего изменить. Ведь если вы живете в мире, где все контролируется какими-то темными силами, каковы ваши шансы что-то исправить? Лучшее, что вы можете сделать в этом мраке, — положиться на «сильную руку», способную вас из него вывести. Отсюда в СМИ появляются статьи о том, что «Трамп — последний шанс спасти Америку» или что только Путин способен «поднять Россию с колен».

«Сегодня проблема не столько в угнетении, сколько в недостатке идентичности, в апатии, разобщенности и отсутствии доверия, — вздыхает Срджа. — Инструментов, помогающих что-то изменить, стало больше, а вот воли действовать — меньше».

Перманентная революция

Я лично убедился в том, насколько сложно стало использовать прежнюю логику протеста, когда мне выпала честь посетить один из семинаров Срджи в Мексике. Активисты, журналисты, ученые и политические стратеги собрались в конференц-зале одной сетевой гостиницы, чтобы обсудить возможные планы по созданию антикоррупционного движения.

Мексика пережила свой момент великой «демократизации» в то же время, что и Белград: в 2000 году 70 лет правления Институционно-революционной партии (ИРП) завершились и страна стала «демократической». Теперь уже проблема состояла не в диктатуре — в

стране прошли нормальные выборы, — а в том, что каждый новый режим был коррумпирован и связан с наркобаронами не меньше, чем предыдущий, а СМИ контролировали олигархи, тесно сотрудничавшие с правительством.

Некоторые участники семинара, особенно те, кто десятилетиями работал в мексиканской политике, слабо верили в возможность перемен. Мексиканцы столетиями разочаровывались в революционных переменах. В XIX веке Мексика воевала за независимость от Испании, а в результате попала под власть собственных диктаторов. В начале XX века она была рассадником утопических социалистических фантазий, о которых напоминают потрясающие муралы на стенах домов в Мехико, созданные революционными художниками. Но результатом этих фантазий стали 70 лет застоя под властью ИРП. Самые циничные участники семинара видели единственный выход в выборах жесткого лидера (более жесткого, чем бандиты), который пообещает навести порядок во имя «народа».

Я незаметно ушел с семинара Срджи, чтобы встретиться с людьми, пытавшимися создавать протестные движения в Мексике. Пообщавшись с ними, я начал замечать, как его идеи отражаются в новом, цифровом измерении.

—

Когда я впервые встретил Альберто Эскорсиа, он показался мне человеком, слишком уставшим, даже чтобы чего-то бояться. Ему все время звонят в дверь и убегают, и из-за этого он не спит по ночам. В окно его спальни светят лазерной указкой. В сети ему постоянно угрожают убийством и шлют

картинки, на которых его имя выкладывают пулями, — он получает тысячи таких угроз ежедневно, а его телефон вибрирует от уведомлений в режиме 24/7. Все это превратилось в настоящую психологическую пытку.

Однако Альберто не может уйти из Сети. Это его жизнь. Более того, Сеть для него — некое подобие религии. «Я воспринимаю интернет в метафизическом смысле, — говорит он мне, — как войну между любовью и страхом. А их я могу просчитать с помощью алгоритмов». В Альберто есть что-то не от мира сего. Он может месяцами изучать лингвистические закономерности тысяч публикаций в социальных сетях, чтобы увидеть связи между ними. Он делает вручную то, для чего другие прибегают к помощи машин.

Но почему-то в Мехико разговоры о божественном характере данных перестают казаться чем-то странным. В этом городе буквально все пронизано религией. Тусклый свет мерцает и преломляется в дымке горного воздуха и выхлопных газов, словно в витраже, миллионы паломников каждый год бредут мимо розовых кустов и безногих нищих, чтобы подняться над городом и помолиться у высоких стен базилики Божьей Матери Гваделупской. Иконы Иисуса в ней украшены настоящими волосами, и поначалу кажется, будто они там действительно растут. Священники предостерегают толпы прихожан от поклонения еще более популярному культу Святой Смерти, Матери Теней, Санта Муэрте — покровительницы наркодилеров. В праздник Дня Мертвых, когда весь город облачается в маски с черепами, ее изображения с косой и глобусом можно увидеть буквально повсюду.

Альберто — большой поклонник Срджи Поповича. Лично он не был на его семинарах, но они с друзьями внимательно штудировали учебники Срджи, пока готовили собственные акции протеста, объединившись в своей ненависти к постоянному полицейскому насилию, стычкам наркодилеров и вбросам бюллетеней на выборах. А особенно — к подковерным сделкам, из-за которых возник ужасающий контраст между стеклянными витринами бутиков, высокими заборами роскошного района Поланко и беззубыми обнищавшими людьми, спавшими вповалку на барочных площадях города. Это был разрыв не столько между богатыми и бедными, сколько между эпохами.

Альберто и его друзья начали с выходок против полиции: после того как полицейские избили нескольких студентов, они устраивали молчаливые шествия и акции протеста, в ходе которых они ложились посреди улиц, блокируя движение. Для Альберто протест с самого начала был личным делом. В 2009 году его семья вместе с другими рабочими начала голодовку, чтобы сохранить рабочие места в родном городе Некакса. Альберто, уже тогда широко известный блогер, помог распространить информацию об этом протесте по всей стране.

Во втором десятилетии XXI века протест превратился в способ связи со всем миром. Это был пик «третьей волны демократизации», основанной на силе интернета. Альберто поддерживал постоянный контакт с партнерскими движениями в Испании и США, которые, в свою очередь, общались с другими — в Турции и на Ближнем Востоке. В какой-то момент Альберто одновременно организовывал лежачие демонстрации в Мехико и продвигал хештеги акций в Барселоне.

Доктор Маркос Бастос, бразильский ученый, работающий в Лондонском университете в Сити, проанализировал 20 миллионов твитов, созданных этими движениями в период между 2009 и 2015 годами. Он провел 21 интервью с их участниками, для которых придумал термин «укорененных космополитов». К примеру, одна молодая женщина, которая не могла уехать из своего дома в Шотландии, потому что ее стареющие родственники требовали ухода, смотрела живые трансляции протестов в Стамбуле и Каире, советуя протестующим, как не столкнуться с вооруженной полицией. Множественные частные интересы сливались в нечто большее. Один шведский «серийный активист» сказал Бастосу: «Я борюсь не за интересы какого-то класса, феминизм, экологию или анархизм. Для меня основным политическим объектом выступает моя собственная мать. Я должен убедить ее. Я пытаюсь достучаться до 99% людей и защищаю не частные ценности, а общественные: справедливость и свободу» (7).

Однако, несмотря на всю активную деятельность укорененных космополитов, в какой-то момент Альберто стала раздражать непредсказуемость, заложенная в самой природе протестных акций. Некоторые достигали своей цели, а другие оказывались напрасной тратой времени. Участники винили в этом то погоду, то правительство… Их подход в соответствии с рекомендациями Срджи заключался в том, чтобы собрать различные группы, определить «наименьший общий знаменатель» их интересов, а затем распространить сообщение среди, как они надеялись, подходящей аудитории. Но откуда им знать, какие темы выбрать? Их подход к решению задачи казался ненаучным, и Альберто чувствовал, что одних только рациональных политических интересов было недостаточно, чтобы

протест заработал. Люди хотели быть причастными к эмоционально насыщенным событиям. Вот почему они участвовали в одних акциях протеста и игнорировали другие. Он чувствовал это инстинктивно, но хотел опираться на данные, чтобы превратить свои догадки в конкретику.

Альберто начал изучать поисковые запросы в Google в периоды, предшествовавшие протестам, и обнаружил, что интерес к определенным темам — ценам на бензин или полицейским перестрелкам — заметно проявлялся в Сети уже за несколько месяцев до того, как вылиться в явные причины протеста. То есть можно было заранее предвидеть, что именно способно объединить людей.

После этого Альберто стал исследовать распространение сообщений в соцсетях во время успешных акций протеста. Протесты росли по мере того, как пользователи все больше общались между собой, тем самым уплотняя ткань взаимосвязей — то, что компьютерные специалисты называют «капиллярностью». Альберто прочитал десятки тысяч сообщений, чтобы понять, какие из них сформировали максимальное количество связей. Он прошел по каждой «ветке» сообщений, этот процесс занял у него несколько мучительных месяцев. Альберто обнаружил, что в каждой волне протестов присутствовали определенные слова, позволившие сделать ткань коммуникации более плотной, — словно волшебные магниты, накапливающие капиллярность. Именно это он и называл «любовью» — рост взаимосвязей, которого жаждали участники движения.

Он понял, что если сможет заранее знать, какие темы способны объединить людей и какие слова укрепляют взаимосвязи, то сможет мобилизовать протесты.

Он открыл свой ноутбук, чтобы показать мне, как это работает. В центре экрана вибрировал шар, состоящий из точек, соединенных линиями; к ним постоянно «прирастали» новые линии, и вся эта конструкция подрагивала, росла и уплотнялась. Это была проекция онлайн-общения между участниками самых масштабных демонстраций в Мехико в 2014 году в режиме реального времени. Тогда сотни тысяч людей вышли на улицы после того, как наркодилеры убили 43 студентов, а правительство даже не потрудилось провести расследование. Каждая точка обозначала человека, каждая линия – разговор между людьми, а толщина линий росла по мере употребления ключевых слов, укрепляющих протест.

Пока Альберто показывал мне свою виртуальную проекцию, за окнами кафе, где мы сидели, шел настоящий протестный марш. Я привык видеть протесты именно такими: активные участники, лозунги, речи. Альберто воспринимал все происходящее по-другому, более абстрактно. Он видел пульсирующие линии и точки. Он видел, как отдельные слова излучают энергию, не завися от линейной логики законченных предложений (8).

Вдруг на экране компьютера появились гости: множество крошечных фигурок, напоминающих летучих мышей. Они не соединялись друг с другом, а набрасывались на шар с разных сторон и будто клевали его, разрывая на части. «А вот это, – сказал Альберто, – боты и киборги».

Технологиями к тому времени овладели не только участники протестов. Уже на выборах 2012 года Мексика прославилась среди компьютерщиков: благодаря своим автоматизированным персонажам в соцсетях – по сути, компьютерным программам, притворявшимся живыми людьми, – которых использовал победитель выборов, Энрике Пенья Ньето. Тысячи фальшивых

твиттер-аккаунтов, «пеньяботов», были запрограммированы постоянно продвигать в сети сообщения в поддержку Пенья Ньето. Обычно «боты» были довольно тупыми: они просто повторяли одно и то же сообщение раз за разом. «Киборги» представляли собой следующую ступень: боты проталкивали какую-то мысль, а когда кто-то заглатывал наживку и начинал отвечать, в дело вступал человек — киборг (9).

Как-то раз к Альберто пришел такой киборг — он оказался студенткой. PR-компании, близкие к правительству, платили «пастухам ботов» вроде нее за управление сотнями фальшивых профилей в социальных сетях. Она сказала Альберто, что стыдилась своей работы — но платили много.

По мере нарастания протестов правительственные боты и киборги приспособились и нацелились на их подрыв. Внезапно протестующие обнаружили, что их обвиняют в том, что они продались оппозиции и ведут себя непатриотично — ложь множилась на глазах. Инстинктивно участники протестов начали отвечать на обвинения. На экране компьютера Альберто можно было увидеть последствия. По мере того как боты набрасывались на точки, обозначающие протестующих, те переставали общаться между собой, переключаясь вместо этого на атакующих. Связи постепенно истончались, и шар, иллюстрировавший коммуникацию между участниками, стал превращаться в бесформенное дрожащее месиво.

В момент кризиса протестов у Альберто возникла идея. Он знал ключевые слова, способные укрепить связи между участниками. Что если наводнить ими интернет? Он снял и разместил на ютубе ролик: девушка, сидевшая перед камерой, перечисляла причины, по которым протесты

были так важны. Но каждое сказанное ею слово было тщательно выбрано Альберто, словно точно отмеренная доза лингвистического снадобья.

Как только видео стало вирусным, протестовавшие забыли про киборгов и начали снова общаться друг с другом, повторяя объединявшие их слова. Альберто наблюдал за тем, как трепещущий шар снова обретает форму, а крошечные летучие мыши исчезают одна за другой.

«Вот что я имею в виду, когда говорю, что интернет — огромное поле битвы между любовью и взаимосвязью, с одной стороны, и страхом, ненавистью и разобщенностью — с другой», — объясняет он.

После киборгов настал черед так называемых виртуалов — аккаунтов в социальных сетях, которые сначала внедрялись в сообщества участников протеста, а затем начинали манипулировать ими изнутри.

В 2017 году, когда начались протесты против взлета цен на бензин, «виртуалы» приступили к делу. Активисты помогали протестующим свободно перемещаться по городу, без риска попасть под дубинки полицейских. Виртуалы в свою очередь стали раздавать ложные указания, следуя которым участники протеста попадали прямо в руки полиции. Они распространяли и выдуманные истории о насилии и мародерстве: публиковали фотографии супермаркетов с выбитыми витринами, сделанные во время беспорядков в других странах, а в подписях утверждали, что дело происходит в Мексике. К протестам начали примыкать настоящие преступники, и это дало полиции повод применять насилие.

После нашествия виртуалов в Сети появились угрозы убийством, адресованные Альберто. Тогда же в окна его квартиры начали светить

лазером и звонить по ночам в дверь.

В Мексике к таким угрозам относятся серьезно. Во время моего визита Альберто предложил встретиться на собрании Article 19, международной НКО, помогающей в защите журналистов (и получающей часть своего финансирования от «комплекса содействия демократии», в том числе от Freedom House, госдепартамента США и европейских министерств иностранных дел). На стенах зала, где проводилось собрание Article 19, были развешаны фотографии убитых журналистов — в прошлом году погибло 11 человек. 99,75% таких преступлений остаются безнаказанными. Мероприятие проводилось в одном из терракотовых колониальных дворцов Мехико с тенистым внутренним двором, чьи высокие стройные колонны, галереи и арки лишь подчеркивали печальную причину встречи.

Пока участникам разносили закуски, Рикардо Гонзалес, один из директоров Article 19, рассказал мне историю, произошедшую в городе Рейноса на северо-востоке страны.

Наркоторговцы в Рейносе контролировали местную прессу, которая, как газеты советских времен в России, рассказывала лишь о красоте, чистоте и процветании города. На самом же деле в городе постоянно происходили перестрелки между бандами, а местные жители попадали под перекрестный огонь в разборках, которых официально не было. Затем появились социальные сети и все изменили. Твиттер-аккаунт Reynosa Follow передавал актуальную информацию о перестрелках. Жители Рейносы сообщали друг другу, каких районов избегать: «Два вооруженных человека на углу 3-й и 5-й улиц, выбирайте другую дорогу...» Разумеется, все участники проекта действовали анонимно, рассказал мне Рикардо.

Наркоторговцы предлагали денежное вознаграждение любому, кто мог бы раскрыть имена людей, стоявших за Reynosa Follow. Особенно их бесил аккаунт @La Felina с Женщиной-кошкой на аватаре, на этой странице постоянно размещались фотографии местных наркоторговцев с требованиями их арестов.

Одним жарким августовским днем банда наркоторговцев из Рейносы попала в перестрелку, и один из бандитов был ранен. Его отвезли в местную больницу. Им занялись три врача, два мужчины и женщина. Опасаясь надолго оставлять подельника в больнице, бандиты похитили врачей и отвезли в укрытие для продолжения лечения — довольно распространенная практика. Они отобрали у врачей телефоны и в телефоне женщины нашли аккаунт @La Felina. Эта женщина, спасавшая их товарища по оружию, и оказалась человеком, на которого они так долго охотились. Через несколько часов @La Felina написала твит:

Друзья и родные, мое настоящее имя — Мария дель Росарио Фуэнтес Рубио. Я — врач. Сегодня моя жизнь подошла к концу.

Не повторяйте моих ошибок. У вас ничего не получится. Я принимаю смерть ни за что. Они ближе к нам, чем вы думаете.

Последними двумя сообщениями были фотографии: на одной она смотрит прямо в камеру, а на второй видно ее лежащее на полу тело с разнесенным выстрелами лицом. Бандиты вели прямую трансляцию ее убийства. После этого они заменили прежний аватар фотографией обезображенной головы Марии дель Росарио.

Наркоторговцы любят демонстрировать, что технологии не в силах им помешать. Так, одна банда «украсила» тело убитого компьютерными

запчастями, словно карнавальную скульптуру: на месте рта клавиатура, на глазах — компакт-диски. Наркоторговцы знают толк в символизме.

С учетом всего этого Альберто решил, что будет разумнее провести какое-то время за пределами Мексики. Он нашел убежище в соседней стране.

На следующих национальных выборах в Мексике в 2017 году ИРП проиграла кандидату по имени Андрес Мануэль Лопес Обрадор, известному также как AMLO. Обрадор пообещал расправиться с коррупцией — но по-своему, сверху вниз. У него не было времени заниматься гражданскими движениями. Он говорил на языке допотопного государственного социализма и национализма (хотя при этом быстро спелся с олигархами и принялся защищать их активы). Альберто знал кое-кого из стратегов Обрадора и решил, что теперь может вернуться домой. Но, несмотря на обещания, он сохранял бдительность. «Обрадор тоже использовал ботов в своей кампании, — сказал мне Альберто, — так что я буду за ним приглядывать». Он чувствовал, что новое правительство не прочь воспользоваться плодами упорного труда протестующих в своих интересах. Но станет ли оно их слушать, придя к власти?

После того как ИРП лишилась власти, Альберто захотел побольше узнать о своих противниках. Он уже был в курсе, что к их деятельности имел отношение некий человек по кличке Чочос, который, по слухам, руководил целой армией троллей, ботов и киборгов. В качестве аватара в фейсбуке Чочос использовал фотографию ухмыляющегося клоуна (10). Он согласился поговорить с Альберто по скайпу, но отказался показать свое лицо.

Находясь по разные стороны виртуальных баррикад, Альберто и Чочос разговаривали как два уважающих друг друга профессионала, обменивающихся замечаниями. Когда моя переводчица работала над расшифровкой их разговора, она порой не могла понять, кому из них принадлежала та или иная реплика.

Альберто спросил насчет фальшивых фотографий разграбленных супермаркетов, которые распространялись во время протестов и способствовали росту насилия со стороны полиции.

Чочос ответил, что точно знает, кто за этим стоял. Это был 19-летний участник фейсбук-группы Scientific Sect. Каждый раз, когда одна из их фальшивок становилась вирусной, они устраивали вечеринку. СМИ писали об «организованной киберпреступности» и «психологической войне», но на самом деле это была всего лишь стайка подростков, жаждавших внимания.

Альберто рассказал, как ему звонили в дверь по ночам...

Чочос отмахнулся. Эти подростки создавали себе аватары, чтобы навести шороху в соцсетях. Теперь они просто начали путать виртуальный мир с реальным. Но все это было игрой. В твиттере вы можете быть кем хотите: женщиной, троллем, активистом. Вы можете выступать от имени обоих участников спора, и об этом никто не узнает. По мнению Чочоса, эти подростки не были способны на реальное насилие.

«Это чем-то похоже на ночной клуб, — сказал мне Альберто. — Как только гаснет свет, вы можете стать кем угодно».

Так неужели Альберто пал жертвой обычных пранкеров? Вряд ли стоит упрекать его за бегство из страны: насилие в Мексике распространено настолько, что было бы глупо игнорировать поток угроз.

Альберто видел более серьезную проблему. Он все еще верил, что интернет способен раскрыть подлинные потребности и желания общества. Ему казалось, что поисковые машины и алгоритмы могут уловить спрос на перемены. Трагедия цифровой манипуляции состоит не столько в том, что люди в сети подвергаются унижениям и оскорблениям, а в том, что их вновь лишали их собственной реальности. В течение 70 лет Мексика была однопартийным государством, в котором «правда» всегда была продиктована сверху. Люди принимали реальность, навязанную им режимом, как норму. В наши дни боты, тролли и киборги могут создать иллюзию общественного мнения — поддержки или ненависти, намного более коварную и всеобъемлющую, чем старые виды медиа. Такая иллюзия становится еще сильнее, когда люди меняют свое поведение в соответствии с тем, что они считают реальным. В своем анализе роли ботов исследователи из Оксфордского университета назвали этот процесс «фабрикацией консенсуса» (11).

Один онлайн-аккаунт не в состоянии изменить ваше мышление; проблема в том, что в своей массе они создают эрзац-нормы. В течение последних десятилетий проводилось много исследований, показывающих, как люди меняют свое поведение, чтобы оно соответствовало тому, что им кажется общепринятой точкой зрения. В 1974 году Элизабет Ноэль-Нойман, немецкая ученая, занимавшаяся политологией и анализом выборов, провела исследование, показавшее, каким образом люди подстраивают свои убеждения под мнение большинства (12). По мнению Ноэль-Нойман, потребность в принадлежности — одна из самых глубоких человеческих потребностей, а люди мотивированы страхом изоляции; вот почему

изгнание, исключение из группы – одна из самых древних форм наказания (13).

В эпоху массовой коммуникации медиа становятся индикатором, в соответствии с которым люди делают выводы о доминирующем общественном мнении. Ноэль-Нойман изящно описывает эту динамику термином «спираль молчания». На одной стороне этой спирали находятся межличностные связи, толкающие альтернативные мнения вверх; на другой – СМИ, толкающие их в противоположном направлении. А на самом дне спирали находится молчание.

Ноэль-Нойман определила два типа людей, борющихся с этим молчанием. Первый тип – «крепкие орешки». Эти люди чувствуют настолько сильный отрыв от общества, что их не волнует, что о них думают другие. Они упиваются утраченным и выдуманным прошлым (14). Другая группа – это «авангард»: реформаторы и активисты, которые хотят, чтобы люди слушали их, несмотря ни на что. «Авангардисты нацелены на будущее, поэтому тоже оказываются в изоляции; но убежденность этих людей в том, что они опережают время, дает им силы продолжать… Шанс изменить или придать новую форму общественному мнению появляется у тех, кто не боится оказаться в изоляции».

Это последнее утверждение подходит в равной мере к Людмиле, Альберто и Срдже.

«Наступают темные времена, Питер, – сказал Альберто после моего возвращения в Лондон. – Новое поколение ботов и троллей толкает нас все дальше и дальше в мир чистой симуляции».

Пародия на протест

Хотя режимы и научились бороться с протестующими, подлинное искусство состоит в том, чтобы воспользоваться тактикой Срджи Поповича для авторитарных целей, перенастроить руководство «как сбросить диктатора» с тем, чтобы укрепить его позиции, то есть пародировать протестные движения до тех пор, пока они не утратят своей силы.

Кремль начал размышлять над созданием собственной версии цветных революций почти одновременно с их возникновением. Уже в 2004 году тогдашний председатель комитета Госдумы РФ по международным делам Константин Косачев заявил: «Зачастую мы [Россия] не можем толком объяснить сам смысл нашего присутствия на постсоветском пространстве… Запад делает это под флагом демократизации, а мы, получается, только во имя себя самих… Наша активность слишком откровенно преследует российские интересы. Это патриотично, но неконкурентоспособно» (15).

Внутри России Кремль создал «молодежное политическое движение» под названием «Наши», одной из заявленных целей которого было недопущение любых цветных революций в стиле Срджи в России. В бывших советских республиках Кремль создал сети российских культурных центров, обслуживавших диаспору, а в 2007 году на примере Эстонии мир увидел, из чего может состоять вдохновленная Кремлем версия «цветного» уличного протеста.

—

«Этого человека расстреляли, этот исчез – по всей видимости, был убит, – а этого депортировали». Тоомас Ильвес [2], президент крошечной Эстонии, вел меня по длинному коридору своей таллинской резиденции, указывая на портреты руководителей страны первого периода ее независимости – между падением Российской империи в 1917 году и советской оккупацией, которая началась во время Второй мировой войны и длилась вплоть до распада СССР в 1991 году.

Ильвес был одет в свой фирменный твидовый костюм и галстук-бабочку, что несколько противоречило его миссии – сделать Эстонию самой прогрессивной в цифровом отношении страной Европы. Правительство в годы его правления заявило, что доступ в интернет является одним из базовых прав человека: граждане могут голосовать, вести свои налоговые и банковские дела, получать медицинские рецепты и оплачивать парковку с помощью мобильного телефона. Новая школьная программа предполагала, что дети начнут изучать основы программирования уже с семилетнего возраста. Проект e-Stonia не только практичен (как поиск экономической ниши), но и символичен – как попытка избавить страну от старого советского стереотипа захудалой провинции Москвы. Предполагалось, что этот процесс будет утвержден в 2004 году, когда страна присоединится к ЕС и НАТО. Однако ощущение плавного исторического перехода – освобождения от Кремля и вступления в клуб демократических государств ЕС под защиту НАТО путем реформ на основе интернета – вскоре было подорвано.

Еще с советских времен каждый год девятого мая русские националисты и ветераны войны, живущие в Эстонии, праздновали День

победы во Второй мировой войне в центре Таллина, у статуи, известной как «Бронзовый солдат»(16), — огромного героя арийской внешности, олицетворявшего победу Советской армии над нацистами. Около трети жителей Эстонии — русские или как минимум русскоговорящие; в подавляющем большинстве это — потомки русских, которых переселили сюда после Второй мировой войны, при том что эстонцев тысячами ссылали в ГУЛАГ. В период между 1945 и 1991 годами количество русских в Эстонии выросло с 23 до 475 тысяч. После 1991 года некоторые из них стали чувствовать себя гражданами второго сорта в новой, независимой Эстонии. Почему они не могли получать медицинские рецепты на русском? Почему в русскоговорящих городах нельзя вешать таблички с названиями улиц на русском? Почему для получения гражданства нужно сдавать экзамен на знание языка, если вы родились в «советской» Эстонии? Свыше 70% жителей смотрели российские телеканалы, легко доступные в Эстонии, на которых часто говорили, что Советский Союз вообще никогда не вторгался в Эстонию, что советскую армию пригласили в страну эстонские коммунисты (в реальности бывшие советскими агентами). Российские политики заявляли, что Эстония — «ненастоящая» страна, а в российских исторических телефильмах фигурировали карикатурные «эстонские фашисты» (17).

Теперь, когда русские националисты и люди, ностальгировавшие по советским временам, собирались у «Бронзового солдата», чтобы петь советские песни и украшать статую флагами, эстонские правые националисты начали устраивать там свои марши протеста. В 2006 году один эстонский писатель угрожал взорвать статую. В марте 2007 года

парламент Эстонии проголосовал за перенос памятника на военное кладбище — по официальной версии, с целью поддержания мира. Однако российские политики и СМИ принялись яростно этому противостоять. «Эстонские лидеры заигрывают с фашизмом!» — говорил мэр Москвы; министр иностранных дел назвал ситуацию «непристойной». Российские медиа принялись обзывать страну «эССтонией». Движение под названием «Ночной дозор» разбило вокруг «Бронзового солдата» лагерь, чтобы не допустить его демонтаж.

В ночь на 26 апреля, когда статую готовили к перевозке, толпы русских начали бросать кирпичи и бутылки в эстонских полицейских. Вспыхнули беспорядки, сопровождавшиеся массовым мародерством. Один человек погиб. Российские СМИ сообщили, что он убит полицией (неправда), что русских участников протеста забивали насмерть в паромном порту (неправда), что русских подвергали пыткам и их насильно заставляли принимать психотропные препараты в ходе допросов (неправда).

На следующий день работники эстонского правительства, газет и банков, приехав на работу, обнаружили, что их компьютерные системы отключены и их работа нарушена DDoS-атакой, при которой на интернет-адрес направляется так много запросов, что он просто не выдерживает трафика. Проект e-Stonia оказался полностью заблокированным, а вся страна — парализованной комбинацией пропаганды, кибератак и уличных беспорядков (18).

Кто стоял за атакой? Эстонские службы безопасности заявляли, что были свидетелями встреч между участниками «Ночного дозора» и сотрудниками российского посольства. Но доказать, что беспорядки

координировались Кремлем, было непросто. «Наши» взяли на себя ответственность за кибератаку, но заявили, что действовали по собственной инициативе, а правительство не имело к этому никакого отношения. Это был «патриотический троллинг», жертвой которого оказалась целая страна.

Для Ильвеса и команды, занимавшейся вопросами национальной безопасности, конечная цель беспорядков оставалась загадкой. «Когда российские политики грозно заявляют о своей способности захватить Эстонию, означает ли это, что они действительно хотят сюда вторгнуться? — ответила мне бывшая советница Ильвеса по вопросам безопасности Ииви Массо, когда я спросил ее об этой ситуации. — А может быть, они просто хотят деморализовать нас? Или хотят, чтобы их цитировали западные журналисты, чтобы донести сигнал до рынков, мол, наша страна и ее инвестиционный климат небезопасны? Порой нам казалось, что цель атак состоит лишь в том, чтобы мы выглядели ненадежными партнерами и параноиками в глазах своих союзников».

Кибератаки показали, что, несмотря на вступление в НАТО, Эстония не может так просто отделаться от своего бывшего колониального хозяина. Альянс НАТО сформирован вокруг одной фразы из статьи 5 Североатлантического договора, согласно которой военное нападение на одного члена союза означает нападение на всех. Всё практическое геополитическое выражение идеи «Запада» содержится в одном предложении, одном обещании. Но что, если это предложение лишится смысла? Россия не могла бы позволить себе рискованную полноценную войну с НАТО, но что, если нападение будет не военным и его виновник будет неочевиден?

После двух сроков на посту президента Эстонии Ильвес в 2016 году переехал в Пало-Альто, штат Калифорния, где получил научную стипендию в Стэнфордском университете. Одетый, как всегда, в твидовый костюм с галстуком-бабочкой, он прогуливался среди бегоний и приходил в технологические компании, где все носили кроссовки и разъезжали по ярко выкрашенным коридорам на велосипедах. Эти гении компьютерных наук не понимали ничего в политике или истории и даже не представляли своей роли в них.

В Эстонии Ильвес превратил идею интернета в синоним постсоветского прогресса. Теперь же, оказавшись среди компаний, занимающихся социальными сетями, он был разочарован: все эти люди фактически подпитывали те самые силы, от которых он стремился освободить Эстонию, но, казалось, не чувствовали за это никакой ответственности. Он написал эссе для Facebook Newsroom [3] о том, как этот ресурс может использоваться недемократическими силами, но его так долго не публиковали, что к моменту выхода статьи события уже ее опередили: компании, занимавшиеся социальными сетями, обязали расследовать и рассказать, каким образом Кремль использовал фальшивые аккаунты в сети для тайного влияния на президентские выборы США, чтобы помочь Дональду Трампу и разжечь этническую и классовую ненависть. Ильвес закатывал глаза, когда видел, как политические и медийные деятели в США реагируют на происходящее — словно это случилось впервые. Некоторые говорили о «цифровом 11 сентября» или «онлайновом Перл-Харборе». Ильвес считал это проявлением нарциссизма, ведь атаки на США были довольно слабыми по сравнению с тем, что случилось в Эстонии десятью годами ранее.

После выборов 2016 года ученые и эксперты принялись спорить о том, как измерять эффект информационных операций Кремля в США. Им предстояло изучить как минимум две из них. Первая была связана со взломом и последующей утечкой электронной переписки руководителей демократической партии США, что имело серьезные последствия, поскольку стало одной из основных тем президентских дебатов. Осмыслить деятельность фабрики троллей было намного сложнее. Ее объемы были незначительны в сравнении с явной и тайной онлайновой политической кампанией в США. Стоило ли просто проигнорировать эффект сравнительно небольшой атаки из-за рубежа и сосредоточиться на влиянии более масштабных явлений, развивавшихся в самих США? Или все же такая деятельность заслуживала внимания, поскольку могла сыграть свою роль в условиях жесткой предвыборной конкуренции?

Возможно, стоит поразмышлять о влиянии российских информационных кампаний в новом ключе — как о попытке исказить важную историю и подточить ассоциации между событиями и образами, определяющими «демократизацию»?

Эстония оказалась одной из стран, где начались массовые ненасильственные протесты, в конечном итоге поспособствовавшие падению Советского Союза. «Поющая революция» началась с того, что обычные люди принялись петь патриотические песни на главной площади Таллина в 1987 году, в 1991 году поющие участники протеста уже не побоялись встать лицом к лицу с советскими танками. Эти события всегда считались образцом действий для защитников идеи ненасильственных революций, таких как Срджа Попович. Теперь же Кремль изо всех сил

пытался разрушить ассоциативную связь между участниками уличных демонстраций в Восточной Европе и общей историей волн демократизации, движущихся в одном историческом направлении. Когда авторитарные режимы создают собственные версии протестов, эффект оказывается почти сатирическим, издевательским, подрывающим изначальную идею. Казалось, Москва давала понять, что тоже не прочь играть на поле массовых протестов.

Один из приемов петербургских троллей в Америке заключался в создании фейковых аккаунтов участников кампаний за гражданские права — таких как Black Lives Matter — и использовании их для пропаганды пророссийского кандидата в президенты — Дональда Трампа или для принижения его противников. «Фабрика» даже организовывала протесты в городах США, выступавшие как за, так и против Трампа. Один из таких протестов показался мне бледной копией политического уличного театра Срджи: тролль, притворявшийся сторонником Дональда Трампа в фейковой группе в фейсбуке под названием Being Patriotic, убедил жительницу Флориды нанять актера, который носил бы резиновую маску Хиллари Клинтон, посадить его в подобие тюремной камеры и возить по городу, словно на карнавальном шествии (19).

Но подковерные делишки Кремля оказывают, пожалуй, самый значительный эффект именно в тех случаях, когда их разоблачают. Обычный человек слышит множество историй о фальшивых аккаунтах, которые, на первый взгляд, поддерживают свободы и гражданские права, но на практике оказываются пустышками, и в результате начинает с подозрением относиться вообще ко всему, с чем сталкивается в Сети. А

вдруг этот ролик в защиту гражданских прав в США был создан на питерской фабрике троллей? Хоть слово из него правда? Когда Кремль проникает внутрь американских протестных онлайн-движений, это разрушает саму идею искреннего протеста. А когда Кремль ловят с поличным, это ему тоже на руку — так гораздо легче утверждать, что все протесты во всех странах представляют собой скрытые операции иностранных государств. В конце концов, разве коллеги Срджи не получают денег от комплекса поддержки демократии? Этот факт служит подкреплением тезиса, всячески продвигаемого российскими (а также иранскими и китайскими) СМИ: цветные революции и «арабская весна» — это не искренние протесты жителей стран, а спроектированная в Америке попытка «смены режима». Идея, что по-настоящему народных протестов просто не существует, лишь подкрепляется, когда американское правительство ловят на попытках использовать социальные сети для тайного разжигания антиправительственных настроений в других странах, как это было на Кубе (20).

Когда именно Кремль стал задумываться о внедрении в виртуальные продемократические движения для их подрыва? После того как была раскрыта деятельность фабрики троллей в США, доктор Маркос Бастос, живущий в Лондоне профессор, который собрал 20 миллионов твитов «укорененных космополитов» за годы протестов, задался вопросом: а чем занимались раньше все эти интернет-персонажи?

Бастос вернулся к своей базе данных. Он изучил историю протестов в Бразилии, Венесуэле и Испании вплоть до 2012 года. Оказалось, что тайные аккаунты Кремля были там со времен кульминации «третьей волны

демократизации». Когда по Бразилии, Венесуэле и Испании прокатились волны протестов, Кремль уже экспериментировал с возможностью проникновения в них и использования в своих целях. Но в 2012 году аккаунты виртуалов Кремля не делали ничего особенного; они просто выстраивали капиллярность и понемногу пробивали себе путь в виртуальные сети революционеров. Копнув глубже, Бастос обнаружил, что некоторые аккаунты были созданы еще в 2009 году, хотя не совсем понятно, были ли они созданы самим АИИ или же это были обычные аккаунты, позже перехваченные агентством.

Бастос вспомнил о лекции, которую читал в Высшей школе экономики в Санкт-Петербурге в 2013 году. В ней он рассказывал, что влияние в виртуальных протестных движениях достигается не только за счет нескольких авторитетных лиц со множеством фолловеров, но и за счет массы непрерывно общающихся обычных участников. Обычно его слушателями были беспокойные ученые или студенты-хипстеры из богатых семей, слушавшие вполуха. Однако на этот раз появились новые гости: двое мужчин средних лет в костюмах смотрели на него, почти не двигаясь. Они фиксировали каждое его слово, как диктофоны, и тщательно конспектировали лекцию.

—

Тем временем на Западных Балканах Срджа Попович был вынужден наблюдать, как его тактика использовалась против его же идеалов, будто в комнате кривых зеркал.

Когда в 2015 году начались протесты против бывшего премьер-министра Македонии и союзника Путина Николы Груевского, участники демонстраций налили в фонтаны рядом с тем местом, где телохранитель Груевского убил одного студента, красную краску. Затем они принялись забрасывать шариками с краской здания государственных институтов, занимавшихся прослушкой журналистов и представителей оппозиции. Центр города стал походить на огромную картину Джексона Поллока. Они проводили ночные шествия с факелами и носили белые маски в знак протеста против двуличности режима. Все это было вполне в стиле Срджи.

Но каждый раз, когда оппозиция начинала протестовать, режим тут же бросал наперехват свои группы антипротестующих. Они носили такие же маски и ходили с такими же факелами, используя ту же символику, что и настоящие активисты. И хотя Груевский в конце концов ушел в отставку, стало понятно, что организаторы контрпротестов научились пародировать тактику цветных революций.

Пародия сработала и на следующий год в Черногории, где олигарх, заработавший свое состояние в России, российские бизнесмены и секретные службы Кремля пытались свергнуть правительство страны, выступавшее за вступление в НАТО.

«Сначала они объединили ранее разрозненную оппозицию вокруг наименьшего общего знаменателя – коррупции в правительстве, – вспоминает Срджа, рассказывая о создании в Черногории оппозиционного движения, объединившего сербских националистов, православных христиан и коммунистов. – Затем они расширили поле битвы, пригласив к участию международных игроков с русскими деньгами. После этого они

приготовились объявить о победе на выборах, а проиграв выборы, начали уличные протесты».

«События в Македонии и Черногории шли по сценариям, описанным в моей книге, но с обратным знаком и без нескольких ключевых элементов, — говорит Срджа. Он сидит у стены, на которой нарисован сжатый кулак — символ вдохновленных им протестов, который можно увидеть на стенах от Каира до Каракаса. — Они думают, что воля народа не имеет значения, что вам не нужно, к примеру, выигрывать выборы. Мы же считаем это основой своей стратегии. Они считают допустимым использование насилия, когда им недостает популярности, а мы знаем, что ненасильственные движения всегда оказываются более успешными».

Срджа по-прежнему неутомим, невзирая на то что конечное направление «волн демократизации» оказалось под вопросом, а его методы используют шиворот-навыворот. Каждый, кому повезет посетить один из его семинаров, почувствует, что перемены совсем рядом. Впрочем, со временем некоторые подходы Срджи изменились. Иногда он замечает, что учит своих слушателей не столько тому, как свергать авторитарные режимы, сколько тому, как защищать демократию. Все чаще его просят работать в странах, где, как считалось прежде, демократии ничто не угрожает.

«Какой наименьший общий знаменатель в вашей стране? На кого вы можете положиться при создании коалиций по защите демократии? На суды? На СМИ?» — спрашивает он слушателей.

Во время нашего разговора Срджа испытывает видимое разочарование лишь однажды — когда я описываю его действия как «технологию» или

«модель».

«Это не модель. Это не технология. Мы даем людям навыки. Мы учим, как играть на гитаре, а не тому, что именно играть… В этом и состоит наше главное отличие от них. Они думают, что людей можно использовать как марионеток, что революцию можно импортировать и экспортировать. Мы же учим людей брать власть в свои руки».

Но меня не покидает мысль: что, если «люди», которые хотят взять власть в свои руки, станут использовать ее для притеснения других?

Чат раздора

Discord — это сайт, который обычно используется фанатами компьютерных игр. Но в последнее время он набирает популярность среди ультраправых групп толка как место для онлайн-встреч и планирования кампаний по влиянию в сети. Их обсуждения закрыты для случайных посетителей, а чтобы получить доступ в группу Infokrieg, вам нужно для начала создать подходящий аватар, заявить, что вы интересуетесь философией Фридриха Ницше. Затем, возможно, вам придется провести некоторое время в «прокачке» своего альтер-эго, например регулярно репостить статьи на тему миграции и столкновения культур. Оказавшись в группе Infokrieg, вы сможете скачать «Руководство по информационной войне» и обрести определенный статус в зависимости от количества ваших фолловеров: если вам удалось привлечь от 25 до 100 человек, вы становитесь «Бароном»; а если их больше 10 000 — «Сверхчеловеком влияния». Затем вы начнете знакомиться с тактиками проведения различных кампаний: как

координироваться онлайн для совместных нападок на «мейнстрим»-журналистов (так называемые снайперские миссии); как публиковать злобные комментарии на страницах политиков в фейсбуке; как планировать кампании массовых «дизлайков» на ютубе, где можно «заминусовать» видео своих оппонентов. Если ваша схватка с врагом оказывается неудачной — к примеру, вы влезаете в спор, в котором не можете победить, — надо написать пост с хештегом #AirSupport, и на помощь приходят другие участники Infokrieg, чтобы заспамить разговор своими насмешками и издевательствами (21).

В Infokrieg есть и своя фабрика мемов — активистам рассылают изображения, а те добавляют к ним тексты, меняющие их смысл. Например, один мем, созданный Infokrieg, представлял собой яркий рисунок счастливой американской семьи из рекламы 1950-х, под которым было написано «Правые экстремисты». Идея состояла в том, что современное общество маргинализирует традиционный образ жизни.

Но мое внимание привлекли реплики некоторых участников Infokrieg: «Не используйте мемы с национал-социалистической тематикой. Концентрируйтесь на наименьшем общем знаменателе: массовой миграции, исламизации, теме национальной идентичности, свободе, традициях». Концепция «наименьшего общего знаменателя» была взята прямо из учебника Срджи.

Infokrieg был создан членами движения Génération Identitaire [4]. Мартин Зельнер, лидер австрийского «Движения идентитаристов», — пожалуй, самый знаменитый участник и интеллектуальный лидер этой группы. Он выступает в поддержку идеи культурно однородной Европы и

«реэмиграции» мусульман — мягкого и мирного способа достижения почти тех же целей, которых добивались зачинщики этнических чисток при поддержке Милошевича.

Пожалуй, больше всего Зельнер известен своей выходкой, которую назвал «Защищай Европу». Он зафрахтовал корабль, выплыл на нем в Средиземное море и пытался помешать гуманитарным организациям, помогавшим мигрантам на опасном пути из Северной Африки в Европу. Ему был запрещен въезд в Великобританию на основании того, что он «не способствует общественному благу» (22).

Во время нашего видеозвонка Зельнер, который в своих очках с черной оправой был похож больше на студента-философа, чем на скинхеда, сказал, что Попович оказал на него огромное влияние. Казалось, он был искренне впечатлен, узнав, что я знаком со Срджей и даже посещал его семинар.

Зельнер утверждал, что нами правит «мягкий авторитаризм», запрещающий любые обсуждения вопросов иммиграции. Это обвинение казалось мне абсурдным — во время разговора я находился в Лондоне, где антииммигрантские статьи заполонили самые популярные газеты.

Деятельность Зельнера можно проанализировать через призму стратегии CANVAS. Он подробно описал «перемены, которые хочет увидеть» (то есть культурно однородную Европу). Он нашел «наименьший общий знаменатель», способный объединить разнообразные интересы, в теме миграции. Когда два исследователя роста виртуального присутствия правонационалистических движений, Джулия Эбнер и Джейкоб Дейви, проанализировали мотивы и идеологию различных групп, поддерживавших акцию «Защищай Европу», они обнаружили среди них антимусульманские и

антилевацкие группы, тех, кого беспокоит терроризм, и тех, кто боится вытеснения белого населения из Европы, а также «противников истеблишмента» и сторонников теорий заговора (23). Зельнеру удалось, как говорит Срджа, «расширить поле боя», объединив целую международную сеть участников. Он сумел заключить союз с британскими антимусульманскими активистами, он стал регулярно появляться на российских государственных телеканалах. Его девушка – одна из ведущих деятелей альтернативных правых в США, и тут сразу вспоминаются династические браки между членами королевских семей разных стран. Почти половина онлайн-поддержки движения «Защищай Европу» идет из США. Наконец, у Зельнера есть и электоральная стратегия: Infokrieg активно поддержал немецкую партию «Альтернатива для Германии» (AFD), которая фактически доминировала в социальных сетях и с помощью твиттер-штурма в 2017 году впервые смогла пробиться в немецкий парламент.

После нашего разговора Зельнер отправил мне сообщение: «Привет Поповичу;)».

Эсфирь помогла Лине вдеть в уши свои самые дорогие сережки с бриллиантами, а затем кто-то — Лина даже не понимала, кто именно, — взял окурок, высыпал пепел на пальцы и растер его по серьгам, чтобы они меньше блестели: «Если таможенники спросят, скажи, что это просто стекляшки».

Мы приехали в аэропорт. Там собралась целая толпа пришедших навсегда попрощаться с нами. Все были уверены, что мы больше никогда не увидим родителей, сестер, братьев, лучших друзей или родной дом. Все, что смогли впихнуть мои родители в свои холщовые сумки, — это килограммы подгузников (про одноразовые в СССР тогда не знали). Из денег у них было всего 180 долларов наличными. Советского гражданства нас лишили. Мы остались без родины. На границе нас тщательно обыскали. Мать держала меня так крепко, что, когда она сняла сорочку, на ее груди остался отпечаток моего лица.

«В ноябре 1977 майор МЕЛЬГУНОВ сделал ПОМЕРАНЦЕВУ формальное предупреждение. В протоколе значилось: распространение клеветнических измышлений... регулярное прослушивание враждебных радиопередач и контакты с иностранцами. Тогда же майор КГБ А. Л. ИЗОРГИН посоветовал ПОМЕРАНЦЕВУ эмигрировать».

Игорю в каком-то смысле повезло. У него было некое подобие выбора. Майор дал ему четко понять, что если он останется, то проведет семь лет в тюрьме и пять лет ссылки в советском захолустье. Если бы он был украиноязычным поэтом, его арестовали бы без лишних церемоний. Репрессии в Украине были направлены на уничтожение любых признаков независимой украинской культуры за пределами санкционированной советским государством «украинскости». Но Игорь писал на русском, языке

колонизаторов. Он публиковался в московском журнале «Смена», писавшем о вопросах культуры для миллионов читателей. Если бы его посадили, в Москве кто-то мог бы поднять шум, а затем его судьба обсуждалась бы на западных «голосах» и международных конференциях. В Москве уже даже не арестовывали за то, в чем его обвиняли, там условия были мягче — отчасти из-за присутствия западных журналистов, способных превратить диссидентов в звезд и святых (или как минимум написать о них колонку).

Советский Союз все еще пытался казаться утопией. Незначительные поэты, привлеченные за чтение книг, выглядели узниками совести и портили идеальную картину. В 1977 году самый известный советский диссидент, физик Андрей Сахаров, написал письмо в поддержку других политзаключенных президенту США Джимми Картеру, и это письмо было опубликовано в газете New York Times:

> Уважаемый г-н Картер.
> Очень важно защитить тех, кто страдает за свою ненасильственную борьбу за гласность, за справедливость, за попранные права... Наш и Ваш долг — бороться за них. Я думаю, что от этой борьбы зависит очень многое: доверие между людьми, доверие к высоким обещаниям и в конце концов — международная безопасность (24).

Сахаров представил список имен и хотел, чтобы Картер обсудил судьбу этих людей со своими советскими коллегами. Это были не пустые слова. После того как Советский Союз подписал в 1975 году Хельсинкские соглашения и пообещал уважать «права человека» и «фундаментальные свободы», американские

лидеры неоднократно поднимали вопрос о политзаключенных на встречах на высшем уровне. Иногда им даже удавалось добиться чьего-то освобождения. Как минимум это смущало Советский Союз и помогало американцам поддерживать выгодный имидж.

В середине 1970-х годов Политбюро решило, что эмиграция — более простой способ избавиться от смутьянов-диссидентов, чем их преследование. Кроме того, по некоторым данным, это было намного прибыльнее.

Игорь и Лина понимали, что скоро им предстоит сделать пугающий выбор, связанный со свободой, семьей и литературой, но оказалось, что на наши судьбы повлияли зерно и боеголовки. Технически мы могли уехать по «еврейской визе». Говорили, что величина «еврейской квоты» варьировалась в зависимости от объемов зерна, которое Советскому Союзу разрешалось экспортировать в США. В 1976 году было выдано 14 000 «еврейских виз». В 1978 году, когда США и СССР обсуждали договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), предполагавший, помимо прочего, упрощение процедур экспорта зерна, количество виз выросло до 29 000. И мы были тремя из этих 29 000 (25).

Виза позволяла выехать в Вену, где нужно было выбрать конечную точку путешествия — США или Израиль. Оба варианта не сильно прельщали моих родителей. Они хотели остаться в Европе.

—

Дорогой Марк.

Ты приехал попрощаться с нами в аэропорту и распрощался у таможни.

Хочу рассказать тебе о том, что случилось дальше. В таможне нас обыскали. После досмотра чемоданы и узлы я перетаскивал сам: у Лины на руках был Петька. Я взмок. Рубаха покрылась пятнами. Мне хотелось пить. На втором этаже в зале ожидания стояли два автомата с газированной водой, но в карманах у меня не осталось ни одной советской копейки. Марк, если тебе доведется эмигрировать, возьми с собой немного советской мелочи. Вывозить ее незаконно, но тебе ничего за это не будет.

Ты увидел, как я машу тебе из окна автобуса, но ты не видел, что я плачу. Мы заняли места в самом хвосте самолета. Когда самолет взлетел, стюардессы начали развозить завтрак. С нами обращались как с иностранцами. Даже вино подали. Через полчаса самолет задрожал как осиновый лист: мы попали в грозу. Вода хлестала щеки. Повалил мокрый снег. Объявили по-английски: «Господа! В связи с метеоусловиями наш самолет вынужден приземлиться в минском аэропорту».

«Пристегни ремень», — сказал я жене, чтоб не молчать. Она ответила: «Я волнуюсь». Сын спал у нее на коленях. Град странным образом сыпал со всех сторон, сверху и снизу. Одним локтем я прикрывал голову и лицо, другим — лицо сына. Колеса ударились о бетонированную полосу минского аэродрома, хрустнуло шасси, и самолет, тужась, прополз на пузе еще метров сто, сметая мелкие служебные фигурки с флажками.

В здании аэропорта нам предложили пройти в «комнату матери и ребенка». Лине почему-то не хотелось. Она расплакалась. Я толкнул ее. Получилось грубо, и она заплакала в голос. Нас разлучили с другими

пассажирами. «Главное — не нервничать, — уговаривал я себя, — все образуется». И не такое пережили. В конце концов, у меня в кармане не краснокожие паспорта, а иностранные визы. Мы — иностранцы. И баста!» В комнате, куда нас ввели, спиной к двери у окна стоял мужчина в штатском. Я почему-то брякнул: «Good day!» Он, не взглянув, сел к столу и набрал номер. Говорил по-русски, так что я ничего не мог понять, кроме имен моих киевских следователей-подполковников «Вилен Павлович», «Валерий Николаевич» и слова «Бобруйск». За нами пришли к вечеру. Велели выйти. Мы шли — я в непросохшей рубахе, жена с зареванным лицом, со спящим сыном на руках. Я думал: хорошо хоть багаж не надо тащить. Значит, в Бобруйск. Они уже там. Вилен Павлович пока что смылся с какой-нибудь бабой, а Валерий Николаевич решает шахматные задачи. Мат в четыре хода. Черные (белые) выигрывают. Он постукивает кончиком карандаша по нижним, желтым от никотина зубам, по-доброму щурится, нашу машину трясет на ухабах, мы сбились в кузове в одно влажное солоноватое месиво. В Бобруйск мы приехали ночью. В Бобруйске нас расстреляли.
Игорь

—

Игорь написал этот кошмарный сценарий через несколько недель после своего приезда в Вену. Он хотел как-то рассказать о страхе, который испытывал во время полета. Первые недели и месяцы жизни на Западе Игорь инстинктивно

ждал стука в дверь или щелчка кагэбэшного подслушивающего устройства в телефоне.

После приземления Лину больше всего поразили цвета: ее чуть не ослепили жгучая желтизна бананов и огненный цвет апельсинов. Постепенно она начала замечать окружающую ее Вену и снова обрела чувство порядка: архитектура города с ее завитушками в стиле ар-нуво приятно напоминала Черновцы и Киев. Затем она внезапно заметила, как много на улицах инвалидов — стариков в колясках и стаек детей с синдромом Дауна. Она пыталась найти этому объяснение. «Может быть, это какое-то наказание за то, что они делали во время войны?» — спрашивала она у Игоря, хотя и осознавала, насколько бессмысленна эта версия. А затем она поняла: в утопии Советского Союза инвалиды были заперты, спрятаны подальше от города или замкнуты в стенах своих квартир, вычеркнуты из общества.

Мы снимали комнаты в общежитии Венской консерватории, так что все эти первые впечатления — апельсины, дети с синдромом Дауна и здания в стиле ар-нуво — переплелись у меня со звуками скрипок, тромбонов и фортепиано. Нестройный шум, который они создавали, настраиваясь и играя гаммы, порой превращался в чистую гармонию. Как-то раз среди этой какофонии возник большой голубой «Мерседес», из которого вышла высокая женщина со знакомым лицом. Это была Аннелиза, она приехала, чтобы помочь нам.

Аннелиза была школьной учительницей из Германии. Когда-то ей довелось побывать в Киеве, где она познакомилась с Игорем и Линой. Она приехала в СССР как любопытный турист, а уехала исполненной решимости помочь своим новым друзьям-диссидентам. У нее возник план перевезти нас из

Австрии в Германию. Она вместе со своим учеником, Харольдом, провела многие дни за изучением приграничных лесов и смогла найти самый короткий путь для пересечения границы на своих двоих — всего дорога должна была занять не более получаса ходьбы.

Нас привезли к границе на голубом «Мерседесе», затем Аннелиза вместе с нами углубилась в лес, а Харольд поехал на машине, чтобы встретить на другой стороне. Лина делала все, чтобы я молчал, но я и без того оставался на удивление тихим. Мы шли по бездорожью, и вскоре у всех промокли ноги. Путь, который мы должны были преодолеть меньше чем за полчаса, занял больше часа. Каждый хруст ветки заставлял всех замирать в страхе. Аннелиза заблудилась, но Игорь и Лина всем своим видом показывали, что полностью доверяют ей. Она взяла на себя немалый риск: если бы ее поймали за попыткой перевести нас через границу, она как минимум потеряла бы работу. Но она знала, насколько сильно Игорь хотел остаться ближе к Киеву, Одессе и Черновцам, которые воспринимал как часть большой Европы.

И в тот момент, когда нас уже начали оставлять силы, мы выбрались из леса около автобана, а голубой «Мерседес» повез нас дальше в Западную Германию, мимо деревень, через темные леса и вдоль замков на берегу широкого и извилистого Рейна. Мы добрались до Ланштайна, родной деревни Аннелизы, а там она отвела Игоря в полицейский участок, где он попросил политического убежища. Если бы полицейские поинтересовались, каким образом мы оказались в Германии, у Аннелизы могли быть серьезные проблемы. Полицейский оглядел моего отца с ног до головы, затем повернулся к Аннелизе, но ничего не спросил. В 1978 году западные немцы с радостью встречали политических заключенных из Восточного блока — для них это

было еще одним подтверждением превосходства их системы над восточногерманским коммунизмом. Заявление о предоставлении убежища рассматривали целый год, но на это время нас поселили в квартире на Адольфштрассе.

Пока заявление рассматривали, Игоря «пригласили» в региональный центр, где его допрашивали представители немецких и французских спецслужб. Они хотели выяснить, не шпион ли он. Два молодых вежливых и улыбающихся офицера спрашивали его, что он делал, где учился и что писал. Он отвечал и ждал более детальных вопросов. Когда они не прозвучали, он даже забеспокоился: европейцы казались ему столь наивными, что КГБ элементарно бы их переиграл. Почему они даже не пытались допросить его как следует?

Затем с ним захотели поговорить американцы. На сей раз все было интереснее: он приехал в офис без вывески, где его ждали два человека с армейскими стрижками. Американцы несколько раз пытались подловить Игоря каверзными вопросами: сколько лестничных пролетов было на вашей работе? Сколько этажей? Что вы видели из окна? Игорь испытал облегчение. Наконец-то кто-то занялся серьезным допросом. Ему даже показалось, что у следователей есть кто-то в Киеве, способный перепроверять каждое его слово. Возможно, Запад был не столь безнадежен. Мужчины с армейскими стрижками попросили его рассказать о службе, о размере и дислокации его подразделения. На это Игорь сказал, что принял присягу и не вправе выдавать подобные секреты. Американцы понимали, что такое военная дисциплина, поэтому в ответ на его слова лишь понимающе и уважительно кивнули.

Оказавшись в Ланштайне, впервые в своей взрослой жизни Игорь почувствовал, что не может писать стихи. Он не переставал думать об оставленных им друзьях. Некоторые из них сидели в последних советских лагерях для политзаключенных в Мордовии и Перми. Он пикетировал советское консульство с плакатами, требуя их освобождения. Он писал эссе, в которых пытался как-то зафиксировать в памяти оставленный им позади мир. Он писал о драмах Украины, которые часто игнорировались западными читателями, знавшими лишь о Москве и Санкт-Петербурге. «У меня есть родина, — писал он, — и она остается со мной и во мне навсегда. И мы неотделимы с ней, как око и слеза».

Он описывал, какое отвращение все его друзья испытывали в день советского вторжения в Прагу в 1968 году. Каждый из них пытался вспомнить, где был в тот день. Он писал о литературном критике, отсидевшем в тюрьме семь лет. За эти годы он видел свою жену всего семь раз, но тем не менее писал ей письма, в которых не было ни оттенка горечи, а лишь просьбы — например, о том, чтобы прислать ему недавно вышедшую книгу Бахтина [5]. Игорь писал о друзьях, которые просыпались, читали утренние газеты и узнавали из них, что стали антигероями дня, потому что совершили какие-то ужасные преступления. Так, композитор узнавал о том, что он «избил рабочего-строителя на глазах у множества свидетелей прямо в центре Киева». И хотя этого «рабочего» в реальности не существовало, приговор был вполне реальным. Еврейский активист с удивлением читал, что он жестоко избил воспитательницу детского сада. Причем в этом рассказе были поразительные детали — якобы он сломал ей ногу, когда она

возвращалась домой с тортом в руках. Его друзья обошли все детские сады в Киеве, но так и не нашли никакой воспитательницы со сломанной ногой.

В своих эссе Игорь обрушивался на цинизм, с которым столкнулся на Западе. Один немецкий журналист сказал ему, что «истина должна находиться где-то между „Архипелагом ГУЛАГ“ и официальными советскими заявлениями». Игорь рассказывал о редакторе одной газеты, которого он пытался убедить написать о своем друге — Петру Винсу грозил новый срок в тюрьме, хотя он еще не вышел после предыдущего приговора. Выслушав рассказ Игоря, редактор зевнул и сказал: «Все это старо и скучно. Тебе что, нужны деньги?» Неужели редактор не понимал, что одна-единственная статья в его газете могла повлиять на тюремный срок? Неужели ему было невдомек, что между правдой и ложью нет никакой «середины»?

«Вы, диссиденты, никому здесь не нужны», — сказал Игорю пожилой русский изгнанник. Он имел в виду, что никого на Западе по-настоящему не волнуют все эти «права» и их защита, так почему Игорь не может просто бросить это дело? «Тот, кто был конформистом у себя на родине, остался конформистом и в эмиграции, — писал Игорь. — Я уверен, что мой бывший соотечественник и в Союзе жил так, словно концлагеря Мордовии и Пермской области находятся на другой планете. Его слова — не более чем отговорка... неправда, ложь. Я встречал в ФРГ уже десятки людей... желающих, но не всегда знающих, как нам помочь».

Эссе Игоря публиковались в небольших литературных журналах с крошечными тиражами. Теоретически они всё же были влиятельными, поскольку адресовались культурной элите. Эссе Игоря «Право читать» было напечатано в журнале Partisan Review, которому в свое время ЦРУ помогло

выжить, скупая тиражи в периоды низких продаж. Игорь публиковался и в журнале Encounter, пережившем скандал с финансированием со стороны ЦРУ раньше, в 1967 году (26).

У холодной войны был и культурный фронт, и Игорь быстро втянулся в его работу. В 1980 году его пригласили в Лондон на собеседование для работы в русской службе BBC, и окончательная проверка кандидатуры производилась сотрудниками MI5. Это не была инициатива MI5 — никто в BBC никогда не владел никакой секретной информацией. BBC сама просила разведку о помощи. Если бы британскому правительству пришло в голову пожаловаться на то, что BBC каким-то образом проявляет нелояльность к стране, корпорация всегда могла ответить, что все ее работники одобрены спецслужбами. Этот процесс распространялся не только на иностранцев; через него прошло множество других сотрудников корпорации (27).

Стоило учитывать и соображения безопасности. В 1978 году сотрудник болгарской службы BBC Георгий Марков шел в офис по мосту Ватерлоо и внезапно почувствовал укол в ногу. Он повернулся и увидел человека, прошедшего мимо него с зонтиком. На следующий день, когда он уже умирал, выяснилось, что с помощью укола ему ввели капсулу с ядом — рицином. Позже выяснилось, что убийство было организовано болгарскими секретными службами, а рицин поступил к ним с фабрики ядов КГБ, расположенной неподалеку от Москвы (28).

Игорь успешно прошел письменный тест, а затем и проверку со стороны спецслужб. Мы переехали в Лондон в составе небольшой группы советских беженцев — Британия давала мало въездных виз для иммигрантов из стран,

ранее не входивших в империю. Но мы приехали туда как новобранцы холодной войны.

Часть 3. Самый удивительный информационный блицкриг в истории

В наши дни разговоры о холодной войне сменились обсуждениями войны информационной. Мой офис завален толстыми отчетами и докладами с названиями типа «Кремлевский брандспойт фальшивок» и «Цифровая линия Мажино». Я и сам много писал на темы «превращения информации в оружие» и «победы в информационной войне», анализируя использование Кремлем СМИ соседних стран.

В процессе своих исследований я натолкнулся на российский учебник под названием *«Операции информационно-психологической войны. Краткий энциклопедический словарь-справочник»* (издание 2011 года, авторы Вепринцев и др., издательство «Горячая Линия–Телеком»; книгу можно купить в интернете за 348 рублей). Эта книга предназначена для «студентов, политтехнологов, сотрудников спецслужб и госслужащих» — своего рода пособие для рядовых информационной войны. Согласно ей, информационное оружие воздействует на свои цели, «подобно невидимой радиации». Население не ощущает этого воздействия, и потому государство не включает механизмы самообороны.

Этот учебник, казалось, расширяет идею информационной войны далеко за пределы кампаний в киберпространстве и СМИ, намекая, что она куда более масштабна. И чем больше я погружался в русскоязычную литературу на эту тему, тем больше она казалась мне не просто инструментом внешней политики, а квазиидеологией, мировоззрением.

Чем же эта война отличается от холодной войны и как можно в ней выиграть или проиграть?

Операция «Перестройка»

В конце 1990-х и первом десятилетии XXI века идея информационной войны начала постепенно овладевать умами некоторых российских геополитических аналитиков (с прежним опытом работы в спецслужбах). Они пытались понять суть истории и, в частности, причины развала Советского Союза. Агенты спецслужб, перековавшиеся в ученых, считали, что советская империя рухнула не из-за плохой экономической политики, нарушений прав человека и лжи, а из-за «информационных вирусов», насаждавшихся западными спецслужбами через «троянских коней» – таких идей, как свобода слова и экономические реформы («Операция „Перестройка“» (1)). Якобы иностранные тайные агенты в советском руководстве, притворявшиеся «реформаторами», контролировали распространение этих «вирусов» в сотрудничестве с «пятой колонной» антисоветских диссидентов, действовавших по указке Вашингтона.

Долгое время такие теории не были особенно популярны в России. Но когда Кремль начал искать причины цветных революций и роста недовольства внутри страны, который привел к появлению сотен тысяч протестовавших против правления Владимира Путина в 2011 и 2012 годах, подобная всеобъемлющая философия информационной войны стала все чаще приниматься на вооружение телевизионными комментаторами и политтехнологами. Теперь они выдвигают теорию, что Запад ведет

информационную войну против России, используя службу BBC, правозащитные НКО и организации, занимающиеся фактчекингом [1] и антикоррупционными расследованиями.

Один из самых заметных публичных пропагандистов идеи информационной войны — Игорь Ашманов (2), частый гость ток-шоу на телевидении и радио. «Мы уже пережили сами и наблюдали несколько информационных войн: развал СССР, события в Югославии, Ираке, Ливии...» — говорил Ашманов в одном из своих многочисленных интервью (3). Кроме того, он убеждал российских законодателей, что Google, Facebook и Twitter представляют собой идеологическое оружие, нацеленное на Россию (4).

При этом Ашманов — не какой-нибудь сварливый старый шпион. Он — один из отцов-основателей российского интернета и бывших руководителей «Рамблера». Оказавшись в его высокотехнологичном офисе в Москве, где на столах стояли свежие фрукты, финики и орехи, я мог легко представить себе, что нахожусь где-то в Пало-Альто или Берлине. В своей спортивной одежде и очках в тонкой металлической оправе Ашманов мог бы вписаться в любое сборище технарей.

Главная идея Ашманова — это «суверенный интернет», то есть государственный контроль над тем, какая информация доходит до населения. Больших успехов в этом начинании достиг Китай с помощью «Великого китайского файрвола» и цензуры, которую Запад пытается подорвать разговорами о «свободе слова». По мнению Ашманова, информационного суверенитета невозможно достичь без идеологии, которая поддерживала бы ваши решения пропускать внутрь одни потоки информации и не пропускать другие (5).

«Если твоя идеология импортируемая... как с либерализмом, то ты всегда играешь по чужим правилам, которые постоянно меняются кем-то другим. Тебя всегда можно назначить виноватым, нарушившим правила демократии... Идеология должна производиться внутри страны, как и операционные системы, ракеты, инсулин и зерно. И защищаться и поддерживаться информационным суверенитетом» (6).

В такой картине мира информация предшествует сути. Сперва вы намечаете цель информационной атаки, а затем подгоняете под нее идеологию. Не имеет никакого значения, верна эта идеология или нет, — она служит тактической функцией. Вместо столкновения идей, ведущего к холодной войне, информационная война требует создания идеологий.

По мнению Ашманова, совсем не сложно найти примеры лицемерных действий США, когда дело касалось свободы и прав человека. США навязывали их противникам и игнорировали их нарушение своими союзниками. Говоря расплывчатыми формулировками дипломатов, ценности и интересы не всегда соответствуют друг другу. С другой стороны, пока США декларировали приверженность определенной идее, продвигая свой имидж, им приходилось как минимум совершать какие-то шаги в соответствующем направлении.

По мнению профессора Оксфордского университета Розмари Фут, корни «свободоориентированной» риторики американской внешней политики можно проследить вплоть до речи президента Франклина Делано Рузвельта 1941 года «Четыре свободы». Президент призывал к свободе слова и вероисповедания, свободе от страха и нужды, говоря о них как об основе демократического мира. Столь громкое заявление подразумевало, что

политика и практика должны хотя бы приблизительно соответствовать обещаниям.

Уже в 1949 году посольство США в Москве говорило о так называемом негритянском вопросе как о «важном козыре советской пропаганды» и о том, что с этой проблемой необходимо справиться внутри США ради успеха внешней политики страны (7). В 1950-е годы министерство юстиции США полагало десегрегацию внутри США важным вопросом, способным укрепить международный имидж страны как оплота свободы. В начале 1970-х, после вьетнамской войны, американской поддержки путча в Чили и вторжения США в Доминиканскую республику, Конгресс провел слушания по вопросу нарушения прав человека в этих странах. По итогам работы в госдепартаменте США было создано особое бюро по вопросам прав человека, цель которого состояла в выстраивании более четкой связи между риторикой о правах человеках и свободе с реальными политическими шагами.

Тем временем в Советском Союзе диссиденты могли апеллировать к Хельсинкским соглашениям, чтобы вынудить режим «соблюдать собственные законы», пытаясь хотя бы поставить власть в неловкое положение перед лицом всего мира.

По большому счету среди ужасов холодной войны были свои крошечные победы, но идея написания истории посредством информационной войны уничтожает даже эти достижения и вместо лицемерия предлагает не что-то лучшее, а мир, в котором вообще нет ценностей. В подобной картине мира вся информация становится — как у военных стратегов — лишь средством для подрыва позиций врага, инструментом, помогающим

разрушать, манипулировать и сбивать с толку. Сомнений не остается — идеалы как таковые теряют свою ценность.

Мы оказываемся в непростой ситуации. В своей книге *Don't Think of an Elephant* («Не думайте о слоне») когнитивный лингвист Джордж Лакофф определяет победу и поражение в политике как способность сформулировать вопрос выгодным для ваших интересов образом. Определение сути спора означает победу в нем. Если вы попросите кого-то не думать о слоне, он тут же примется о нем думать. «Мы отрицаем одни рамки и пробуждаем к жизни другие… В спорах с другой стороной не пользуйтесь ее языком. Их язык задаст систему координат — и это будет совсем не та система, которую вы хотите» (8).

Мне уже доводилось видеть подобное на Филиппинах, где сотрудники Rappler благосклонно отнеслись к высказываниям Дутерте, связанным с «войной против наркотиков», тем самым упростив для него переход к реальным убийствам. Рекламные ролики российских международных вещательных компаний, RT и Sputnik, используют язык информационной войны, а их сотрудники даже получают военные награды за заслуги перед отечеством (9). Западные журналисты и аналитики, включая меня самого, считают их участниками информационной войны. Но, называя их так, мы фактически содействуем им. Мы создаем образ, помогающий им получать больше финансирования от режима, жаждущего видеть все вокруг в координатах информационной войны. Не получится ли так, что, используя кремлевский язык этой войны, мы в конечном итоге укрепим позиции Кремля? Могут ли все бесконечные статьи, слушания в сенате и мероприятия, проводимые аналитическими центрами — я активно писал

для них и присутствовал на множестве таких событий, — в итоге привести к росту тех самых рисков, которые они пытаются предотвратить?

Долгосрочные последствия оказываются еще глубже. Если воспринимать всю информацию как часть войны, то любые мечты о глобальном информационном пространстве, где свободно движутся идеи, укрепляющие совещательную демократию, пойдут прахом. Вместо этого лучшим вариантом будущего, на который нам остается надеяться, становится «информационное перемирие», при котором каждая сторона уважает «информационный суверенитет» другой: это любимая концепция Пекина и Москвы, служащая, по сути, прикрытием для насаждения цензуры.

Но было бы глупо просто игнорировать информационные операции Кремля. Пример Эстонии, которая пострадала в 2007 году от информационного удара и нападения хакеров, дает лишь самое базовое представление о том, насколько сильным может оказаться их кумулятивный эффект. В Украине они сопутствовали вполне реальному вторжению.

В ходе бесконечных обсуждений в мозговых центрах Вашингтона, Лондона и Брюсселя военные теоретики, журналисты и официальные лица пытаются осмыслить суть российского подхода к «войне» и международным конфликтам. Некоторые называли его «войной полного спектра», другие — «нелинейной войной», а третьи — «неоднозначной» и «войной в серой зоне» (10). В Восточной Европе государственные исследовательские центры остановились на термине «гибридная война», используя его в качестве дипломатичной замены слова «российская».

Есть вопросы, по которым эксперты хотя бы иногда могут добиться согласия. Прежде всего это то, что российский подход размывает границы между войной и миром, приводя к состоянию постоянного конфликта, который никогда не разгорается в полную силу, но и не прекращается. И в таком конфликте информационные кампании играют исключительно важную роль. Резюмируя цели российской «войны нового поколения», Янис Берзиньш из Латвийской военной академии описывает переход от прямого уничтожения противника к его внутреннему разложению; от войны с использованием обычных вооруженных сил к конфликтам между нерегулярными группировками; от прямого столкновения к бесконтактной войне; от физической среды к человеческому сознанию; от войны в четко установленных временных рамках к состоянию перманентной войны как естественного условия жизни страны (11).

Мы остаемся с парадоксом. С одной стороны, необходимо понять и предать гласности то, как Кремль с его военным менталитетом использует информацию, чтобы сбивать всех с толку, пугать, разобщать и тормозить. С другой — есть риск поддержать кремлевские взгляды на мир самим фактом реакции на них.

В Украине этот парадокс проявляется наиболее наглядно. Именно здесь обкатывается механизм войны нового поколения, и именно отсюда Кремль пытается распространить свое всеобъемлющее мировоззрение информационной войны.

Как же тогда победить в информационной войне, если сама ее идея может представлять наибольшую опасность?

Самый удивительный информационный блицкриг в истории

Кем только не видела себя в мечтах Тетяна, но уж точно не солдатом. Однако в начале 2014 года, в кульминационный момент украинской революции против промосковского президента, Тетяна внезапно поняла, что может решать вопросы жизни и смерти. Сидя в пижаме в отцовской квартире, занося руку над клавиатурой, она понимала, что, нажав на одну кнопку, она отправит вполне реальных людей на вполне реальную смерть. А если нажмет другую, то революция и всё то, за что сражались ее друзья и тысячи других людей, будут потеряны.

В то время Тетяна управляла на фейсбуке страницей «Громадського сектора» — одной из основных оппозиционных групп украинской революции, направленной против президента Виктора Януковича и его сторонников в Кремле. Она публиковала фото и видео, прямо следовавшие философии ненасильственных действий Срджи Поповича: участник протеста, играющий на фортепиано на улице перед цепью полицейского спецназа; фотографии протестующих, держащих зеркала перед лицами полицейских; «дуэль» между вооруженным автоматом полицейским и участником протеста, «стреляющим» из картонного знака Facebook (последнее наглядно показывало, насколько важной была роль социальных сетей в протестах). Активисты могли организовать всё онлайн: от медицинской помощи до юридической поддержки, от координации многомиллионных акций протеста до сбора средств среди украинцев за рубежом на питание и жилье.

Тетяна занималась этой работой в течение многих месяцев протестов. У страницы «Громадського сектора» было 45 000 подписчиков, а их акции посещало до 150 000 человек — и все они не верили политикам, но верили волонтерам вроде Тетяны.

Тетяна присоединилась к «Громадському сектору», потому что хотела быть причастной к историческим событиям, о которых потом могла бы рассказывать своим будущим детям. Это восстание назвали «Революцией достоинства». Оно началось после того, как президент Янукович внезапно отказался от своего давнишнего обязательства подписать Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, сделав выбор в пользу займа в размере 16 млрд долларов от Кремля. А когда полиция Януковича избила протестовавших студентов, многие укрепились в своем желании видеть в стране менее коррумпированное правительство и справедливое общество, связанное со словом «Европа», — революцию еще называли словом «Евромайдан».

Тетяна была финансовым журналистом и занималась сайтом параллельно с основной работой. Она решила, что будет оставаться над схваткой; разумеется, она выступала за демократию и права человека, но не хотела пачкать руки и иметь какое-то отношение к дезинформации.

Одна из рабочих смен Тетяны пришлась на утро. Она жила в Киеве, но в тот день оказалась в своем родном Луганске, одном из крупнейших городов Донбасса. Большинство его жителей смотрели государственное или российское телевидение, изображавшее революцию в виде неонацистского заговора, управляемого США. Находясь там, Тетяна никогда не упоминала свою работу в «Громадськом секторе».

Она проснулась в девять утра и включила онлайн-трансляцию событий на Майдане. Поначалу ей показалось, что она по ошибке попала на какой-то боевик — по людям стреляли снайперы, на улицах лилась кровь. Затем зазвонил телефон: это были активисты с Майдана. Она слышала, как в трубке раздаются выстрелы, а через мгновения эти же выстрелы звучали в прямой трансляции.

— Зови людей на Майдан. Нам нужны все!

Одновременно Тетяна видела посты в своей ленте на фейсбуке, в которых люди с площади писали всем убегать и спасаться. Активисты продолжали названивать ей и требовать, чтобы она призвала подписчиков на площадь.

— Но там же людей убивают, — сказала она.

— Снайперы перестанут стрелять, если придет больше народа.

— А если нет?

— Решай сама.

Уже не в первый раз ее преданность делу революции вступала в конфликт с журналистским инстинктом — держаться над схваткой. За несколько недель до этого облаченные в балаклавы язычники-националисты из «Правого сектора» уже бросали «коктейли Молотова» в полицейский спецназ. Мало кто слышал об этом движении раньше. Их было всего несколько сотен, но шумиха вокруг таких насильственных методов придала им немалую популярность. К ним начали присоединяться агрессивные подростки.

Тетяна не одобряла ни самого насилия, ни идеологии «Правого сектора». На Майдане существовало множество «секторов», от неоказаков

до неоанархистов и неофашистов, способных быстро организоваться с помощью интернета. Их идеологии были абсолютно разными. Там были и друзья моих родителей, прошедшие через мясорубку КГБ. Они видели в Майдане эхо своего собственного противостояния, поднявшегося до уровня массового протеста, немыслимого в 1978 году. Для них Майдан был еще одним этапом борьбы против чекистов в Кремле и их сатрапов в Киеве. Впрочем, теперь на улицах были не только «свободолюбивые либералы»; у каждого была своя мотивация. У секторов было мало общего, кроме недовольства коррумпированным и жестоким режимом Януковича. И всем им казалось неправильным выступать против тех, кого избивал президентский спецназ, избивавший их самих.

«Громадське сектор» решил игнорировать насильственные методы «Правого сектора», но Тетяна не могла забыть о бойне, случившейся на Майдане тем утром. Кем она себя видела? Пропагандистом? Журналистом? Она только рассказывала о войне или была на ней солдатом? Каждый раз, публикуя пост или твит (и даже репост и ретвит), вы превращаетесь в крошечную пропагандистскую машину. В этом новом информационном потоке каждый должен найти собственные границы. Тетяна свои нашла. Она отказалась призывать людей на Майдан и предпочла рассказывать о происходящем, чтобы дать людям возможность самостоятельно принять решение.

На страницу зашли лидеры «Громадськего сектора» и призвали людей прийти на Майдан. За несколько дней погибло 103 участника протестов. Но толпа все прибывала. Люди напирали, пытались штурмовать президентский дворец, пока в регионах протестующие (иногда уже вооруженные)

захватывали здания местных администраций. Президент Янукович бежал в Россию. Лидеры «Громадського сектора» присоединились к политическим партиям и начали выдвигаться для участия в выборах. Тетяна не хотела заниматься партийной политикой и покинула движение.

Затем Кремль начал мстить. Российское телевидение заполнили придуманные истории о том, что «Правый сектор» планирует казни этнических русских в Крыму, где они составляют большинство. В Севастополе, столице Крыма, группы казаков, сепаратистские партии и православные священники (получавшие финансирование от Кремля) собирали толпы, умолявшие Путина спасти их. Он прислушался к просьбам и аннексировал полуостров.

Российское телевидение продолжало транслировать пугающие рассказы о том, как «Правый сектор» готовится убивать русских и на Восточной Украине. Интернет, ту самую среду, через которую подпитывалась революция, наполнил кремлевский контент с фабрики троллей в пригороде Санкт-Петербурга. Сотрудники «фабрики», бывшие коллеги Людмилы, получали по нескольку сотен долларов в день за публикацию картинок, комментариев и видео, сеявших растерянность, вражду и панику на Восточной Украине (12).

Информационная кампания Кремля была лишь прелюдией к действию. Нерегулярные военные силы, местные подручные Кремля, захватили города на востоке страны — Донецк и родной город Тетяны Луганск. Эти люди пародировали визуальный язык, использованный на Майдане, — толпы людей, машущих флагами (и порой приезжавших из-за границы), и горы горящих шин, ставших символом событий в Киеве. СМИ под контролем

Кремля назвали происходящее «Русской весной», ссылаясь на чехословацкое восстание против Советского Союза в 1968 году. Как и во время прежних информационных кампаний против цветных революций, Кремль старался высмеять Майдан, показать его незначительность. В то же время он отчаянно пытался представить восстание частью общей истории, в которой украинцами тайно манипулируют американцы, проводя свою политику «смены режима», приведшей к катастрофам в Ираке и Ливии. Игорь Ашманов и руководители российских государственных СМИ заявляли, что украинское восстание было, вне всякого сомнения, продуктом информационной войны.

И если у кремлевской болтологии и была цель, то лишь одна: показать, что стремление к «свободе» — это похмелье после холодной войны и ведет не к миру и процветанию, а к войнам и разрушениям (это сообщение прежде всего было адресовано жителям России, чтобы те не слишком прельщались этой идеей). Для того чтобы этот постулат обрел плоть, было необходимо, чтобы в Украину никогда не пришел мир. Страна должна была истечь кровью.

Когда украинские военные атаковали укрепления сепаратистов, Кремль посылал против них свои танки. Подавив противника, танки отступали, а Кремль заявлял, что их там никогда не было. В течение следующих лет — собственно, параллельно созданию этой книги — конфликт то затухал, то разгорался вновь. Он не перерастал в полноценную войну, но и не завершался. Города на Донбассе переходили из рук в руки. Стороны обменивались артиллерийскими залпами. Российская армия начала масштабные маневры на границе с Украиной, и по всей стране прокатилась

волна паники. У вооруженного конфликта были и непредвиденные последствия. В июле 2014 года российский высокотехнологичный зенитный комплекс сбил пассажирский самолет «Малайзийских авиалиний» с голландскими туристами на борту, летевший над территорией, которую контролировали сторонники Кремля. Погибло 298 человек, а информационная операция перешла все грани разумного: утверждалось, что лайнер был сбит украинцами, принявшими его за личный самолет Путина; что катастрофа была инсценирована и в самолет заранее погрузили мертвые тела, что самолет был сбит украинским истребителями (13)...

Верховный главнокомандующий НАТО назвал российскую кампанию по захвату Крыма «самым удивительным блицкригом информационной войны» в истории. Но именно обычные украинцы, брошенные своими никудышными правителями, делали все для того, чтобы этот блицкриг не распространился на всю остальную страну (14).

—

«Хуже всего, что мне снова пришлось взять в руки оружие», — рассказывал мне Бабар Алиев жарким летом 2015 года в северодонецком кафе. Я с трудом слышал его сквозь звуки техно-музыки, сопровождавшейся пронзительным женским вокалом. «Десять лет назад я дал себе обещание не брать в руки оружие. Но я очень пожалел об этом, когда пришли сепаратисты. В следующий раз я буду готов».

Северодонецк находится на восточной Украине, всего в нескольких километрах от границы с Россией, где в 2014 году группировались

российские войска, что многие сочли подготовкой к вторжению. По интернет-порталам Северодонецка тогда прошли слухи о том, что «Правый сектор» собирается демонтировать статую Ленина, символ пророссийских сторонников. На защиту памятника собрались группы местных жителей: русские казаки, любители лазертага, члены борцовских и книжных клубов. Слухи оказались ложными — кто-то просто пытался раскачать пророссийские силы. Это было совсем несложно. Северодонецк не испытывает особой исторической лояльности по отношению к украинскому государству. Его построили в 1950-е годы, и он представлял собой идеальную модель из белоснежных советских модернистских домов-коробок, выстроенных вокруг 16 научных вузов и четырех химических заводов. Как и многие города на востоке страны, он наполнялся жителями, приезжавшими со всего СССР. После Второй мировой войны был одним из немногих городов, где можно было поселиться без документов — это был хитрый бюрократический трюк, чтобы привлечь преступников и бродяг к работе в тяжелой промышленности. После распада Советского Союза город пришел в упадок: заводы обветшали, некогда аккуратные жилые дома облезли и покрылись трещинами, а глубокие ямы на дорогах приходилось объезжать по причудливым траекториям. Писатель Оуэн Мэтьюс (или Мэтьюз) как-то сравнил некоторые районы бывшего Советского Союза с экспериментальной лабораторией, которую оставили ученые и где теперь брошенным подопытным крысам остается лишь гнить и пожирать друг друга. Это описание более чем уместно для Северодонецка, где симметрия уживается с ветхостью. Многим его жителям Россия кажется лучшей альтернативой.

Бабар, веб-дизайнер лет тридцати с небольшим, предки которого происходят из разных регионов бывшего СССР, заметил, что пророссийские организации начали особенно активно развиваться здесь после 2012 года — в то же время, когда Владимир Путин боролся с массовыми протестами в Москве. Этих обществ стало больше после начала восстания на Майдане. Тогда Бабар не отнесся к этому серьезно: в конце концов, Украина считалась демократической страной. Теперь он подозревает, что все это было частью некоего плана. Днем пророссийские активисты собирались на главной площади города, где православные священники (представлявшие Московскую патриархию) и лидеры коммунистической партии проводили митинги, призывая объединиться с Россией. Они утверждали, что во главе Майдана стоят фашисты, а финансирование держится на наркотиках.

«Если мы позволим им взять верх, то страна откатится назад», — подумал Бабар. Он был в Киеве во время Майдана и понимал, что революция — это исторический скачок в новую реальность. Он был возмущен, когда спецназ избивал студентов в Киеве. В последние годы он видел, как партия Януковича нападает на бизнес и грабит страну: правительство напоминало ему рэкетиров, прикормленных Путиным. Теперь, в Северодонецке, брошенном правительством, он чувствовал, что просто обязан в одиночку вести информационную войну против врага и надеяться, что ему удастся зажечь своей борьбой других.

Возможно, его подвигло к такому решению и то, что он не хотел возвращаться к своему собственному прошлому. Подростком в середине 1990-х Бабар был главарем банды. Он специализировался на планировании и осуществлении сложных ограблений (на обычных рэкетиров он всегда

смотрел свысока — в их ремесле не было искусства). Затем начал красть драгоценные металлы — золото и платину — с местных химических предприятий (он внимательно изучил таблицу Менделеева). Бабар завязал с воровской жизнью после того, как его поймали (он изучал право и знал, как выйти на свободу с помощью взяток). Но даже теперь, после многих лет занятий веб-дизайном и скромным интернет-пиаром, он сохранил развязные манеры, любовь к спортивным костюмам и быстрый взгляд хитрого гопника (а также внезапно широкую, почти детскую улыбку). Многим в Северодонецке до сих пор сложно поверить, что у Бабара, по его собственному выражению, появилось «отвращение к поножовщине».

Во время событий на Майдане Бабар открыл страницу в фейсбуке для сторонников Украины в Северодонецке, а теперь использовал ее, чтобы бороться против сепаратистов в Сети — «кошмарить их», как говорят в России. Бабар выдумал историю о том, как сепаратисты избили нескольких активистов гей-движения и теперь из Нидерландов якобы едет целый батальон геев-фашистов за это мстить. История была нелепой, но некоторые сепаратисты на нее купились и всерьез забеспокоились, выставив себя идиотами. Бабар придумал и историю о том, что 200 тайных агентов «Правого сектора» скрывались в Северодонецке и ездили по городу на трамваях, подслушивая разговоры. Услышав просепаратистские высказывания, они якобы высаживали людей из трамваев, и тех больше никто не видел. А еще эти агенты записывали имена таксистов, желающих аннексии Северодонецка. Порталы сепаратистов наполнились паникой, а Бабар чувствовал, что выигрывает дезинформационную войну. Он хотел,

чтобы они начали во всем сомневаться и потеряли ориентиры — сделать с сепаратистами то, что Кремль делал с Украиной.

Теперь ему нужно было создать коалицию, чтобы вывести людей на улицы. Но как их мотивировать, когда у них нет общего видения Украины и каждая группа живет в своем собственном информационном пузыре?

Бабар отправился к преступным лидерам, «ворам в законе», жившим в соответствии с жестким воровским кодексом. Кое-кто из них состоял в первой шайке Бабара до того, как он завязал. «Как вы можете быть вместе с ментами?» — спросил их Бабар, перейдя на феню, тюремный жаргон, на котором разговаривают «воры в законе». «Вы же были честными зэками [то есть жили по воровскому кодексу]. А теперь превратились в козлов, и у вас на головах выросли рога [на тюремном жаргоне „козел" означает изменник, заслуживающего лишь презрения]». Воры в законе обсудили с Бабаром угрозы для их деловых интересов в случае вторжения Кремля и решили поддержать Украину. Они предложили Бабару людей и оружие.

Бабар пообщался и с бригадирами рэкетиров. Они что, хотят, чтобы в город пришли российские бандиты и забрали их территории? До сих пор бандитам удавалось договариваться с украинской полицией, но у российской могли быть другие планы. Бандиты ответили, что поддержат его.

Затем Бабар пошел к бизнесменам. «Ребята, вы бывали в Европе, — сказал он. — Вы знаете, насколько проще там заниматься бизнесом: вас не беспокоят ни жадные до бабла бюрократы, ни банды, требующие деньги за „защиту". Майдан как раз выступает за то, чтобы у нас были европейские

правила. Неужели вы этого не хотите?» Бизнесмены тоже решили встать на его сторону.

Теперь, собрав свою коалицию, Бабар обратился за поддержкой к киевским активистам Майдана со связями в новом правительстве. Ему хватило бы всего нескольких спецназовцев. Весной 2014 года сепаратисты при поддержке российского спецназа захватывали город за городом на востоке страны. На зданиях местных администраций появлялись флаги так называемых Донецкой и Луганской Народных Республик. Бабар ждал сигнала из Киева, но тот всё не поступал. Он начал подозревать, что Донбасс пал жертвой какой-то закулисной сделки с Москвой. Бабар продолжал связываться со своими знакомыми и объяснял, что уже проделал всю подготовительную работу — дезинформационную кампанию и создание альянса различных сил...

В мае сепаратисты захватили власть в Северодонецке. Местная администрация выступила в их поддержку и заменила украинский флаг на здании триколором Луганской Народной Республики. Больше всего Бабара оскорбил тот факт, что, когда сепаратисты решили его арестовать, они отправили всего трех человек. Когда его арестовывали в лихие 1990-е, к его дому выслали три машины со спецназовцами в бронежилетах. А теперь к нему пришло всего трое парней с оружием, которые просто посадили его на поезд до Киева. Его попытка провести личную информационную войну потерпела неудачу. По сути, он пытался повторить российский подход: сначала распространить дезинформацию, чтобы привести противника в замешательство, затем воспользоваться нерегулярными воинскими

формированиями, бандитами и наемниками для захвата города. Но украинцы слишком долго собирались, поэтому план лопнул.

Через несколько месяцев в регионе наконец появились украинские военные, усиленные патриотическими и ультранационалистическими добровольческими батальонами (в том числе людьми из «Правого сектора»). Армия окружила Северодонецк и начала обстреливать его тяжелой артиллерией. Сепаратисты надеялись на вмешательство российских военных, но «Север», похоже, никому не был нужен: войска отошли обратно в «новые республики», территории вокруг Донецка и Луганска. Бабар вернулся домой. Но, когда мы разговаривали с ним в 2015 году, у него не было ощущения победы. Городом управляли те же политики и полицейские, которые поддержали сепаратистов. Некоторые украинские солдаты и добровольческие батальоны конфликтовали с местными жителями: драка в баре закончилась перестрелкой; один из солдат добровольческого батальона попытался взять под контроль местную мафию — он заставил одного бандита переплывать реку и выстрелил ему в голову на середине пути. Понятно, что такими мерами коалицию было не удержать.

Я спросил Бабара о планах на будущее. Он ответил, что из-за финансового кризиса, вызванного войной, исчезли заказы на создание веб-сайтов. Он хотел организовать курсы по медийной грамотности для местных жителей, но пока был готов заниматься любой работой, вплоть до разгрузки вагонов. Я спросил, что он собирался преподавать на этих курсах «медийной грамотности». Бабар планировал учить людей, как проверять истинность новостей и надежность источников, как использовать поиск

фотографий в сети, чтобы удостовериться, были ли они действительно сделаны там, где заявлялось.

Но разве он сам не использовал дезинформацию, когда пугал сепаратистов безумными слухами? Как это совмещалось в его голове с кампанией по развитию медийной грамотности?

Бабар улыбнулся: «Я верю в силу дезинформации для той стороны и медийной грамотности — для моей».

—

Бойцов информационного фронта на Украине становилось все больше, и мне захотелось понять, как чувствуют себя люди, на которых направлены эти кампании.

«Что, жив еще, сепаратист? Интересно, долго осталось?» — гласило одно из СМС-сообщений, пришедших на допотопный мобильный телефон Андрея Шталя. «Как всегда, номер отправителя отследить невозможно», — сказал мне Андрей. Казалось, что он привык к таким сообщениям; его скорее беспокоило, что активисты из самопровозглашенной «общественной группы» участников информационной войны внесли его в список «предателей», но указали старый адрес. «Представляете? Они же могут туда прийти и просто избить человека, который там теперь живет и ничего про меня не знает...»

Андрей жил в Краматорске, городе к северу от Северодонецка. Как и «Север», он был сначала захвачен пророссийскими силами, а затем отбит украинцами. Андрей работал в краматорской городской газете. Когда

сепаратисты захватили Краматорск и объявили его частью Донецкой Народной Республики, большинство сотрудников бежало, но Андрей остался и занял должность редактора. Его газета публиковала информацию о состоянии канализации, дорожных работах и школах — ничего, связанного с политикой, — и он никогда не отклонялся от привычных тем. Это и спасло его, когда украинская армия вновь овладела городом. Он был арестован солдатами проукраинского добровольческого батальона в Днепропетровске. Они избили его и продержали три дня с мешком на голове, но затем выпустили.

Именно стихи Андрея, а не журналистские работы приносят ему неприятности в отношениях с патриотическими активистами.

«В поэзии я могу быть собой. Глава ДНР любит мои стихи и сам выкладывает встречные экспромты в фейсбуке».

Через ухоженный парк Краматорска и вдоль величественного проспекта в стиле советского неоклассицизма мы направляемся в сторону кафе с wi-fi, чтобы найти в интернете стихи Андрея. Вдали из-за холмов Донбасса сияет солнце.

На местных поэтических порталах можно найти десятки страниц со стихами Андрея. Мы пролистываем несколько страниц с его самыми свежими творениями. Они начинаются с сатирических строчек о Майдане в духе советских детских стихов:

Станут жить здесь и устроят...
Настоящий, жаркий ад.

А тебя мои герои
В содомита превратят

«Я был против Майдана, – говорит мне Андрей. – Я сразу почувствовал, что он приведет к войне. Иногда я способен предвидеть будущее». Он вырос вместе с молодыми людьми, которые присоединились к пророссийским формированиям в Краматорске. Его стихи передают ту хаотичность и беспечность, с которой они взялись за оружие. «Они были мелкими наркодилерами и бандитами, детьми полицейских и чиновников. Как я мог ненавидеть их? Никто не слышит Донбасс».

«Никто не слышит Донбасс». Я часто слышал на востоке страны эту фразу, суть которой в том, что политики в Киеве не понимают местных нужд.

По мере развития конфликта стихи Андрея становятся все более мрачными:

Раньше быть я хотел музыкантом, артистом,
А сегодня проснулся вдруг сепаратистом.
Если речь мне дана, ей не быть Посполитой!
Я живу на Руси! Русь еще не убита.
Он писал и о «...запоздалой пуле для Яценюка» (15).

Значительная часть стихов Андрея обращена к советским темам и песням. Он часто вспоминает о своей поездке в Литву с классом в 1991 году. Андрей

своими глазами видел, как толпа пытается сбросить статую Ленина. Весь долгий обратный путь в поезде он писал свое первое стихотворение, в котором сравнивал Советский Союз со старым поездом, о стране, падающей в пропасть гражданской войны.

«Статуи Ленина падали тогда и падают теперь, — вздыхает Андрей. — Но уже в те годы у меня были плохие предчувствия в отношении будущего».

Когда мы с ним встретились в Краматорске, киевское правительство как раз приняло ряд законов, запретивших советские названия улиц и соответствующую символику. Статую Ленина, стоявшую на центральной площади Краматорска, снесли, а на пустом постаменте закрепили украинский флаг. Официальные лица утверждали, что изменение названий улиц и снос статуй — это необходимые меры в информационной войне с Кремлем, который подсадил аудиторию на постоянную диету из советских фильмов и кампаний в соцсетях, представлявших настоящее время бесконечной Второй мировой войной против неизменно возрождающихся фашистов. Но эти же законы играли на руку Кремлю, переводя фокус внимания Майдана с поисков лучшего будущего на борьбу с прошлым, что могло привести лишь к дальнейшему разобщению.

«Здесь все создано коммунистами. Каждый, кто смог здесь чего-то достичь, был членом партии — почему мы должны их забывать? — жаловался Андрей. — Есть много людей, которые не могут открыто говорить, что думают. Им приходится жить в Сети, и для них важно не быть одинокими. А я могу высказать то, что они чувствуют».

Принимая язык Кремля и повторяя его, участники украинских информационных войн рисковали увлечься игрой, навязанной Москвой.

Каждый должен был определиться, на какой стороне информационного конфликта находится: либо он предатель, либо патриот. И именно такое ощущение разобщенности было нужно Кремлю для стимулирования реальной войны. Как можно было удержать общество от раскола?

Я начал лучше понимать Одессу — город, где был арестован мой отец и произошел один из самых страшных эпизодов нелинейной, гибридной и неоднозначной войны нового поколения.

—

Когда Игорь был арестован в Одессе в 1976 году, все средства массовой информации в городе подвергались строгой цензуре. В наши дни Одесса может похвастаться аж четырнадцатью местными телеканалами, не говоря уже о десятках украинских и сотнях международных каналов, доступных в большинстве бесплатных эфирных пакетов. В сети можно найти десятки местных новостных сайтов и огромное количество групп в социальных сетях.

Одесса всегда была портовым городом, где жили евреи, греки, русские, румыны, украинцы и болгары. Сегодня порт — один из основных международных путей, по которому в Европу поступают товары (легальные и нелегальные). Многие из этих товаров продаются и покупаются на «Седьмом километре» — самом большом, по словам местных жителей, рынке под открытым небом: несколько квадратных километров грузовых контейнеров, расставленных в несколько этажей и образующих причудливый лабиринт. Каждый из контейнеров — это магазин, где

нигерийцы торгуют поддельными стереосистемами и фальшивыми вещами Nike и Gucci, вьетнамцы обменивают валюту, а индийцы продают шелк и муслин. Говорят, что здесь можно купить и оружие, если знать, кого и как спрашивать… Причем не только пистолеты, но и ракеты «земля-воздух».

Именно этот тонкий этнический баланс попытался нарушить Кремль, что чуть не привело к гражданской войне. В мае 2014 года, в то самое время, когда кремлевские силы захватывали город за городом на Донбассе, проукраинские силы вступили в схватку с пророссийскими, укрывшимися в одесском Дворце профсоюзов. В какой-то момент возник пожар. Огонь еще не угас, и не всех погибших еще успели найти и пересчитать, а через СМИ уже поползли слухи и откровенная ложь. Первые видео происходившего, появившиеся на ютубе, были расплывчатыми и ужасающими. Сотни пророссийских активистов спрятались в здании. Сторонники Украины бросали в них «коктейли Молотова» и стреляли. Начался пожар. Люди стали выпрыгивать из окон — причем так быстро, что казалось, будто их выталкивают на верную смерть. Некоторые украинцы ликовали (16).

На первых же фотографиях, сделанных внутри здания, были видны десятки мертвых тел в неестественных позах. В том числе труп беременной женщины. В сети быстро появилось интервью, участники которого утверждали, что в здании прятались эскадроны смерти «Правого сектора». Неназванные свидетели заявляли, что «Правый сектор» был готов к такому повороту событий, его участники были в противогазах и казнили людей на месте. По официальным данным, количество жертв составило около 40, но ходили слухи, что их были сотни.

Инцидент вышел на международный уровень. Прокремлевские активисты в Бельгии и Италии выступали за переименование европейских площадей в память «одесских мучеников».

После пожара жители Одессы, славившиеся непрерывной болтовней и чувством юмора, перестали разговаривать друг с другом. Никто никому не верил. Слухи заставили город ополчиться сам на себя. Соцопросы показывали примерное равенство голосов между теми, кто хотел, чтобы город вошел в состав России, и теми, кто хотел, чтобы он остался частью Украины. Пророссийские блогеры начали просить Путина спасти город от хаоса и ввести войска. Позже были обнародованы записи телефонных переговоров российских политиков с главарями одесских банд, в ходе которых первые приказывали вторым, когда именно начинать очередные беспорядки.

Группа одесситов (представителей пророссийских и украинских сил) решила взять дело в свои руки и начать общественное расследование. Эти люди чувствовали, что город не сможет снова стать единым целым, если его жители не узнают, что на самом деле случилось в огне. Было ясно, что результатов официального расследования ждать не стоит: слишком многим городским чиновникам пришлось бы признать свою вину в гибели людей.

Гражданскому расследованию удалось воссоздать события того дня на основе видеоматериалов, многочисленных свидетельских показаний, данных о вскрытии трупов и фотографий. Беспорядки начались гораздо раньше, чем случилась трагедия. Оказалось, что обе стороны стреляли и бросали «коктейли Молотова» друг в друга; баррикады вокруг здания загорелись случайно; результаты вскрытия подтвердили, что все 34

человека погибли от удушья, а не в результате какой-либо таинственной казни. «Беременной» женщине было на самом деле больше 50 лет. Она умерла от ядовитого дыма, упав на спину в такой позе, что ее живот казался вздутым. Восемь человек, разбившихся при падении, просто потеряли сознание перед тем, как выпасть, — никого из них не выталкивали.

Общественному расследованию удалось установить истину случившегося во время пожара, но, когда результаты были представлены публике, они особенно никого не заинтересовали. «Здесь нет единства, — рассказывала мне Татьяна Герасимова, одна из инициаторов расследования, когда мы с ней сидели в кафе рядом с оперным театром. — Каждый живет в своей собственной реальности, у каждого своя правда, люди не хотят примирения. Мы провели расследование, чтобы показать, что между правдой и ложью есть большая разница. Но этого нам сделать не удалось».

Нечто подобное я слышал от студентов университета, где читал лекцию на тему информационной войны. Друзья и родственники студентов предпочитали версию пожара, которая соответствовала их картине мира. При обсуждении случившегося в социальных сетях люди с проукраинскими взглядами видели это в одном ключе, а с пророссийскими взглядами — в другом. Сталкиваясь с конфликтующими версиями реальности, люди выбирали ту, которая больше их устраивала.

Несмотря на этот раскол единой реальности, Одессе удалось избежать гражданской войны. Я приехал туда в разгар лета и провел в городе неделю. Бары и клубы были переполнены. Билеты в оперу давно распроданы. «После того как город посмотрел смерти в лицо, ему нужно снова почувствовать себя живым», — сказала Герасимова.

Но это произошло вовсе не спонтанно. Гражданское расследование попыталось объединить город по-своему, другие одесситы выбрали иной путь. Зоя Казанжи отвечала за управление правительственными информационными компаниями, когда угроза гражданской войны была почти неминуемой. Она чувствовала, что знает о своем родном городе то, чего не знает Путин. Да, Одесса была раздробленной, как и любой глобализованный город, но у разных групп ее жителей где-то в глубине было немало общего. За исключением немногих фанатиков, большинство людей воспринимало Одессу как богатый открытый торговый порт, город рынков и коммерсантов. Они были готовы поддержать любую силу, которая гарантировала бы им безопасность, будь то русские или украинцы, ЕС или НАТО. Потому, вместо того чтобы играть на межэтническом напряжении (чего, возможно, хотел Кремль), вместо того чтобы и дальше делить город между «патриотами» и «предателями», Казанжи и ее коллеги решили говорить о том, что могло бы объединить всех. Они развесили по всей Одессе плакаты с изображениями развалин соседнего Донбасса, где сепаратизм привел к разрушительной войне. Несмотря на все разногласия, никто в Одессе не хотел такого будущего. Никто не хотел физических разрушений. Самый мощный маневр в информационной войне состоял в том, чтобы отбросить саму идею такой «войны» и показать, к чему приводит настоящее военное противостояние.

Однако, оказавшись в зоне боевого конфликта, я понял, что, несмотря на всю реальность стрельбы и бомбежек, любое действие, в том числе военное, предпринималось с учетом того, как оно повлияет на информационное противостояние...

Как сражаться на войне, которой, возможно, нет

Дзержинск — шахтерский городок на самой границе территории под контролем украинских сил. Позиции сепаратистов располагаются всего в паре километров. Я приехал туда во время летней грозы, и звуки грома были почти неотличимы от выстрелов тяжелой артиллерии. За несколько дней до этого снаряд упал в местное озеро. Хотя жители Дзержинска собрали и съели почти всю рыбу, несколько тушек лежало на дорожках или плавало брюхом вверх на поверхности воды в озере. Пахло сильно.

Я путешествовал с небольшой группой киевских журналистов интернет-телеканала — одного из немногих украинских СМИ, еще не оказавшихся в кармане какого-нибудь олигарха. Проезжая через город, мы видели воронки размером с гроб, пустые фабрики с разрушенными стенами, мальчика, ведущего свою пьяную мать домой по переулку, местных мужиков со струпьями на лицах. Я остановился, чтобы сфотографировать бетонное углехранилище с огромными дырами в стенах. Я предположил, что это следы обстрела, но оказалось, что стены были разрушены местными жителями в поисках металлолома задолго до войны.

Дзержинск назван в честь Феликса Дзержинского, создателя советского ЧК. Когда я спросил местную девочку-подростка, знает ли она, кто это, она сказала, что, мол, слышала о нем в школе, но точно не помнит. Типичный случай: за несколько недель до этого по одному из телеканалов прошел юмористический репортаж о том, что молодежь в Дзержинске понятия не имеет, в честь кого назван их город. Позже в том же году он был

переименован в Торецк в соответствии с законом о запрете советских названий. Особых протестов это не вызвало.

Шахты казались темными даже по сравнению с грозовым небом. Часть из них была законсервирована, другие, пусть и запущенные, продолжали работать.

Местная администрация смогла пережить все революции. В апреле 2014 года она приветствовала сепаратистов с распростертыми объятиями. Две газеты, находившиеся под ее контролем, поддержали Донецкую Народную Республику. Через несколько месяцев при взятии города украинская армия обстреляла здание администрации, и та быстро заключила с военными сделку. Но, хотя город официально и находится на украинской территории, посмотреть украинское телевидение здесь не получится, если только вы не подписаны на кабельные каналы. А вот телеканалы из России и ДНР доступны практически повсюду. Фактически Дзержинск остается под информационным суверенитетом Кремля.

Проукраинские активисты нервничали. Среди них был Олег, пожилой мужчина с седыми усами и в кепке. Он был одним из тех шахтеров, которые способствовали крушению Советского Союза во время масштабной забастовки 1989 года, блокируя дороги машинами, чтобы остановить кремлевские танки. Другим активистом был Володя — молодой человек с большими руками и челкой, как у участника бойз-бэнда. Он тоже был шахтером, но успел несколько лет поработать в Швеции и знал, что такое другая жизнь.

Оба были уверены, что администрация хочет выгнать из города активистов с их назойливыми антикоррупционными маршами. Они

боялись, что Киев готов бросить их на произвол судьбы.

«Если про нас не будут говорить по телеку, никто и не заметит, если сепаратисты захватят город, — сказал Володя. — Нас будто стирают ластиком».

В его грузовике лежала пачка листовок со следующим текстом:

От 7 до 12 лет заключения за бытовой сепаратизм: позвоните по этому номеру, если вы столкнулись с проявлением бытового сепаратизма!

Как распознать бытового сепаратиста?

— призывает к введению российских войск;

— оскверняет ценности украинского народа;

— распространяет ложь;

— сеет упаднические настроения.

Я спросил Володю, где он раздобыл эти листовки. Он с нескрываемой гордостью сообщил мне, что напечатал их сам. Тогда я поинтересовался, уверен ли он, что оно того стоит.

— Да ладно, здесь указан фальшивый номер. Это просто чтобы народ запугать. Мы тут в изоляции, нужно делать хоть что-нибудь.

Мы приехали в квартал домов советской застройки, возвышающийся над несколькими деревянными избами; некоторые из них были разрушены взрывами. База украинской армии располагалась в пятистах метрах, и эта зона часто подвергалась обстрелам. Олег показал нам следы от шрапнели на металлической двери одной из квартир. На скамейке рядом со входом сидело несколько женщин. Они возмущались, что украинцы разместили свою базу так близко. Когда город был частью ДНР, в нем царила тишина, а

украинская армия принесла с собой войну. Одна женщина рассказала, что снаряд насквозь прошил ее балкон.

Олег явно разозлился.

— Наш мэр — сепаратист. Вот почему сюда пришла армия. Его место в тюрьме.

— Всю свою жизнь я работала за копейки, и что я получила в награду? — сказала проходившая мимо женщина в платье в подсолнухах. — Бомбы!

— Снаряды прилетели оттуда — с украинских позиций! Это стреляли не из ДНР! — закричала одна из женщин. Затем она показала мне воронку в земле. Туда провалилось дерево. — Смотри! Снаряд явно прилетел с украинской стороны.

Но я не видел ничего явного. Мне казалось, что вряд ли украинцы стреляли бы из орудий по своим, которые были в пятистах метрах. Но объективность здесь никого не интересовала. Журналисты, знавшие регион, предупреждали меня: люди готовы трактовать любые факты в пользу той картины мира, которую они видят по телевизору, даже если это противоречит всякой логике.

— Украинцы бомбят друг друга! — сказал кто-то. — «Правый сектор» хочет захватить Киев, и они сцепились между собой!

— Это все американцы. Они пришли, чтобы отобрать у нас газ. Я слышала, что в местных больницах лежат раненые американские солдаты.

Олег раздражался все сильнее и вдруг стал кричать на женщин, называя их предательницами. Они принялись кричать в ответ. Он снял рубашку и показал след от пулевого ранения: по его словам, в него стреляли русские, когда он вез продукты на линию фронта. Он сказал, что Путин пришел в

Украину, потому что боится распада России. На это женщина сказала, что Путин ничего не боится.

Олег отошел к машине, вернулся с листовками и начал их раздавать.

— Ха! Думаешь, мы испугаемся каких-то бумажек? — Женщина рассмеялась и бросила листовку в урну.

Затем они повернулись к нам с оператором и принялись кричать на нас:

— Вы все равно переиначите наши слова. Почему мы должны вам верить? Никто не хочет слушать Донбасс!

И снова эта фраза, которая повторяется, как мантра: «Никто не слышит Донбасс». Она напоминала мне религиозный плач или псалом об утраченном Господе; молитву на Йом-Кипур, умоляющую Создателя услышать людей.

«О Господь, ответивший Аврааму, Иакову и Исааку, о Господь, ответивший нам на Синае, услышь, услышь, услышь Донбасс!»

—

Я проснулся в бильярдной. На улице еще было темно, и я чуть не налетел на солдат, которые спали на диванах вповалку, прямо в одежде. Один из них, видимо, настолько устал, что не заметил, как заснул чуть ли не кверху ногами. Рассветное солнце лишь начинало освещать розовый сад и теннисный корт. Розы уже увяли, а на корте не было сетки. Я услышал ритмичный плеск: какой-то солдат плавал брассом в открытом бассейне. Стремительно светлело, и вот уже солнце освещало летние домики и гаражи, заборы с колючей проволокой, далекие холмы и темно-зеленые,

почти черные сосновые леса Луганщины. Мы находились к северо-востоку от Дзержинска, на границе территории, удерживаемой Украиной, совсем рядом с Луганской Народной Республикой.

Наш лагерь был разбит на участке с домом, принадлежавшем местному мини-олигарху, бывшему главному судье на территории, ныне удерживаемой «сепаратистами». Теперь он залег на дно в Киеве, ожидая, какая из сторон возьмет верх. На стене бильярдной висел гиперреалистичный портрет его жены — пухлой улыбающейся блондинки, лежащей на летнем поле с венком из красных маков на голове.

В домике рядом с бассейном офицер готовил на завтрак рубленую капусту и фрикадельки из говяжьей солонины. Из телевизора лился поток военной пропаганды. Президент Украины в камуфляжной форме инспектировал отлично оснащенные подразделения. Эти кадры перемежались замедленными видеоврезками, на которых жены махали на прощание солдатам, уходившим на войну, или встречали их со слезами радости. Подобные пропагандистские методы использовались для поддержания национального духа и укрепления патриотизма во многих странах на протяжении всего XX века.

Однако на этот раз происходило нечто странное: несмотря на все военные атрибуты, никто не называл происходящее «войной». Президент в телевизоре говорил об «антитеррористической операции» (АТО). «Что это вообще за хрень — АТО?» — ругался офицер, рубивший капусту. Кремль хитроумным образом развязал войну без официального объявления и тем самым лишил противника возможности называть врага открыто.

Позже солдаты повезли нас на передовую. Они ехали туда кто на чем. Я сидел на заднем сиденье небольшого внедорожника «Ниссан». Мне посоветовали не высовываться из окна, чтобы не стать мишенью сепаратистских снайперов. Дверное стекло пострадало в одной из предыдущих перестрелок и было склеено скотчем. Через него не было видно ровным счетом ничего.

Мы остановились на краю откоса, напротив позиций сепаратистов на другом берегу реки. Их можно было увидеть невооруженным глазом. «Если они начнут стрелять, выпрыгивайте из машин, — сказал командир с позывным Комбриг. — Они будут целиться в транспорт».

Комбриг приказал тяжелой артиллерии рассредоточиться по берегу, чтобы продемонстрировать врагу силу. Затем он рассчитал, сколько времени потребовалось сепаратистам на то, чтобы занять свои боевые позиции. Тем самым он вынудил их показать, где прячутся в укрытиях солдаты. Ходили слухи, что на тот берег недавно прибыли новые российские подразделения.

Оттуда мы поехали в деревню Лобачево — кучку беспорядочно сгруппированных одноэтажных деревянных домов. На дороге стояла корова и глазела на ближайший дом. Трое стариков в запыленных майках и шлепанцах курили и выпивали, сидя на бревнах. У одного из них, дяди Коли, не было зубов. По его словам, сепаратисты выбили их после того, как он отказался петь гимн Луганской Народной Республики. Солдаты заподозрили, что он придумал эту историю специально для них, а стоит им повернуться к нему спиной, он тут же начнет проклинать Украину. «Мы потратили кучу времени, чтобы завоевать их доверие, — сказал Комбриг. —

Поначалу они считали, что мы — нелюди из „Правого сектора", о которых им напела российская пропагандистская машина».

На том берегу, вдоль старой паромной станции, прогуливались «сепаратисты» с автоматами наперевес. Сам паром был взорван в ходе боев. Семьи, жившие на разных берегах реки, оказались разделенными. Школа была на одном берегу, а магазины — на другом. Местные женщины преодолевали реку на крошечной моторке. Они жаловались, что, если везут с собой больше одного мешка с картошкой, их могут обвинить в контрабанде. Им не было дела ни до Украины, ни до России, ни до ЛНР. Они беспокоились только о своей деревне и своей картошке.

Мы выехали из Лобачево и понеслись мимо заброшенных церквей и взорванных мостов, упавших в зеленую реку, мимо женщин, пасших коз. Было очевидно, что из этой земли вряд ли можно извлечь какую-то выгоду. За 20 лет независимости Киев ничего не сделал для ее развития, но и Кремлю она особенно не была нужна. На самом же деле обе стороны были готовы потерять Луганщину. Кремль хотел вернуть ее Украине, сохраняя при этом тайный политический контроль; Киев шумел насчет «единства», но многие люди, от военной верхушки до ученых, полагали, что лучшим исходом было бы заморозить конфликт и заставить Кремль кормить и содержать эту территорию.

Раньше войны развязывали, чтобы захватить территорию и установить на ней свой флаг; но теперь шла совсем иная игра. Москве было нужно создать легенду о том, что продемократические революции типа Майдана ведут к хаосу и гражданской войне. Киеву же было необходимо показать, что сепаратизм ведет к страданиям. Реальное положение вещей почти

никого не волновало; обоим правительствам нужны были лишь аргументы для подкрепления своих версий. Пропаганда всегда сопровождала войну, но прежде играла в ней лишь вспомогательную роль. Однако в информационную эпоху уравнение перевернулось: теперь военные операции состоят на службе у куда более важного информационного эффекта. И все это было бы похоже на тщательно прописанный сценарий реалити-шоу — если бы не самые настоящие человеческие жертвы. Через несколько месяцев после моего посещения, 3 ноября 2015 года, Харьковская 92-я бригада попала под обстрел рядом с Лобачево. Комбриг был ранен, но выжил.

Наши автомобили остановились у излучины реки. Солдаты скидывали униформу, хватались за «тарзанку», свисавшую с дерева на берегу, а затем с криками раскачивались и прыгали в воду. Кто-то пытался исполнять в прыжке сальто, а другие просто плюхались животом вниз. Это был ежедневный ритуал, помогавший им расслабиться после патрулирования территории.

Комбриг был в реке, когда у него зазвонил телефон. Чрезвычайная ситуация — начался обстрел нейтральной территории. Накануне 92-я бригада согласилась на прекращение огня, чтобы в боевую зону могли зайти электрики и починить несколько кабелей. А теперь «сепаратисты» принялись стрелять поверх их голов. Если бы 92-я начала стрелять в ответ, то враг мог сказать, что она стреляет по гражданским лицам. «Что бы ни происходило, не реагируйте, — скомандовал Комбриг, торопливо натягивая форму на мокрые трусы. — Все это провокация на камеру».

Вечером мы пили самопальный коньяк из пластиковой бутылки и смотрели на звезды, огромные, как виноградины. Мы слушали выстрелы и наблюдали за траекторией снарядов, летевших в небе. Мы искали знаки нашей военной судьбы, как в средневековье люди смотрели на кометы в поисках смысла. Некоторые звезды двигались то в одном, то в другом направлении — это были шпионившие за нами дроны. Я чувствовал, будто нахожусь внутри интернет-иконки: информационная война почти лишила меня ощущения масштаба. Активисты, сидевшие за ноутбуками, казались огромными как министерства, а мифологические злодеи из твиттера — не менее реальными, чем танки. Границы между Россией и Украиной, между прошлым и настоящим, между солдатом и гражданским, слухами и фактами, субъектом и аудиторией исчезли. Прежнее рациональное, упорядоченное ощущение перспективы внезапно уступило место магическому и мистическому мышлению, в котором реальность была непостижимой и казалась результатом какого-то божественного заговора. Небесные сферы и ангелы сменились бесконечно отражающими друг друга историями в СМИ, в которых информация перестала быть лишь фиксацией действия, а стала его смыслом. Нас опутали записи, без конца вращающиеся и искажающиеся в информационном раю.

В небе над нами завис дрон.

«Улыбнись, — сказал Комбриг. — Он тебя снимает».

Первый в моей жизни фактчек случился, когда я был в первом классе. Я попал в Лондон в трехлетнем возрасте. Когда я пошел в школу, единственным способом общения для меня стал футбол, единственным способом постижения языка — просмотр матчей по телевизору, а футбольные комментаторы, объяснявшие, что происходит, — способом выучить новую лексику. Я научился читать на английском благодаря футбольным журналам для детей.

В возрасте от четырех до семи лет я говорил на каком-то недоанглийском. Я приблизительно понимал окружающих и мог лишь условно с ними общаться. В основном я был занят своим воображением. Я выдумывал матчи и комментировал их на своем ущербном английском. Составлял команды. Описывал в комментариях биографии игроков и их настроения. Игроки взрослели, и у них возникали проблемы. Они переходили из команды в команду и становились сильнее. Я придумывал целые лиги. У меня были специальные карточки, на которых я записывал составы команд и счет матчей между ними. Я составлял национальные сборные. Я тратил карманные деньги на кубки из спортивного магазина по соседству, чтобы вручать их моим вымышленным командам. Я и сам был игроком в этом выдуманном мире и после ряда успехов и провалов получил место в составе сборной Англии. Но «играл» я довольно редко, в основном в замене; я предпочитал комментировать игру других.

Как-то в школе я ляпнул, что собираюсь в Монтевидео, чтобы участвовать в турнире (незадолго до этого я впервые нашел Уругвай на карте). Учительница, миссис Стерн, позвонила моим родителям и спросила, нужно ли мне отпроситься из школы для поездки в Уругвай. Родители сказали

ей, что никакой поездки не планируется. На следующий день она попросила меня остаться после уроков. До этого мне никогда не приходилось оставаться после уроков, и я понял: что-то случилось. «Получается, все, что ты рассказывал нам о поездке в Уругвай и о своих занятиях футболом, — выдумка», — сказала миссис Стерн. По ее тону я догадался, что сделал что-то плохое, но проблема была в том, что я не знал значения слова «выдумка». Вернувшись домой, я нашел его в словаре. Но это было несправедливо! Я никогда не считал свой вымышленный мир ложью — это была параллельная реальность, которая нередко просачивалась в привычную.

Мне исполнилось семь лет, шел 1984 год, и мой английский заметно улучшился. Я натренировал его в ходе словесных матчей в своей вымышленной футбольной вселенной. Благодаря слову «выдумка» все наконец встало на свои места: теперь у меня было два слова для обозначения одного и того же понятия («ложь» и «выдумка»), и я чувствовал, что преодолел некую границу в знании английского. Шок от того, что люди считают меня лгуном, заставил меня покинуть воображаемый мир. Конечно, это был не лучший способ адаптации.

В начале 1980-х годов Лина преподавала русский язык в Лондонском университете. И там все было непросто. Некоторые преподаватели говорили ей: «Разумеется, вы были в оппозиции к советскому режиму. Вы же были диссидентами, так что не можете быть объективны».

«Да нет же! — пыталась объяснить она. — Мы стали диссидентами как раз из-за объективной природы режима...» Такой ответ их озадачивал. Они не спорили, но сильно сомневались в ее беспристрастности.

Игорь же работал на BBC — одном из тех иностранных «голосов», которые он тайно слушал в Украине. Во время школьных каникул он брал меня с собой на «остров» в середине Стрэнда, известный как Буш-Хаус, родной дом Всемирной службы. В 1929 году, будучи построенным лишь наполовину, Буш-Хаус уже считался самым дорогостоящим зданием в мире: коринфские колонны при входе, увенчанные двухметровыми статуями, образовывали глубокий портик, а мощные железные двери были достойны огромного собора.

Для ребенка это был настоящий остров сокровищ. Как только отец оставался взаперти стеклянного аквариума студии звукозаписи, я мог бродить по всем этажам. Я спускался по широким лестницам, а вокруг меня носились люди всех возможных оттенков кожи и национальностей. Все они говорили и даже кричали по-английски, но с разными акцентами. Они печатали на машинках, курили и бегали между постоянно хлопающими дверьми, сообщая горячие новости. Разные части здания представляли разные страны или даже континенты. Переходя с этажа на этаж, я путешествовал из Греции на Ближний Восток, затем поднимался на лифте в Польшу. Иногда я терялся в Латинской Америке или застревал в Африке, не менялся только мрачный лондонский вечер за окном. Казалось, что чуть ли не каждый журналист — это великий поэт в изгнании или потенциальный министр. Когда отец был слишком занят, я играл в футбол в широких, украшенных мрамором и освещенных пурпурным цветом коридорах вместе с Эгоном [2] из Чешской службы. Позднее он стал вице-премьером, но в то время он стоял на воротах, а семилетний я пробивал ему один пенальти за другим.

Больше всего Игорь любил работать в ночную смену. После девяти часов вечера, когда офис пустел, он спускался в бар для сотрудников BBC, одно из

немногих мест в Лондоне, где можно было купить алкоголь после одиннадцати вечера. Он покупал там бутылку Black Prince Bordeaux, открывал ее, клал в полиэтиленовый пакет вместе с ростбифом из столовой, возвращался в офис, наливал себе бокал и размышлял о своей новой работе.

«В этом здании будто особый газ, – любил говорить Барри Холланд, главный редактор русской службы, бывший военный переводчик и начальник Игоря в 1980 году, когда он только начал там работать. – Невидимый, но очень активный. Это особая атмосфера или, если хотите, этос сбалансированной точки зрения». Именно этот «газ» заставлял политизированных коллег Игоря буквально лезть на стенку из-за того, сколько эфирного времени Всемирная служба выделяла для представителей диктаторских режимов. «Если бы вам представился шанс взять интервью у Христа, то вы бы дали столько же времени и дьяволу», – упрекнул Холланда один из коллег Игоря. «Разумеется, – ответил Холланд, – но я бы сделал так, чтобы за Христом осталось последнее слово».

Этот «газ» был средством завоевания доверия. Великобритания хотела закрепить за собой имидж надежной страны за счет репутации BBC, основанной на тройственном принципе: «точность, беспристрастность и честность», и пропагандировать то, что основатель Службы лорд Рейт называл «британскими ценностями»: «благоразумие, демократию и дискуссии». Предполагалось, что в результате Британией будут восхищаться по всему миру. В отличие от остальных подразделений BBC, Всемирная служба финансировалась за счет гранта министерства иностранных дел ее величества. Она существовала, чтобы «служить национальным интересам»

(что, как настаивал каждый редактор, вовсе не было синонимом «интересов правительства»).

Первым заданием Игоря после приезда стал перевод рассказов классических английских писателей о том, как в Англии празднуется Рождество. Возможно, это соответствовало «национальным интересам», так как позволяло выстраивать контакты с советской аудиторией. Но почему, думал Игорь, в то время, когда в Советском Союзе правит бал цензура, они транслируют то, что и так знает каждый советский школьник? Он был не одинок в своем разочаровании. В начале 1980-х возникло новое поколение редакторов, устроивших на Службе собственную маленькую культурную революцию.

Игорь начал читать в своих программах книги и пьесы, неизвестные в Советском Союзе: любовные письма Джеймса Джойса, полные сексуальных намеков, немыслимых в радиотрансляциях поздней советской эпохи; «Последнюю ленту Крэппа» Сэмюэла Беккета (пьесу о человеке, которые маниакально себя записывает, а затем многократно слушает и комментирует свои собственные записи); «Аудиенцию» Вацлава Гавела (о диссиденте, которого убеждают шпионить за самим собой; Гавел слушал, как Игорь читал его пьесу по радио, отбывая тюремный срок в Чехословакии. В 1978 году он призвал людей не копировать официальный язык и ритуалы: именно постоянное повторение того, во что ты не веришь, разрушает личность. Вскоре после этого его посадили в тюрьму за «подрывную деятельность»).

Поначалу Игорь смотрел на радио с высот литературы. Теперь же он полностью втянулся в этот мир.

«Для большинства слушателей радио — это источник информации, — позже писал он. — Но какой информации? И тогда чем оно отличается от газеты или телеэкрана?»

Игорь создавал свои программы при помощи катушечных магнитофонов, на которых крутились магнитные ленты с записанными голосами. Редактирование такой ленты было мастерством: подобно стеклодуву, работающему с раскаленным стеклянным шаром, он лепил нужный ему звук.

«Я думаю, что истинный... смысл радио заключен в магии голоса, магии звука. И в этом смысле поэзия и радио живут в одной стихии — воздушной. Свободной».

Россия и Украина были физически отрезаны от остального мира; книги подвергались цензуре. Редкие телефонные звонки Игоря и Лины домой необходимо было заказывать через диспетчера за несколько часов, а спецслужбы внимательно слушали каждое слово. Но барьеры рушились, когда Игорь входил на студию BBC; ему казалось, что он летит сквозь цензуру:

«Герметически закупоренные стены радиостудий, пульты, отсутствие окон роднят радио с космическим кораблем. И только твой голос способен разомкнуть это замкнутое пространство. Я уверен, что многие слушатели, сидя у радио, совершают кругосветное, нет, космическое путешествие. Я сам маньяк путешествий: с волны на волну, с волны на волну».

Представителям поколения недавних советских эмигрантов казалось, что они знают, что именно нужно их аудитории. Зиновий Зиник делал программы о панках лондонского Ист-Сайда для советских слушателей, чьи представления о Лондоне застряли на литературе эдвардианской эпохи. Сева Новгородцев рассказывал о рок-группах, играющих хеви-метал, запрещенный в

СССР, издеваясь над официальным советским языком: «Наши металлурги производят для народа множество видов металла: от грациозной искрометной бронзы до потрясающих чугунных чушек...»

Шоу Севы стало настоящим хитом. Всемирная служба получила невиданное количество писем от его фанатов из СССР, это был один из немногих способов для BBC замерить свою популярность за железным занавесом. Ведь, чтобы высказать свое восхищение, слушатели были готовы рискнуть тем, что их письма будут перехвачены КГБ. Советские газеты публиковали разгромные статьи о том, как Сева совращает советскую молодежь. Была созвана панель менеджеров BBC, чтобы оценить, достаточно ли Сева «беспристрастен». Весь игривый юмор терялся при переводе его текстов, и они начинали напоминать резкие антисоветские тирады. Большим боссам Всемирной службы это совсем не нравилось. Новый глава русской службы, сам тоже «реформатор», сказал, что обязательно что-то предпримет, а затем тихо позволил Севе и дальше заниматься своей хеви-металлической сатирой.

Возникшая в BBC комбинация «баланса» и абсурдистского театра, хеви-метала и «точности» конкурировала с советской системой вещания, которой совсем скоро предстояло испытать первые потрясения.

В углу отдела новостей BBC стоял телефакс, который каждые несколько часов пищал и выплевывал свежие сводки из пригородного дома неподалеку от Рэдинга. Там располагалась служба мониторинга BBC, где 80 профессиональных лингвистов слушали поток новостей советских СМИ на 42 языках, который транслировался так же плотно, как новости BBC. Обычный стиль «Радио Москва» был настолько официозным, что по сравнению с ним

BBC звучало совершенно неформально. Советское радио выдавало тонны статистики с пленумов коммунистической партии об «успехах» Советской Экономики, о Безостановочном Марше Социализма по всему миру; дикторы говорили о неминуемом Объективном Научном Прогрессе Истории… Даже во время «активных мероприятий» (в терминологии КГБ) — кампаний по дезинформации, утверждавших, к примеру, что США изобрели СПИД в качестве оружия, — риторика отличалась типично советской серьезностью. Псевдоученые приводили псевдосвидетельства для придания дезинформации правдоподобия.

В 1983 году служба мониторинга BBC заметила нечто совершенно удивительное: диктор британской службы «Радио Москва» начал называть советских солдат, вторгшихся в Афганистан, «оккупантами» вместо официально принятого «ограниченного контингента» или «воинов-интернационалистов», помогающих «братскому народу Афганистана» [17]*. Прежде ничем не примечательный диктор по имени Владимир Данчев совершил невообразимый поступок. Его моментально уволили с «Радио Москва» и отправили в психиатрическую лечебницу в Узбекистан. После падения Советского Союза он признался в том, что первый раз произнес слово «оккупанты» по оговорке, но, начав, уже не мог остановиться, пока не высказал все, что думал.*

Личное «радиовосстание» Данчева стало первым ударом по советскому фундаменту псевдофактов. Но скоро советские слушатели стали слушать BBC, просто чтобы выжить.

Подобно транзисторному радио, счетчик Гейгера настроен на то, чтобы улавливать невидимые сигналы, пульсирующие в атмосфере. Он измеряет

радиоактивное излучение — гамма-лучи и частицы, — и, когда их количество повышается, счетчик Гейгера начинает громко щелкать. 26 апреля 1986 года счетчики скандинавских ученых, как профессионалов, так и любителей, начали истерически верещать: огромное облако радиации начало надвигаться на Европу со стороны Украины. Советские СМИ дали краткое сообщение о незначительной аварии на ядерном реакторе в Чернобыле, расположенном недалеко от Киева. А затем — тишина.

В Москве и Киеве, как обычно, прошли парады на День Победы — с колоннами солдат и боеголовок, символизировавших советскую мощь. Но пока советские СМИ молчали, BBC и другие западные «голоса» тут же начали сообщать об уровнях радиации. Киев быстро наполнился слухами о том, что коммунистическая верхушка эвакуирует своих детей из города. Говорили, что один пилот, которому приказали улететь из города на самолете, набитом номенклатурными отпрысками, посадил борт обратно, возмутившись такой несправедливостью.

В отсутствие официальной информации по защите от радиации по городу, как чума, начали разлетаться псевдомедицинские советы. «Пейте побольше сладкого красного вина», — говорили одни. Все бросились напиваться. Но тут разнесся новый слух: «Сладкое красное вино усугубляет действие радиации!»

Все это время BBC регулярно выпускало в свет бюллетени о величайшей радиационной катастрофе в истории. Ученые комментировали распространение радиационного облака, а медэксперты давали советы, как уберечься от радиационного заражения. Многие стали слушать передачи ради того, чтобы выжить и сохранить здравомыслие. Потребовалось еще две

недели, чтобы советские СМИ выступили с официальным заявлением. Но к тому времени доверие к ним растаяло: никто не верил их уверениям, что молоко, мясо, хлеб и вода безопасны, как раньше.

В 1987 году новый генеральный секретарь КПСС Михаил Горбачев признал, что замалчивание правды вокруг Чернобыля было катастрофой само по себе (18). Он пообещал дать свободу советским СМИ. Он отменил ограничения на распространение иностранных книг, фильмов и видеокассет, на доступ к архивной информации, в том числе и о том, что случилось в Чернобыле. Горбачев назвал это политикой «гласности». Его реформы начались в 1986 году, но только после Чернобыля они набрали серьезную силу. Прежде термин «гласность» использовался диссидентами, требовавшими больше информации о политических процессах; теперь же он вошел в язык советской политики.

В 1988 году Советский Союз перестал глушить BBC. Во Всемирной службе эту новость встретили с ликованием. Неужели режим, который казался бессмертным, постоянным и недвижимым, действительно начал меняться? Неужели России и Украине представился шанс стать чем-то новым?

Игорю тогда показалось, что художник, активист и журналист в нем слились в единое целое: свобода доступа к информации и творческая свобода; права человека и право быть в высшей степени индивидуалистом. Во многих его произведениях 1980-х о текущих событиях эти темы явно не выделялись, но подспудно присутствовали во всем, что он писал, празднуя освобождение от ограничений. Он творил в потоке сознания в стиле чистого импрессионизма, разрушая границы между реальностью и фантазией, поэзией и прозой. Он описывал Буш-Хаус, населенный ежами и лисами, которые паникуют, видя, как липкий синий туман выбивает окна на каждом этаже; животные

думают: «Кто же следующий?» — хотя в итоге остается загадкой, что значит быть «следующим». Он описывал себя мальчиком, который просыпается с высокой температурой, берет градусник, но вдруг замечает, что его подмышка превращается в бездну, в которую он начинает падать.

Игорь ездил в Тичино, где не раз пересекал туда-сюда границу между Италией и Швейцарией, наслаждаясь свободой и возможностью преодолевать границы и барьеры. В одном из стихотворений он писал: «Если б я был индейцем, то звали б меня Крушитель границ». Теперь барьеры рушились один за другим.

В том году премьер-министр Маргарет Тэтчер в своем традиционном пиджаке в клетку с жемчужным ожерельем приехала в Буш-Хаус, где пообщалась по прямой линии с советскими слушателями Русской службы. Ничего подобного раньше не происходило (19)*. Советские граждане редко имели возможность сказать что-то своим руководителям, не говоря уж о беседе — да еще с руководителем-женщиной! — в прямом эфире. На вопрос из литовского Каунаса о том, насколько велики шансы, что изменения в Советском Союзе (гласность, а также политические и экономические реформы, известные как «перестройка») могут повернуться вспять, если к власти в СССР вместо Горбачева придет кто-то другой, Тэтчер ответила:*

«Думаю, что после того, как вы попробовали, что такое свобода слова и дискуссии, после того, как вы начали вести такие оживленные споры, повернуть обратно будет очень сложно… Но я не думаю, что все это продвигалось бы так быстро, если бы не господин Горбачев. Я считаю, что это человек, у которого есть видение будущего… Примерно то же чувствовала и я, когда стала премьер-министром своей страны» (20).

В конце программы было слышно, как Тэтчер сказала: «Как, уже всё? Жаль, можно было бы поговорить еще». Затем на радио устроили небольшую вечеринку для сотрудников Службы. Тэтчер, как всегда, предпочла виски.

Часть 4. Субъективные факты

Во времена гласности казалось, что правда освободит всех. Диктаторы как будто настолько боялись правды, что скрывали ее. Но что-то явно пошло не так. Сегодня у нас больше информации, чем когда-либо, но, кажется, факты потеряли свою былую силу. В том, что политики лгут, нет ничего нового, но непривычно другое: они сознательно демонстрируют, что им плевать, говорят они правду или нет.

Когда во время военной аннексии Крыма Владимир Путин с ухмылкой заявил с телеэкранов всего мира, что в Крыму нет российских солдат (когда все знали, что они там есть), а потом, так же мимоходом, признался, что они там были, он не то чтобы лгал, пытаясь заменить одну реальность другой, – скорее давал понять, что факты не имеют значения. Точно так же президент США Дональд Трамп известен тем, что не имеет никакого объективного представления о том, что такое правда или факты, но это нисколько не помешало ему достичь успеха. Согласно данным агентства PolitiFact, занимающегося фактчекингом, 76% его заявлений во время президентской кампании 2016 года были «в основном ложными» или «явно ложными» в сравнении с 27% у его соперницы (1). Но он все равно победил.

Почему так произошло? Стоит ли винить технологии? Или СМИ? И какие последствия ждут мир, где власть имущие больше не боятся фактов? Значит ли это, что человек может совершать преступления у всех на виду – а затем просто отмахнуться от них?

Объективность как навязанный нам миф

Сейчас, сорок лет спустя, мой офис располагается напротив старого Буш-Хауса. Всемирная служба BBC уже давно покинула его. Сначала ходили слухи, что Буш-Хаус будет продан японским девелоперам и превращен в роскошные апартаменты. Этот план провалился, когда рынок недвижимости в Великобритании начал провисать перед началом финансового кризиса 2008 года. Теперь здесь находится университет.

Теперь BBC — и Всемирная служба, и внутреннее вещание, новости и развлекательные подразделения, ТВ, радио и «мультимедиа» — ютится в самом начале Риджент-стрит, в здании, изогнутом наподобие аккордеона. Люди сидят в конторе настолько тесно, что кажется, архитекторы просто забыли выделить место для столов, когда готовили проект.

Беседуя с редакторами и менеджерами BBC, я подумал, что несоразмерность архитектуры отражает медийные искажения: мир изменился, и прежние ценности BBC — точность, беспристрастность и честность, ведущие к демократии, благоразумию и дискуссии, — перевернулись с ног на голову.

Во время холодной войны BBC определяла «беспристрастность» как баланс между крайне правыми и крайне левыми мнениями. В 1990-е и 2000-е годы ситуация осложнилась. Больше не было явно левых и правых. В конце 2010-х аудитория раздробилась еще сильнее, и ее части начали воспринимать мир сквозь призму собственных ценностей и определявших их причин.

«Если приверженность тем или иным политическим партиям ослабла, то значение ценностей, с которыми люди себя связывают, — религии, монархии или прав меньшинств — лишь выросло, — рассказывал мне Джеймс Хардинг, бывший директор BBC News. — Вместе с тем изменилось восприятие ангажированности и то, как люди понимают беспристрастность. Это вышло далеко за пределы традиционных идей левых и правых».

BBC всегда определяла беспристрастность как следование повесткам, которые определяли политические партии и, в меньшей степени, газеты. Считалось, что именно они представляют интересы широких слоев населения. Но что происходит, когда люди перестают читать газеты, а партии становятся настолько раздроблены, что больше не представляют никаких связных общих идей? Мои детские годы прошли в Британии; мы жили в череде сублимаций, наше самоощущение утрамбовывалось в тесные медийные рамки и пропускалось через электронно-лучевые трубки телевизоров, только чтобы стать частью чего-то большего. К счастью или нет, эти рамки были разрушены. В результате концепции, с помощью которых BBC привыкла оценивать реальность, дали трещину. Даже в лучшие времена BBC с трудом удавалось сохранять правильный «баланс» (2), но что значить быть беспристрастным в совершенно расколотом мире?

Говоря откровенно, понятие «беспристрастности» всегда было скользким. Еще в 1980-е годы правительство Маргарет Тэтчер вело войну против Национальной службы BBC, обвиняя ее в атаках на консервативных политиков и отсутствии лояльности — BBC предоставляла площадку для высказывания ирландским террористам. Звучали даже угрозы закрыть BBC:

зачем сохранять господдержку вещания, если Тэтчер верит в свободный рынок? Но теперь атака идет не на беспристрастность BBC, а на саму идею существования беспристрастности и объективности в принципе.

В России контролируемые Кремлем СМИ и медийные звезды утверждают, что таким вещателям, как BBC, нельзя верить, поскольку у них есть собственная скрытая повестка (3), а «объективность – это миф, который предлагается и даже навязывается нам» (4). Это довольно далеко от политики «Радио Москва» с их приверженностью научной, марксистской истине. И разница особенно заметна в контенте. Когда в 1980-е годы «Радио Москва» занималось «активными мероприятиями» и заявляло, что ЦРУ изобрело СПИД как оружие против Африки, такая ложь тщательно создавалась годами. К ее разработке привлекались ученые из Восточной Германии, которые якобы нашли соответствующие подтверждения. Для того чтобы придать изощренной лжи черты правдоподобия, прилагались огромные усилия. В наши дни российские СМИ и официальные лица запускают аналогичные истории, заявляя, что американские фабрики распространяют в Восточной Украине вирус Зика, чтобы отравить этнических русских, что США занимается сбором ДНК русских для создания генетического оружия (5) и окружает Россию секретными военно-биологическими лабораториями. Но эти заявления просто выбрасываются в Сеть или высказываются на телевизионных шоу для того, чтобы смутить, а не убедить или чтобы поддерживать фобии у зрителей, и без того предрасположенных видеть повсюду американские козни.

Беспристрастность оказывается под атакой и в США. Тед Коппел был одним из самых знаменитых телекомментаторов во время холодной войны,

олицетворением объективности. В 2017 году на своем утреннем шоу на канале CBS Коппел обвинил предвзятые новостные каналы, продвигавшие левые и правые идеи, в подрыве самой возможности разумной дискуссии. Коппел ставил себя выше схватки, намекая, что сбалансированность и объективность все еще возможны. В конце концов, в мире должна быть позиция, с которой можно было бы оценивать пристрастность. Одной из его главных целей был ведущий популярной программы на канале Fox News Шон Хэннити, защищавший Дональда Трампа так же яростно, как российские телеведущие — Владимира Путина. Хэннити ответил на это, что атаки Коппела на его программу — это всего лишь «выражение частного мнения». Хэннити полагал, что он честен, поскольку признает себя пропагандистом, а внешняя нейтральность Коппела — это обман и все его претензии на объективность — лишь субъективная позиция.

В ситуации, когда сама возможность для баланса, объективности, беспристрастности подорвана, все, что остается, — это быть более «искренним», чем другая сторона: более эмоциональным, более субъективным или более героическим. В студии Хэннити на стене висит огромный «супергеройский» щит, как у героя комиксов Капитана Америка, на котором красуется имя ведущего на фоне звезд и полос американского флага. В системе координат Хэннити компания Fox призвана сражаться с монстрами «левых СМИ, нацеленных на уничтожение Трампа», объявивших «войну народу Америки».

Когда Хэннити нападает на другие СМИ — например, за то, что некоторые телеканалы уделяют тонны эфирного времени попыткам установить прямые, тайные и преступные «контакты» между Трампом и

Кремлем, — он не говорит о попытках восстановить беспристрастность, а заявляет, что она в принципе недостижима.

Ирония заключается в том, что отрицание объективности, которое проталкивают Кремль и Fox News, основано на идеях, изначально выдвинутых теми самыми «либералами», против которых выступают хэнинити и путины всего мира. Фраза «объективность — это всего лишь мужская субъективность» была лозунгом феминистского движения; студенческие протесты 1968 года выступали за чувства как противоядие от корпоративной и бюрократической рациональности.

Но теперь Fox и Кремль эксплуатируют те же принципы: если реальность настолько податлива, то почему они не могут представить свою версию событий? А если чувства освобождают, почему они не могут поделиться своими? Когда идея объективности дискредитирована, исчезают сами основания, на которых кто-то мог бы выступить их рациональным оппонентом (6).

—

Когда объективность и беспристрастность вещательных корпораций типа BBC или CBS оказалась под угрозой, в игру вступили онлайн-агентства по фактчекингу. Однако и те сталкиваются с проблемой, в основе которой лежит сама технология, которой они пользуются — социальные сети, где фальшивки распространяются быстрее фактов (7). Это уже превратилось в своеобразный ритуал — призывать к ответу представителей технологических компаний и уничтожать их за превращение лжи в норму.

Летом 2018 года я приехал в Рим на ежегодное собрание фактчекеров со всего мира.

«Если эта группа не может хотя бы частично решить проблему дикого информационного беспорядка, если она не может разгрести весь этот бардак, то кто сможет? Мы — старые арбитры войны за будущее интернета, в которой пленных не берут», — заявил Алексиос Мантзарлис, создатель «Кодекса фактчекеров», в котором определены «Пять принципов прозрачности и методологии». Эти принципы определяют, кто может считаться настоящим фактчекером, а кто нет. Кодекс Мантзарлиса часто упоминался во время римской встречи. Потенциальных фактчекеров проверяют в течение года, чтобы удостовериться, что они действительно работают в соответствии с пятью принципами. Одна из главных опасностей — это фактчекеры-самозванцы, не следующие в своей работе пяти принципам. Возможно, это было связано с тем, что встреча проходила в Риме, но я почувствовал, будто фактчекеров объединяет нечто почти религиозное. В мире, где факты были поруганы, они хотят вновь сделать их священными.

Во дворе школы Святого Стефана в Риме, напоминавшем монастырский двор, я кого только не встретил — от парня из Лос-Анджелеса, который мониторит точность слухов о знаменитостях, до людей, для которых факты представляют вопрос жизни и смерти. К примеру, фактчекеры из Индии рассказали мне о своих усилиях, направленных на прекращение массовых расправ. Индуистские националисты распространяли через закрытые группы в социальных сетях слухи о мясниках-мусульманах, ложно обвиняя их в убое коров — священных для индуистов животных. Затем фанатики

нападали на ни в чем не повинных мясников и забивали их до смерти. В Бирме и Шри-Ланке, где фейсбук использовали для подстрекательства к этническим чисткам, ситуация была еще хуже.

Осмотревшись, я увидел среди арок, обрамлявших внутренний двор, редакторов Rappler и фактчекеров из Украины, Западных Балкан, из Мексики... Не успела взять слово представительница Facebook, как ее принялись обвинять в том, что ее компания потворствует распространению вопиющей лжи и угроз против фактчекеров.

Непреодолимая проблема заключается в том, что, несмотря на решительные заявления соцсетей о том, что они обеспокоены этими проблемами, именно то, как спроектированы их платформы, и то, как они зарабатывают деньги, создает среду, в которой точность, беспристрастность и честность оказываются в лучшем случае второстепенными.

Еще в 2011 году Гийом Шасло, программист из Google, получивший докторскую степень в области искусственного интеллекта, обнаружил, что механизм работы YouTube постоянно предлагает людям новый сходный контент, создающий и усиливающий определенную точку зрения — причем не обязательно основанную на фактах. Иными словами, если вы посмотрите видео с сомнительным, а часто и откровенно дезинформирующим контентом, алгоритм будет и дальше скармливать вам аналогичный материал. YouTube не хотел решать, что правдиво, а что нет, он хотел, чтобы алгоритм решал, что стоит продвигать. В результате некорректный контент мог получить дополнительную поддержку. Шасло предложил своим начальникам несколько вариантов решения проблемы. Нельзя ли предлагать зрителям более разнообразный контент? В ответ ему объяснили,

что это «не главное». Главное, в чем был заинтересован YouTube, это в повышении количества времени, которое люди проводят за просмотром. Он был в ужасе от того, что желания зрителя оцениваются только тем, сколько времени он проводит, уставившись в экран, — как же это далеко от аристократической идеологии BBC «служения обществу»! (8) Шасло рассказал мне, что таким механизмом легко манипулировать: если у вас есть ресурсы, чтобы нанять большое количество людей для просмотра конкретных видео и создания огромных массивов контента на определенную тему, помогающего продвигать эти видео. Контент мог получить статус «рекомендуемого» и в том случае, если его продвигали сразу несколько каналов. Поэтому, утверждал Шасло, российская государственная вещательная компания RT имела столько каналов на YouTube.

В своем исследовании с названием «Эмоциональная динамика в эпоху ошибочной информации» (9) доктор Вальтер Кваттрочокке из Венецианского университета проанализировал за четыре года 44 миллиона комментариев в различных группах в фейсбуке и обнаружил, что чем дольше продолжалось обсуждение, тем категоричнее становились комментарии. «Когнитивные закономерности в герметичной среде демонстрируют тяготение к поляризации», — заключил он. Это, по мнению Кваттрочокке наглядно описывает эмоциональную структуру социальных сетей. Мы заходим в Сеть в поисках скачка эмоций, обеспечиваемого лайками и ретвитами. Социальные сети — своеобразная мини-машина нарциссизма, который никогда не удовлетворяется до конца, и для привлечения большего внимания мы занимаем все более и более

радикальные позиции. Не имеет значения, верны ли истории, не говоря уже об их полноте: у вас нет цели выиграть спор в публичном пространстве; вы просто хотите привлечь максимум внимания единомышленников. «Онлайн-динамика вызывает искажения», — подытожил Кваттрочокке. И это прискорбная тенденция: социальные сети стимулируют более поляризованное поведение, а в результате аудитория требует более гипертрофированного контента или откровенной лжи. Фейк-ньюс — это результат того, как спроектированы социальные сети.

И в этом процессе таится нечто более коварное. В своих первых эссе, написанных в годы холодной войны, Игорь приветствовал крайний индивидуализм как возможность противостоять угнетению. Еще один изгнанный из СССР поэт, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский, эмигрировавший в 1972 году, блестяще сформулировал эту мысль в своей приветственной речи в Уильямс-колледже в 1984 году: «Самая надежная защита от Зла — в бескомпромиссном обособлении личности, в оригинальности мышления, его парадоксальности и, если угодно, — эксцентричности. Иными словами, в том, что невозможно исказить и подделать» (10).

Во времена холодной войны «крайний индивидуализм» был тесно связан с борьбой за получение и передачу точной информации, а свобода слова — со свободой художественного самовыражения, которым противостояли режимы, занимавшиеся цензурированием фактов и всяких «причуд». Теперь социальные сети предлагают безграничное поле для формирования крайнего индивидуализма. Выразите себя, расскажите, о чем говорит ваше сердце! Однако сама эта конструкция уводит от фактов.

Но и это не последняя проблема. Такое самовыражение превращается в данные: в частоту определенных слов, время размещения публикации, другие действия в Сети, в наш язык — и все эти данные оказываются в распоряжении сил, которые незаметно влияют на нас посредством рекламных роликов и целых кампаний. Но если вы думаете, что ваш цифровой след, хранящийся среди данных, которыми обладают эти структуры, отражает вашу подлинную сущность, вы глубоко заблуждаетесь.

Вместо цельной картины у них есть разрозненные кусочки информации (порой о здоровье, порой о шопинге), клочки, из которых можно составить шаблоны для разных краткосрочных целей, причуды побуждений и привычек, воздействуя на которые можно заставить вас что-то купить или за кого-то проголосовать. Социальные сети, эта маленькая машина нарциссизма, — самый простой в истории способ поместить каждого из нас на пьедестал тщеславия и одновременно самый эффективный механизм для того, чтобы разрушить нашу целостность.

Опасности, связанные с крайней степенью индивидуализма, проявлялись уже в ранних рассказах Игоря. Перечитывая их, я замечаю, как часто склонный к импрессионизму и занятый своими переживаниями рассказчик оказывается слегка надломлен. Можно заметить, что герои рассказов настолько поглощены собой, что не замечают происходящего вокруг и полностью теряют связь с реальностью.

Почему мы живем в мире «постфактов»

Технологии социальных сетей в сочетании с картиной мира, где любая информация участвует в войне, а беспристрастность невозможна, помогли подорвать святую нерушимость фактов. Но чем больше я об этом думал, тем больше мне казалось, что я неправильно сформулировал вопрос. Вместо того чтобы спрашивать, почему факты стали неуместными, мне следовало выяснить, зачем они вообще нужны в политическом лексиконе. И почему мы замечаем сходную тактику у обеих бывших сверхдержав времен холодной войны?

В конце концов, факты вещь не самая приятная. Как я узнал от моей учительницы, миссис Стерн, они могут напомнить нам о нашем месте, о наших ограничениях и недостатках и, в конечном счете, о том, что мы смертны. Мы испытываем какую-то подростковую радость оттого, что можем сбросить их груз и смело послать мрачную реальность. Именно этим Путин и Трамп привлекают свою аудиторию — освобождением от прежних ограничений.

Но, несмотря на то что факты могут быть неприятными, они все равно полезны. Особенно они необходимы, когда вы создаете что-то в реальном мире. Постправда невозможна, если вы, к примеру, строите мост. Факты необходимы, чтобы показать, что именно вы строите, как это будет работать и почему мост не рухнет. В политике факты необходимы, чтобы показать, что вы продвигаете некую рациональную идею прогресса: вот наши цели, вот как мы доказали, что их достигли, и вот как они улучшают вашу жизнь. Потребность в фактах была прямо связана с идеей будущего, основанного на свидетельствах.

Во времена холодной войны обе стороны были вовлечены в игру, которая началась со спора о том, какая система — демократический капитализм или коммунизм — обеспечит миру более радужное будущее. Единственным способом доказать свою правоту было предоставить доказательства. Коммунизм при всех его извращениях и жестокости все же выдавался за высшее достижение научного Просвещения. Люди, жившие в мире коммунистической идеологии, знали, что это обман, но идеология была напрямую связана с парадигмой советского экономического роста, основанного на марксистско-ленинской теории, законы «объективного» исторического развития которой явно выдыхались, хотя теория еще была крепка. Поэтому можно было «поймать» СССР, доказав, в чем именно состоит его ложь, распространяя проверенную информацию или предъявляя факты руководителям страны.

После завершения холодной войны осталась лишь одна политическая идея и одно видение будущего: глобализация, подкрепленная победой «свободы» — а именно свободы коммерческой деятельности, свободы перемещения, свободы слова и свободы политических взглядов. В демократических странах политическим партиям все еще нужно было доказывать, что они способны управлять этим процессом лучше своих соперников, хотя это было скорее технократическим процессом, чем битвой новых идей.

Можно найти множество примеров, когда такое видение будущего оказывалось искаженным. Вторжение в Ирак, получившее название «Иракская свобода», подорвало идею исторической неизбежности политической свободы. Когда в Багдаде снесли статую Саддама Хусейна —

это очень напоминало разрушение статуй Ленина в Восточной Европе, и этот визуальный ряд предполагал историческую параллель, набор кадров, рассказывающих одну великую историю. Знаменитые диссиденты времен холодной войны, в том числе Вацлав Гавел, поддержали войну, ведь она напоминала им собственную борьбу против диктатуры (11). Многие из тех, кто участвовал в процессе по свержению Хусейна, в свое время призывали к борьбе против советского правления и воспринимали происходившее как этап развития одной истории.

«Президент Рейган говорил, что дни советской тирании прошли, что импульс свободы невозможно затормозить», — заявил в 2003 году президент Джордж У. Буш, еще до того, как сам продолжил битву в стиле холодной войны, руководствуясь своим видением Ближнего Востока после американского вторжения. «Иракская демократия одержит победу, и ее успех покажет всем, от Дамаска до Тегерана, что свобода может стать будущим любой страны» (12).

Однако вторжение привело к гражданской войне и сотням тысяч жертв. Слова и образы, прежде наполненные глубоким смыслом в Восточном Берлине и Праге, утратили свою важность в Багдаде.

Но мы все еще жили в мире, где существовала идея будущего — во всяком случае, экономически связанного с еще большей глобализацией. Затем наступил финансовый кризис 2008 года. Идея, что свободные рынки могут побороть нужду, оказалась под угрозой. Пошатнулась мечта о том, что тщательно пестуемый рынок Европы защищен от серьезного экономического шока. И это привело к тому, что понятия универсального будущего, сформировавшиеся в эпоху холодной войны, утратили свою

актуальность для множества людей. Повсюду, от Мехико до Манилы, они начали постепенно растворяться, подобно старому обмылку, превращающемуся в мягкую пену.

Наша потребность в фактах может быть основана на образе конкретного будущего, которого мы пытаемся достичь. В чем тогда остается смысл фактов, если это будущее исчезает? С чего вам прислушиваться к фактам, говорящим, что ваши дети будут беднее, чем вы сами? Или что все версии будущего бесперспективны? И почему мы вообще должны верить тем, кто предоставляет нам эти факты: СМИ и ученым, аналитическим центрам и государственным деятелям?

Именно поэтому нас привлекают политики, устраивающие шоу вокруг своего отрицания фактов, получающие удовольствие от извращенной чепухи и предающиеся полному анархическому освобождению от продуманности, от мрачной реальности. Огромное количество американцев проголосовало за Дональда Трампа, человека, которого осмысленность вообще не заботит. Множество его противоречивых заявлений не формируют в совокупности никакой более-менее целостной и стабильной картины. И отчасти это стало возможным потому, что избиратели не хотели вкладываться в будущее, основанное на фактах. Секрет кроется именно в непоследовательности действий и слов. Вы можете выпустить на волю все свое внутреннее безумие — и ничего страшного. Секрет успеха Трампа — это удовольствие от выплескивания дерьма, радость чистой эмоции, часто гнева, вообще без всякого смысла.

И то, что множество политических деятелей нового поколения ностальгируют по прошлому, вовсе не совпадение. Путинские армии

интернет-троллей навязывают мечты о восстановлении Российской империи и Советском Союзе; Трамп пишет твиты о том, что «снова сделает Америку великой»; турецкие и венгерские СМИ мечтают о возрождении призраков древней славы.

«Двадцатый век начался с утопии и закончился ностальгией. Двадцать первый век характеризуется не поиском новизны, а распространением разных видов ностальгии», — пишет русско-американский филолог Светлана Бойм, считающая ностальгию способом бегства от рационально упорядоченного времени. Она противопоставляла два типа ностальгии. Первый, здоровый, она назвала «рефлексирующим»: он обращается к индивидуальным, часто ироническим историям из прошлого и пытается определиться с различиями между прошлым и настоящим для формулирования будущего. Другой, опасный тип она назвала «реставрирующим» — он с «параноидальной решимостью» стремится восстановить утраченную родину, говорит о себе как о «правде и традиции», одержим великими символами и «отказывается от критического мышления во имя эмоциональных уз... Нерефлексирующая ностальгия способна породить монстров» (13).

«Реставрирующая» ностальгия закрепилась во множестве мест — от Москвы до Будапешта и Вашингтона. И факты — это последнее, чего хотят сторонники этих призраков сфабрикованного прошлого.

Но если в Западной Европе и Америке это проявляется в эксцентричных результатах выборов, то в других регионах обесценивание фактов влечет за собой намного более опасные последствия.

В Алеппо

Когда ракеты, снаряды и бомбы сирийского режима начинали падать на восточный Алеппо, Халед Хатиб хватал камеру и снимал, как рушится город. Люди часто оборачивались в его сторону и кричали: «Тебе не стыдно нас снимать? Тебе нравятся наши слезы? Мы все потеряли!»

Он пытался объяснить, что хочет помочь, что, если весь мир узнает, как страдают невинные люди, он попытается что-то сделать. В конце концов, есть же какие-то правила резолюции ООН. Законы... Нельзя просто так бомбить мирных жителей, детей и стариков.

Группы молодых мужчин и женщин постоянно перемещались по городу, снимая на видео разрушения и загружая их на страницу, которую они называли «медиацентром Алеппо». Кто-то из них ездил в Бейрут на видеотренинги, проводившиеся гуманитарными организациями. Им говорили: «Фиксируйте преступления, это поможет остановить зверства». Теперь они были «гражданскими журналистами», «медиаактивистами». Вертолеты президента Асада кружились над городом, прямо над их головами, а затем сбрасывали бочковые бомбы — бочки для нефтепродуктов, топливные баки и газовые баллоны, наполненные взрывчатыми веществами и металлической стружкой. Жители Алеппо были беспомощны перед ними. Но они могли снимать происходившее на камеры, а это, как они надеялись, связывало их с чем-то более значимым и мощным, чем вертолеты.

В 2011 году несколько сирийских городов восстали против сорокалетней диктатуры семьи Асада в сирийской версии «арабской весны». Протесты

были спровоцированы пытками юношей, осмелившихся написать антиасадовские лозунги на стенах университета (14). Действия молодых людей сочли серьезным подрывным актом в системе, сила которой была основана на том, чтобы заставлять людей в знак верности публично повторять ее собственные нелепые лозунги вне зависимости от того, верят они в них или нет. «Покорность превращает людей в соучастников происходящего и втягивает их в принудительные отношения доминирования и подчинения», — писала антрополог Лайза Уиден в своем исследовании сирийского режима (15), и это напоминает мне слова Гавела о последних годах советского коммунизма. Когда я общался с сирийцами, участвовавшими в первых демонстрациях 2011 года, они часто рассказывали, что впадали в состояние, близкое к опьянению, когда понимали, что могут публично говорить, кричать и петь то, что на самом деле думают об Асаде.

Асад ответил на это бомбами, ракетами, пулями снайперов, химическим оружием, ростом количества казней и пыток. В 2012 году повстанцы захватили восточный Алеппо, а силы режима начали его бомбардировки. Из города бежал миллион жителей (16). Халеду было 16 лет. Он хотел сделать нечто важное, показать миру, что происходит в Алеппо.

Первыми на место происшествия после атаки прибывали спасатели, чтобы вытащить жертв из-под завалов. Приехав, они сразу просили всех замолчать, внимательно прислушивались к стонам из-под обломков, а затем начинали копать. У многих из них не было никакого опыта участия в спасательных операциях — это были таксисты, пекари и учителя начальных классов. После 2013 года они начали получать деньги, инструктаж и

бульдозеры из Великобритании, Нидерландов и США. Их стали называть «Белыми касками» — из-за их «фирменных» защитных касок. Халед начал снимать о них видео. На протяжении нескольких дней он снимал свою первую спасательную операцию после того, как авианалет сровнял с землей сразу несколько домов. В процессе съемок нужно сосредотачиваться на каждой детали. Настолько сильно, что увиденное остается с вами навсегда и вы запоминаете мир как набор стоп-кадров: оторванные руки, крики, конечности, толстый слой пыли на всем, снова оторванные конечности, завалы… Во время этой первой спасательной операции сны Халеда наполнились частями тел. Загрузив снятые кадры в медиацентр, он поклялся никогда больше не снимать. Затем он зашел в социальные сети и увидел, что его материал разошелся по сети. И он понял, что его усилия были не напрасны.

Поначалу он решил не рассказывать родителям о съемках; они наверняка сочли бы это слишком опасным. Но когда он однажды вернулся домой, покрытый пылью с ног до головы (он чуть не попал под бомбардировку), скрываться уже было невозможно. Поначалу его отец пришел в ярость. Затем, когда Халед рассказал ему, как они вытаскивали людей из завалов, как снятые им материалы транслировались по телеканалам всего мира, рассказывая об Алеппо всем жителям планеты, отец смягчился. Особенно популярными были снимки детей, чудом спасенных из завалов (гораздо чаще спасти их не удавалось, но такие материалы редко становились вирусными).

Жизнь в городе начала подстраиваться под новые звуки: свист, пауза, а затем грохот и гулкий звук взрыва означал бочковую бомбу, а шипение

означало ракеты. Халед почти не замечал их, увлекшись финальным матчем чемпионата мира по футболу 2014 года. Он болел за Германию. Он внимательно смотрел, как его любимый игрок, Месут Озил, делает бросок в штрафную противника, но, услышав грохот или шипение, выбегал на улицу снимать разрушения. Он всегда помнил про «двойной удар» — зачастую вертолет бросал одну бомбу, дожидался, пока вокруг места взрыва соберется толпа, а затем сбрасывал еще одну.

Когда после атак приезжали спасатели во главе с бывшим школьным учителем Аммаром Аль-Сельмо, люди реагировали на них по-разному. Некоторые из выживших бежали к камере Халеда, вставали прямо перед ней и начинали плакать и кричать: «Почему они нас бомбят? Здесь нет солдат!» Кто-то требовал справедливости, а кто-то говорил, что во всем виноват сосед, присоединившийся к революции: «Эти бомбы предназначались ему, а не мне!»

Халед привык к виду бойни. Поначалу бóльшая часть кадров была размыта; он слишком быстро двигал камерой из стороны в сторону, фиксируя все происходящее вокруг, хотя правильнее было сначала внимательно осмотреться и тщательно выбрать объекты для съемок. Он начал дробить отснятый материал на отдельные кадры, составляя историю: мертвые тела в завалах зданий; воронки; части игрушек и обрывки одежды; фотографии на рухнувших стенах домов — детали, подтверждающие, что бомбардировке подвергались мирные граждане. Пыль от разрушенных зданий стала постоянной проблемой: она садилась на объектив и забивала механику (17).

В 2015 году Россия вступила в войну на стороне Асада. Советский Союз давно поддерживал его отца, Хафеза. Теперь Россия спасала его сына. Впервые с момента окончания холодной войны страна вернулась на главную сцену глобальной политики. Образ Путина внутри России основан на мысли, что у него нет альтернативы, что он неизбежен. Теперь он демонстрировал свое превосходство не только дома, но и на Ближнем Востоке. На момент вступления России в войну Асад контролировал лишь 20% своей страны. Официальная цель российской кампании состояла в оказании помощи в разгроме исламских террористов. На самом деле российские ВВС бросили силы на очаги сопротивления Асаду, особенно на Алеппо.

Осада усилилась в апреле 2016 года (18). Были прекращены все поставки в восточный Алеппо. Бочковые и кассетные бомбы падали на пекарни, рынки и школы. За 2016 год на город было сброшено свыше 4 000 бочковых бомб (19). «Белым каскам» приходилось работать без устали. Как-то утром они вытащили человека из развалин дома и отправили в больницу Аль-Байян; когда рядом с больницей упала бомба, всех пациентов эвакуировали, а этого мужчину отправили в пригород, который подвергся новой бомбардировке тем же вечером. Спасать его приехали те же люди, что вытащили его из завалов с утра. Он начал кричать, чтобы они убирались прочь, потому что приносят ему несчастье. Во время первой утренней бомбардировки он потерял жену и ребенка.

Летом 2016 года, когда начался чемпионат Европы по футболу, Халед был слишком занят, чтобы обращать внимание на успехи Озила. Чтобы сломить волю к сопротивлению, больницы подвергались постоянным

обстрелам; врачам приходилось делать операции под землей в полутьме. Десятки тысяч людей бежали из города (20).

Все чаще люди принимались обреченно вздыхать при виде камеры Халеда: какой прок был от всех этих съемок?

—

Мэри Ана Макглэссон, американская медсестра, сидела в «Старбаксе». Она руководила гуманитарной программой медицинской помощи для Сирии и жила в турецком Газиантепе, приграничном городе с миллионным населением, где нашли приют еще 500 000 сирийских беженцев. Сначала Мэри работала в Relief International, затем во «Врачах без границ». Последние пять лет она координировала строительство больниц, которые затем вновь бомбили. Только что ей удалось доставить в Алеппо медикаменты, которых должно было хватить на шесть месяцев, но, когда летом 2016 года осада города ужесточилась, стало понятно, что этого недостаточно. Сидя в «Старбаксе», она получала сообщения от врачей из Алеппо: «Бомбардировки начались снова... мы оперируем в подвале... у нас вырубился генератор. Мы оперируем при свете мобильных телефонов».

Ее работа как гуманитарного сотрудника предполагала нейтралитет. Она должна была строить больницы, организовывать снабжение и сообщать о жертвах и военных преступлениях. Мэри Ана верила в силу системы международных норм, идеалов и учреждений, которые она снабжала необходимыми свидетельствами.

После 2015 года, когда Россия начала свои бомбардировки, Мэри Ана и десятки гуманитарных организаций составляли отчет за отчетом, демонстрировавшие, что атаки военных были нацелены не на области, захваченные ИГИЛ (как заявляли российские власти), а на сам Алеппо. Она все еще верила, что веские свидетельства что-то да значат. Она писала письма конгрессменам США и представителям в ООН. Она уже давно перестала верить в невозможность наземного вторжения, даже в безопасную зону — это потеряло смысл после того, как русские войска начали бомбардировки, — но могли же быть какие-то санкции, призывы или последняя попытка переговоров… Или, что важнее, миллионы на улицах, протесты… Где все это? Она знала, что политики будут реагировать, только если увидят, что люди ими разочарованы. Неужели никому не было дела, что режим травит газом собственных граждан? Неужели в ответ люди лишь пожмут плечами?

В ее мессенджер сыпались новые сообщения из Алеппо: «У нас кончились марля и бинты. Бомбы все ближе».

Она с трудом смотрела сирийцам в глаза. Те продолжали приходить к ней, веря, что у нее есть какое-то влияние, и передавали жесткие диски, полные свидетельств. «Нас убивали бочковыми бомбами», — рассказывали они ей. «Нас убивали зарином и ракетами с истребителей. Но сейчас нас убивает другое — молчание».

В какой-то момент в мае 2016 года перед ней забрезжила надежда: Совет Безопасности ООН, включавший представителя Российской Федерации, принял резолюцию с призывом остановить бомбардировку

медицинских центров в Сирии. Ей показалось, что ее отчеты были не совсем напрасны.

Резолюция была принята 3 мая (21) — однако в последующие месяцы количество атак на медицинские учреждения в Сирии увеличилось на 89%. В период с июня по декабрь было произведено 172 атаки — то есть бомбежки происходили каждые 29 часов (22).

На телефоне Мэри высвечивались сообщения врачей из Алеппо: «Сегодня был совершен авианалет на детскую больницу. Много погибших и раненых».

Когда падение Алеппо стало почти неизбежным, сирийские сотрудники Мэри Аны начали просить плату за месяц вперед. Она знала, что это значит: они потеряли надежду вернуться домой, решили рискнуть всем и попробовать добраться на лодках через Средиземное море в Грецию, а оттуда совершить долгий марш через Балканы в Европу. Цены были разными: за сумму в 10 000 долларов контрабандисты могли отвезти вас на роскошной яхте до прекрасного пляжа на Пелопоннесе; а несколько сотен долларов гарантировали вам лишь место на переполненном плоту.

Ее знакомые сирийцы в Газиантепе всегда верили, что смогут попасть домой. Один врач ходил по городу с ключами от своего дома в Алеппо в кармане, будто рассчитывая вернуться туда в любой момент, хотя жил в изгнании уже многие годы. Другие беженцы жили в нищете. Семьи из бывшего среднего класса ютились в пустых грузовых контейнерах и зарабатывали на жизнь нарезкой кожи для местных обувных фабрик, но даже они не уезжали из приграничного города, надеясь, что их разлука с

домом лишь временна. Теперь же бомбардировки разрушали и эти надежды.

С 2015 года новости телеканалов пестрели сюжетами о затонувших лодках с беженцами, о раздутых трупах малышей, вынесенных на пляжи греческих островов прямо под ноги загоравших туристов. Семьи беженцев отсылали своих самых крепких сыновей, тратили последние деньги, чтобы посадить их на самые надежные лодки, и снабжали мобильными телефонами – самым важным навигационным средством для такого путешествия. Но это вызывало негативную реакцию телезрителей в Европе и США. Конечно, всем было жаль погибших детей, но в Европу-то хлынули колонны молодых сирийских мужчин.

Когда Мэри Ана звонила своим родителям в Аризону, они спрашивали ее, почему эти люди не воюют? Откуда у них мобильные телефоны? Может быть, все они на самом деле террористы? Ее родители были глубоко верующими христианами и смотрели телеканал Fox News. Она понимала, что они разрываются между беспокойством за нее, уважением к ее работе – и тем, что слышат по телевизору. Политики-националисты использовали кадры с толпами беженцев, идущих через Европу, разжигая страх перед потоком прибывающих иностранцев. Одна из таких фотографий даже была размещена на плакате сторонников выхода Великобритании из ЕС с подписью «Переломный момент».

23 сентября российские и сирийские военно-воздушные силы совершили сорок налетов на восточный Алеппо в целях подготовки к наземной операции (23). В течение следующего месяца налеты происходили в среднем каждый час, днем и ночью (24). Пожары охватывали целые

районы города. Специальный посланник ООН в Сирии писал о применении зажигательных бомб, которые «создают огненные шары такой силы, что Алеппо, погруженный в кромешную тьму, становится виден как днем» (25).

«У нас еще 27 погибших, — продолжали поступать сообщения на телефон Мэри. — Около половины из них — дети. Вот фотографии… Пожалуйста, расскажи об этом!»

Мятежники, пытавшиеся прорвать осаду, начали беспорядочно обстреливать западный Алеппо, находившийся под контролем правительственных сил: сирийская правозащитная организация зафиксировала гибель 74 гражданских лиц только в октябре (26).

Мэри Ана продолжала писать свои отчеты с перечислением фактов преступлений против человечества — фактов, которые, казалось, больше не имеют никакого значения. По телевидению шли дебаты между Дональдом Трампом и Хиллари Клинтон. Трамп хотел построить стену; он хотел, чтобы мусульмане перестали приезжать в Америку, и называл их террористами. Он на ходу придумывал цифры: по его словам, в Америке уже было 30 миллионов незаконных иммигрантов, а Клинтон якобы была готова впустить еще 650 миллионов (27). Никто не считал его серьезным претендентом на президентский пост. Но только не Мэри: она знала, сколько народу готово проголосовать за него в Аризоне. И если факты ничего не значили в Алеппо, почему они должны что-то значить в США?

Президент США Барак Обама, срок работы которого в тот момент уже подходил к концу, часто говорил, что у истории есть «правая» и «неправая» стороны (в принадлежности к последней он обвинял Россию). Подобно лидерам времен холодной войны, он защищал идею, что у истории есть своя

сюжетная арка: направление, будущее и «надежда на лучшие дни» (28). Но в Алеппо эти возвышенные слова казались совершенно лишенными смысла. Бочковые бомбы разносили любое «направление истории» в клочья. К ноябрю осада достигла пика: казалось, что русские стремятся закончить начатое до прихода нового президента США. Школы, детские приюты и больницы переехали в подвалы. Но, чтобы достать их жителей, другая сторона начала применять бункерные бомбы, наподобие тех, что обычно используются для разрушения подземных военных конструкций (29).

В ночь выборов, 8 ноября, Мэри Ана была в Вашингтоне. Она следила за результатами, сидя в баре рядом с Капитолием. Бар был украшен воздушными шарами, все готовились к победе Клинтон. Когда первые штаты отдали свои голоса Трампу, она тут же почувствовала, что он победит. К ней подошли два члена республиканской президентской кампании, уже навеселе, и сказали, что она выглядит самым безутешным человеком во всем баре. Она вышла на улицу и поймала такси до гостиницы. Сев на заднее сиденье, она расплакалась. Таксист попытался ее успокоить: «Не волнуйтесь, все будет хорошо». Ей показалось, что он говорит с ближневосточным акцентом. Она спросила, откуда он родом. Таксист ответил: «Афганистан». Тогда она поинтересовалась, есть ли у него грин-карта. «Нет».

Тогда Мэри Ана сказала, что плачет не из-за себя, а из-за него. Она была в отчаянии от того, что иммигрантов пытаются превратить в неугодных людей, а саму иммиграцию — в зло.

Казалось, что события в Алеппо и выборы в США — это разные проявления одного и того же феномена, в котором утратили смысл все

«правила, основанные на свидетельствах» и «гуманитарные нормы», ради которых работала Мэри Ана. И таксист мог стать первой жертвой этого нового мира.

В декабре 2016 года Алеппо пал. Мэри Ана помогла организовать эвакуацию последней партии тяжелораненых из города. По подсчетам Центра документации нарушений в Сирии, за период между 2012 и 2016 годами в Алеппо погибло 30 000 человек, подавляющее большинство — в районах, находившихся под контролем оппозиции (30). Более 70% погибших были гражданскими. Сирийская сетевая правозащитная организация (не рассматривающая отчеты, предоставляемые официальным сирийским режимом) говорит о том, что в ходе войны погибло около 207 000 человек, причем 94% из них — от действий сирийского правительства и российских военных (31). Никаким цифрам, связанным с этим конфликтом, нельзя верить безоговорочно. ООН была вынуждена отказаться от подсчета точного количества жертв в 2014 году и заявила, что оно составляет примерно 400 000 человек (32).

Халед выбрался из Алеппо в августе, когда восставшим удалось разблокировать дорогу. Его сумка была набита носителями с видеоархивом (значительную часть которого Халед уже смог ранее переправить в Турцию). Некоторые из снятых им в городе кадров были включены в короткий документальный фильм о «Белых касках», получивший премию «Оскар» в 2017 году (33). Он приехал в Лос-Анджелес, однако в разговоре со мной был заметно обескуражен: Халед был рад тому, что его кадры увидело так много зрителей, но он снимал смерть и разрушение своего города не для того, чтобы попасть на голливудские вечеринки.

Мы встретились в Стамбуле, а после в Амстердаме, чтобы провести интервью, которые я затем использовал в этой книге. Халед хочет делать фильмы о районах Сирии, все еще свободных от Асада и радикальных исламистов. Факты не спасли Алеппо; возможно, истории сработают лучше? Сейчас Халеду чуть за двадцать, но он пытается сохранить воспоминания о своей родине на камеру, пока то, что сохранилось, не исчезло — от постоянных бомбардировок или потока дезинформации. «Они говорят, что мы все — террористы. Я должен показать миру, как мы выглядим на самом деле».

Поначалу Мэри Ана не относилась серьезно к дезинформации о Сирии. Но при внимательном изучении стала замечать ее следы практически везде. Когда она начала просматривать ролики о «Белых касках» на ютубе, то обнаружила кучу материалов, в которых утверждалось, что они то ли террористы, то ли актеры, разыгрывающие спектакли на камеру, то ли агенты британской секретной службы под прикрытием, то ли вообще не существуют… Мэри Ана опасалась, что эти россказни — лишь часть массовой кампании, призванной стереть из памяти людей то, что на самом деле произошло в стране (34).

И здесь она столкнулась с главным парадоксом сирийской бойни. Во всех других исторических примерах преступлений против человечества, которые ей удалось изучить, всегда возникало подобие оправдания — якобы мир не знал о происходившем. Холокост? Мы не знали (или притворялись, что не знали). Жестокое убийство боснийских мусульман сербами в Сребренице? Это произошло так неожиданно, что никто не успел среагировать. Геноцид в Руанде? Политики заявляли, что не знали

масштабов происходившего. А что теперь? Теперь все всегда обо всем знают. Есть масса видеоматериалов, фотографий и свидетельских показаний, данных научного анализа, SMS, терабайты свидетельств и примеров военных преступлений, распространяемые в режиме реального времени в социальных сетях с открытым для всех доступом. Однако реакция оказывается обратно пропорциональна количеству свидетельств.

Но если все знают обо всем и ничего не делают, ничего не чувствуют, если правда о произошедшем не всегда замыкается на том, что Мэри Ана называет «душой истории», к чему это может привести? К тому, что можно совершать массовые убийства и никто не почешется? Неужели на нашей планете возникли «черные дыры», где не работают никакие законы?

Посмотрите вокруг: эти черные дыры появляются буквально повсюду. «Возможно, за это должен нести ответственность весь мир, потому что мир — опасное место», — заявил президент США в конце 2018 года в ответ на многочисленные свидетельства того, что его союзник, наследный принц Саудовской Аравии, приказал убить журналиста на территории консульства страны в Турции. Эта фраза президента четко выражает позицию, согласно которой никакой объем доказательств не повлечет за собой ответственность (35). Когда мы видим, как на Ближнем Востоке гибнут мирные жители (из-за действий Саудовской Аравии, США, Ирака, Израиля или Ирана) (36), (37), как социальные сети подпитывают этнические чистки и жестокие расправы в Бирме и на Шри-Ланке (38), как организуется подстрекательская деятельность — в режиме онлайн, со всемирными доступом, — нам сложно не заметить, как худшие страхи Мэри Аны становятся явью. Сначала свою роль играет дезинформация, а затем мы

находим себе оправдание для того, чтобы соскочить с крючка: «Мы бездействовали, потому что боты запудрили нам мозги».

Тем временем 22 терабайта видео, снятого «Белыми касками», до сих пор хранятся в надежных местах по всей Европе. К ним можно добавить еще 60 терабайт видео, твитов и публикаций в фейсбуке, сделанных Сирийским архивом: 80 000 документов и свыше 3 000 заявлений свидетелей. Все эти материалы были собраны Комиссией по международному правосудию и ответственности, которой удалось установить причастность к преступлениям сирийских чиновников высшего уровня (39).

На данный момент это один из самых больших архивов, связанных с пытками, массовыми убийствами и военными преступлениями. И эти материалы ждут часа, когда факты вновь обретут смысл.

«Извините, а вы англичанин?»

«Кем ты себя ощущаешь — англичанином или русским?»

Эти вопросы преследовали меня все детство. Их постоянно задавали родители моих школьных друзей по дороге из Лондона в загородные дома, вечно наполненные троюродными братьями и сестрами, бесконечными дядями и двоюродными тетями. Эта укорененность была так не похожа на кочевую жизнь нашей семьи. Во время долгих поездок на задних сиденьях чужих машин я часто ошеломленно смотрел на границы между полями. Изгороди делили землю причудливым, но каким-то очевидно логичным образом; даже поля, казалось, были вовлечены в некий мудреный секретный разговор, вмешиваться в который было бы неучтиво. Англичане настолько точно делятся по социальным классам, акценту, школам, почтовым индексам, графствам, партиям и любви к спортивным командам, что для иммигранта вроде меня было крайне сложно найти среди них свое место.

Одно из первых правил, которое я усвоил как ребенок иммигрантов, заключалось в том, что мне не следовало во что бы то ни стало рваться в англичане. Возможно, в Штатах все по-другому, но пытаться наскоро заделаться англичанином — это было бы так... не по-английски.

«Вы так хорошо говорите на нашем языке, я бы никогда не подумал, что вы русский», — часто говорили мне, и я тут же чувствовал, будто пытался кого-то обмануть своим английским (может быть, думал я, мне нужно имитировать русский акцент?).

Проблема усугублялась тем, что я не мог просто ответить «я русский». Для начала, я родился в Украине, но в русскоговорящей семье. И кем это делало меня — советским? Россия, Украина, весь СССР были всего лишь огромными

пятнами на карте, забрызганной кофе и вином, висевшей у нас на кухне; я никогда там не был и представлял себе эти места только по описаниям в книгах. Может быть, мне стоило считать своей родиной именно книги?

Моя идентичность могла слиться с Англией только одним путем — через массмедиа, телевидение и радио, которые синхронизировали мое внимание и чувства с нацией. Это был на удивление тонкий процесс — так, в 1980-е годы рассказы Игоря были переведены и транслировались на радио BBC. Одним из них был «Читая Фолкнера», и, когда его читал английский актер, мне казалось, что Черновцы находятся где-то в районе Саффолка:

> Я лучше попробую еще раз, снова о Черновцах.
> Мое зеленое, виноградное, тминное детство под сенью дедушек (позднее разобрался: дедушка — один, все остальные — его братья); не помню в раннем детстве зим; оглядываюсь и вижу: вечный июль, воздух, струящийся из набухших яблок, щекочущий до головокружения...

В 1987 году Игорь перешел из Всемирной службы BBC в лондонское бюро американского «Голоса», транслировавшего свои передачи на страны коммунистического блока. «Радио Свободная Европа» (Radio Free Europe, RFE) было создано в 1949 году американскими стратегами, по их словам, как «гражданская авантюра в области психологической войны» (40). Главная цель проекта состояла в том, чтобы помогать изгнанникам стран, попавших в сферу влияния СССР, выразить иные политические взгляды на то, что происходит у них на родине. В 1953 году появилось «Радио Свобода», вещавшее на сам СССР. В отличие от BBC, где весь исходящий контент контролировали

британские редакторы, на «Свободе» изгнанники имели намного больше возможностей для маневра. Первый вариант «эксперимента» закончился в 1956 году довольно плачевно, когда во время венгерского восстания против советской оккупации комментаторы на «Радио Свободная Венгрия» выступали с зажигательными речами и давали участникам протестов тактические советы, намекая, что американская военная помощь уже совсем близко. Однако правительство США так и не предоставило ее, и венгерские диссиденты почувствовали себя преданными.

Когда Игорь присоединился к РСЕ, подобные эскапады уже давно не происходили, и вещатель был юридически обязан создавать «точные, объективные и профессиональные» новости. Изменилось и многое другое. В самом начале своей деятельности РСЕ получала финансовую поддержку от ЦРУ под прикрытием частных пожертвований в пользу компании с названием «Крестовый поход за свободу». Начиная с 1971 года радио получает финансирование через Конгресс и организацию под названием Broadcasting Board Governors, состоящей из мэтров СМИ и ученых и призванной обеспечить независимость его деятельности. Однако миссия «Радио Свобода» все же отличалась от миссии вещателей вроде BBC, призванной представлять Великобританию в мире. РСЕ/Радио Свобода представляла собой «суррогатную» станцию, цель которой состояла в выражении не интересов США или Великобритании за границей, а иной политической идентичности для России, Украины и других стран, ранее находившихся под советским управлением. Чтобы лучше понимать свою аудиторию, РСЕ использовала оригинальный метод опросов (данными которого делилась с BBC). Начиная с 1950-х годов социологи приходили в бары крупных портов или на

международные выставки на Западе, которые разрешалось посещать советским морякам и официальным делегациям. Они завязывали разговоры и мимоходом, но следуя определенному сценарию, спрашивали у собеседников, какие радиопрограммы они предпочитают слушать и почему. После завершения холодной войны они получили возможность раздавать советским туристам более формализованные опросные листы. Несмотря на все попытки советских властей подавлять радиосигналы, в период между 1972 и 1988 годами от 5 до 10% советских взрослых слушателей крутили антенны во все стороны, чтобы настроиться на волну «Радио Свобода». Этот показатель был значительно выше у людей с высшим образованием и жителей крупных городов. А после 1988 года, когда глушилки отключили, а Игорь начал работать на «Свободе», показатель вырос до 15% (41).

Теперь у Игоря появилась возможность создавать свои собственные миры. «Лично мне неинтересно описывать культуру. А вот создавать, склеивать, выдувать культуру, подобно стеклодуву, — работа захватывающая», — писал он впоследствии.

Он поставил себе целью перемешать Россию и Украину с большой Европой: «Я — не космополит, а патриот. Но у меня разные родины. Я чувствую себя дома и на стамбульских кладбищах, и в Риме, в Черновцах, Лондоне и Сергиевом Посаде».

Игорь делал программы о стекле, окнах, бильярде, цветах — обо всем том, что позволяет объединиться представителям различных национальностей, о перекрестках, на которых они могли бы встретиться и пообщаться. Участники его программ говорили по-русски с разными акцентами, расширяя границы языка.

Еженедельная программа Игоря называлась «Поверх барьеров», а начиная с 1989 года барьеры начали рушиться и в реальном мире. Это было время чудес, которые мы наблюдали по нашему телевизору Grundig с его четырьмя каналами (два из которых принадлежали BBC). Нажав одну кнопку на пульте, я видел, как Вацлав Гавел, вышедший из тюрьмы и ставший президентом Чехословакии, машет с балкона огромной, волнующейся, как море, толпе в Праге. Нажав вторую, я переключался на канал, показывавший демонтаж статуй Ленина по всей Центральной Европе. Статуи висели в воздухе, на цепях кранов, напоминая отполированных бронзовых эквилибристов. А на третьем канале люди перелезали через Берлинскую стену и разбивали ее молотками, за что их всего несколько недель назад застрелили бы на месте.

В своих текстах Игорь начал постепенно отходить от импрессионистского рассказа от первого лица: абсолютное «Я» перестало чувствовать тяжелое дыхание авторитаризма. Вместо этого он начал писать об антропологии, зоологии, о том, как группы людей переосмысливают себя, свои личности и свои связи. Он рассказывал о виноградарстве и виноделии как мощной традиции, пересекавшей и изменявшей целые континенты. Стакан вина обретал магические свойства и помогал путешествовать во времени и пространстве. В рассказе, написанном в июле 1991 года, первое лицо практически отсутствует, этот текст основан на метеорологическом словаре ветров. Игорь пишет о свободе, но почти не упоминает о себе, а лишь детально перечисляет характеристики штормов, бризов, порывов ветра.

Проснувшись утром 19 августа 1991 года, Игорь узнал, что в Москве начался путч. Глава КГБ, министр обороны, премьер-министр и вице-президент объявили чрезвычайное положение. Они сообщили, что Горбачев

заболел на даче в Крыму и по состоянию здоровья больше не может исполнять свои обязанности. Они собирались взять власть в свои руки и спасти Советский Союз.

Поскольку советское телевидение бесконечно транслировало балет «Лебединое озеро», масса людей принялась слушать западные «голоса». Выступив на «Радио Свобода», Борис Ельцин, президент России — крупнейшей советской республики, заявил о введении чрезвычайного положения и о попытке переворота. Он призвал москвичей собраться в центре Москвы, и сотни тысяч людей пытались защитить российский парламент от танков и войск КГБ, введенных в город.

Тем временем в Крыму Горбачев, вовсе не больной, оказался под домашним арестом заговорщиков и был отрезан от всех средств коммуникации. В его распоряжении остался лишь радиоприемник на батарейках. Вместе со своими сотрудниками он так и эдак крутил антенну, чтобы поймать хороший сигнал и настроиться на иностранные «голоса». На «Радио Свобода» британский премьер-министр Маргарет Тэтчер призывала своего друга Михаила держаться. Это произошло благодаря Игорю. Он целый вечер пытался убедить людей с Даунинг-стрит разрешить ему взять интервью у премьер-министра. Те раз за разом отвечали, что она не дает интервью такого рода. «Но здесь же дело не в политике, — парировал Игорь. — Ее личный друг Михаил попал в беду. Неужели ей нечего ему сказать?» И это сработало.

Путч провалился. Не прошло и года, как распался Советский Союз. Карта на кухонной стене начала меняться. Вдруг возникло 15 новых государств. Прежние цвета на этой карте, с которыми я вырос, обозначавшие два блока, начали перемешиваться, будто на странной палитре. География

идентичности, с которой я рос, — «там», «здесь», «они», «мы» — больше не имела никакого смысла.

Менялась и наша личная география. В 1992 году Игоря перевели в центральное бюро РСЕ в Мюнхене. Несколько редакций, вещавших на бывшие страны коммунистического блока, располагались в здании, напоминавшем средневековую крепость, с высокими и толстыми стенами, покрытыми шипами. Меры безопасности были усилены до предела после того, как в 1981 году венесуэльский террорист Карлос «Шакал» попытался взорвать здание по заказу Штази. В коридорах и подвалах этой крепости Игорь с восторгом обнаружил давно забытые шкафы с записями программ великих писателей-эмигрантов, работавших на «Радио Свобода» последние 40 с лишним лет. Он все сильнее влюблялся в силу радио, позволявшую создавать новые миры, смешивать прошлое и настоящее, пробуждать к жизни что-то незнакомое и новое:

«Драма, драматизм рождаются в эфире, когда звуки сталкиваются, дают друг другу пощечины, трутся носами. Язык радио пластичней, богаче, полнозвучней любого другого языка. На языке радио можно выразить предрассветную тоску, зябкость старения, „сырую прелесть мира“».

Его продюсеры путешествовали с диктофонами и записывали шумы, которые он затем использовал в своих программах: хруст яблока мог напомнить кому-то о зимнем снеге; а вой собаки динго в зоопарке — о любовной тоске.

—

В детстве человек не всегда осознает, что является частью серьезного эксперимента в области культуры, мышления и языка, определяющего политику. Пока Игорь работал на станцию, символизировавшую американскую поддержку Европы («цельную и свободную», как сказал президент США в 1989 году), меня отправили в специальную школу, созданную для изменения политической психологии всего континента.

В Мюнхене располагалась она из девяти Европейских школ, созданных основателями Евросоюза (носившего в те времена название ЕЭС) для формирования новой, «европейской», модели идентичности. Под камнем закладки каждой школы было замуровано заявление о миссии, написанное, по слухам, самим Жаном Монне, создателем ЕЭС:

> Не переставая смотреть на свою родину с любовью и гордостью, они станут в своих мыслях европейцами, получившими надлежащее образование и готовыми завершить и консолидировать работу своих отцов по созданию единой и процветающей Европы.

Изначально предназначенные для детей чиновников ЕС из множества стран, эти школы были также открыты для всех, кто выиграл в специальной лотерее и сдал экзамен. Основатели школ мечтали, чтобы они стали прообразом всего образования в ЕС.

Каждое утро директор школы, господин Хейм, бывший датский министр по делам Гренландии, приветствовал нас у входа в форме звезды — в честь звезд на флаге ЕС. Архитекторы забыли обеспечить в здании пожарные выходы в соответствии с требованиями ЕС, и впоследствии здание было

заключено в металлический экзоскелет этажей и проходных балконов; все это напоминало строительные леса, словно школа постоянно перестраивалась. Она была поделена на различные языковые секции — английскую, французскую, немецкую, итальянскую и так далее, — причем история и география преподавались на языке другой страны и с ее точки зрения. Когда в 1953 году открылась первая школа — менее чем через 10 лет после окончания Второй мировой войны, — это была совершенно новаторская идея: французские дети учили историю на немецком языке и с немецкой точки зрения — и наоборот.

Дети из английской секции находились в Германии уже так долго, что их связь с Великобританией ослабла. Я, только что из Лондона, был в каком-то смысле самым типичным британцем из всех нас. Это чувство было для меня в новинку. В Лондоне я был «русским». А теперь неожиданно стал представителем Англии.

Дети в Европейской школе зачастую соответствовали привычным стереотипам о своих странах. Французы были капризными; мальчики читали комиксы, а девочки отлично разбирались в одежде. Итальянцев постоянно интересовала еда, и они казались недовольными принятым в школе многоязычием. Немцы предпочитали спорт. Мы, мальчики из английской секции, были склонны к эксцентрике: цитировали шутки из шоу «Монти Пайтон» и настаивали, что нам необходимо питаться спредом «Мармайт». На переменах мы учили своих итальянских собратьев крикету — не потому, что он нам так уж нравился, а просто потому, что как «англичане» должны были чем-то выделяться.

Историю и географию мне преподавали на французском, и в них я не столько барахтался, пытаясь остаться на поверхности, сколько тонул и учился дышать под водой. В первые месяцы меня накрыло с головой, но постепенно я начал отращивать лингвистические жабры и различать неясные очертания подводных королевств: Варфоломеевская ночь, Версаль, Наполеон… Но этот Наполеон отличался от того, которого я уже знал. В Англии меня учили, что он был злодеем. Французы же считали его звездой демократического общества, а не деспотом. В итоге в моей голове сформировалось два образа Наполеона — в английской и «подводной» версии.

Я превратился в амфибию. Разговоры с другими учениками могли начинаться на немецком, а потом переходить на французский и английский; каждый мог говорить на родном языке, но все друг друга понимали. Я помню, как однажды не сразу узнал своего одноклассника-англичанина, потому что, говоря по-немецки, он отбрасывал свои манерные гримасы и начинал смеяться, как настоящий баварец, медленно и очень по-мужски. Так что, с одной стороны, наши национальные черты становились заметнее, когда мы стремились выделиться в детских играх и ритуалах, но в то же время мы были свободнее от них; их можно было надеть или снять, как маску, они не были «тобой». Все это приводило меня в тихий восторг. После иммигрантского детства, двуязычного и неловкого — в котором я знал, что я не вполне «англичанин», в отличие от всех остальных, но не был до конца уверен, кто я на самом деле, — эта система всецело поддерживала желание сделать шаг в сторону и отказаться от своей идентичности. А в этом деле я был настоящим мастером. Именно это и означало понятие «европейский»: не

подчиняться некой навязанной извне идентичности, а уметь легко принять ее и так же легко сменить на какую-то другую.

В то время как мы с Игорем работали над пониманием смысла Европы, Лина погружалась в Россию. Она вернулась туда первой из нашей семьи: с 1989 года работала с кинодокументалистами, снимавшими фильмы в СССР и странах, только что обретших независимость. Первый раз приземлившись на родине, она испытала странное чувство рассинхронизации, словно все, что она видит, не совпадает с тем, что она слышит, как если бы ее слух отставал от зрения. Она видела длинные очереди, в которых люди стояли слишком близко друг к другу, она замечала движение губ таксиста, но слышала слова и звуки лишь через несколько мгновений.

Когда зрение и слух наконец синхронизировались, она осознала, что находится в стране, у которой словно распорот живот, а внутренности трагедий и травм были выставлены на всеобщее обозрение. Некоторые из ее первых фильмов были посвящены бездомным детям Петербурга. Они жили целыми группами, спали у теплотрасс, жили в темных, мокрых подвалах с сырыми стенами, которые пытались превратить в подобие нормальных квартир, принося туда диваны и акварельные рисунки, найденные на помойках. Многие из детей грамотно говорили, но были вынуждены убегать из дома, где их родители напивались, пока понятия семьи, нормальности и вменяемости не рушились на глазах. Все прежние социальные роли оказались перевернутыми. Проституция, ранее табуированная, внезапно стала вполне допустимой. Студентки нередко поддерживали деньгами своих родителей, откликаясь на вакансии секретарш «без комплексов» — эвфемизм, означавший готовность спать с начальником.

В состоянии хаоса находился и политический язык. В 1994 году Лина работала над документальным фильмом о новом популярном политике Владимире Жириновском. Она отправилась с ним в круиз по Волге. Жириновский в белоснежном костюме выступал перед возбужденными толпами, собравшимися на берегу. Он возглавлял Либерально-демократическую партию, но он не был ни «либералом», ни «демократом» в традиционном смысле слов, обозначавших терпимость, вежливость и ориентацию на Запад. Было сложно понять, что он представляет собой на самом деле. Его речи напоминали поток сознания, однако каким-то странным образом воплощали желания аудитории. Было невозможно понять, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Он обещал положить конец бедности и бездомности всего за несколько месяцев после прихода к власти. Он говорил о том, что Германия должна заплатить России репарации по итогам Второй мировой войны. Он обрушивался на США с их «микки-маусовскими долларами» и говорил, что при его власти доллар больше не сможет конкурировать со славным российским «золотым рублем». Он заявлял, что Россия должна контролировать всю территорию от Тихого океана до Средиземного моря, что российские солдаты будут мыть свои сапоги в Индийском океане и что он аннексирует Аляску. При этом он говорил слушателям, что вина за их нищету лежит на Ленине и его коммунистической экономике, и утверждал, что он, Жириновский, сделает их такими же успешными, как жителей Запада, что у каждого будет собственный дом, новый автомобиль и широкоэкранный телевизор. Он обещал казакам, стоявшим на берегу со своими нагайками, что даст им возможность сражаться против врага на юге. Он призывал их взять в

руки нагайки и шомпола, отправиться туда, где царят анархия, разбой и антигосударственная деятельность, и восстановить порядок.

Жириновский имел в виду мятежную Чеченскую республику, где годом позже Россия начала вести бесславную войну, не слишком задумываясь о жертвах среди гражданских лиц. Именно там начинал зарождаться новый тип исламистского экстремизма. Лина снимала сюжеты о чеченских сепаратистах высоко в кавказских горах. Они описывали свою борьбу как национальное освобождение, но Лина замечала и кое-что новое для России: исламских священнослужителей из стран Персидского залива и женщин, скрывавших лица под никабами.

В те дни Лине было просто снимать для своих сюжетов всех, начиная с политиков и заканчивая полевыми командирами. Вы говорили, что работаете на BBC или британское телевидение, и моментально становились символом чего-то лучшего откуда-то «извне», посланником иного мира, в котором, как и прежде, оставались нормы, справедливость, ясность и где слова все еще имели какой-то смысл.

В свободное от съемок время Лина ходила на перформансы, сопровождавшиеся удушливым сценическим дымом, на которых художники и поэты 1990-х пытались осмыслить повсеместную неопределенность. Это было очень вдохновляющее время. Лев Рубинштейн выступал с пачками советских библиотечных карточек — этих крошечных символов культурного порядка, — на которых писал свои загадочные строфы. Прочитав содержимое карточки, он отбрасывал ее прочь, как символ расставания со старым смыслом. Дмитрий Пригов то пропевал, то завывал строки из советского агитпропа, пока те не превращались в шаманские заклинания. Олег Кулик

полностью отказался от человеческого языка и целыми днями изображал рычащего пса, стоя на четвереньках и пытаясь кусать посетителей своей галереи. Если слова больше не имели смысла, то поэтам оставалось лишь действие.

«Советское время остановилось, — писал Зиновий Зиник, — а вселенная, которой оно управляло, распалась» (42)*. Критик Борис Гройс описывал этот период времени термином «большой цимцум», заимствованным из иудейской каббалистической традиции, согласно которой Бог сначала создает мир, а затем отступает от него в сторону. «Уход советской власти, или цимцум коммунизма, создал безграничное пространство знаков, лишенных смысла: мир утратил значение»* (43).

В 2001 году, после окончания университета, я последовал по стопам Лины и переехал в Россию, где через какое-то время начал работать на телевидении. «Москва, — писал я впоследствии, — напоминала город, живущий на режиме ускоренной перемотки и менявшийся так быстро, что это разрушало ощущение реальности. Россия за свою историю видела так много быстро менявшихся миров — от коммунизма к перестройке и шоковой терапии, затем от нищеты и олигархии к мафиозному государству и появлению сверхбогатых людей, — что у ее новых героев закрепилось ощущение, что жизнь — всего лишь яркий маскарад, в котором каждая роль, каждое место и каждое убеждение непостоянны».

Часть 5. Pop-up народ

Спустя тридцать лет знаки «лишились смысла», а мир «утратил значение» не только в России. «Большой цимцум» коснулся и победителей холодной войны — стран, где социологи пытаются определить модели нашего поведения, где полностью исчезло четкое определение того, что раньше считалось «нормальным». Кто же первым найдет себе место в этом водовороте?

Самоотчуждение

Пока я экспериментировал с многоуровневой идентичностью в Европейской школе, Рашад Али, тоже сын первого поколения иммигрантов, переживал совершенно иной процесс в Шеффилде, графство Йоркшир.

В 1996 году на Рашада произвели глубокое впечатление люди из «Хизб ут-Тахрир» [1], пришедшие в его школу, чтобы поговорить об исламе. Это было еще до 11 сентября 2001 года и ИГИЛ, поэтому руководство школы не ожидало ничего плохого от хорошо одетых и эрудированных молодых преподавателей в области инженерии и науки, с увлечением рассуждавших о великих идеях: о том, можно ли доказать существование Бога, об эволюции, об идентичности.

«К какому типу мусульман вы относите себя? — спрашивали они учеников. — Пятничный мусульманин? Частичный? Можете ли вы быть полноценным мусульманином?»

Понятие «полноценности» заинтересовало Рашада. Но что оно значило? Он вступил в одну из групп учеников «Хизб», проводившей свои занятия в обычном таунхаусе, таком же, как десятки других, выстроенных для рабочих некогда огромных сталелитейных заводов, расположенных у подножья зеленых холмов Южного Йоркшира.

Вербовщики Хизб рассказывали, что мусульмане в Боснии сотни лет пытались интегрироваться в местное сообщество: они пили алкоголь, курили и занимались прелюбодеянием, как обычные европейцы. И чем это закончилось? Теперь их вырезают соседи, миряне и христиане, получившие вооружение и поддержку правительства Слободана Милошевича в Белграде. А как насчет Чечни, где российская армия безжалостно бомбит мусульман? Что сделал Запад для того, чтобы помочь этим мусульманам? Ничего. «Мусульмане в Боснии – это ваши братья, – говорили вербовщики. – Это они – ваша семья, а не миряне вокруг вас, не англичане».

Рашад с детства понимал, что чем-то отличается от других. Его отец умер, когда Рашаду было восемь лет; он приехал в Англию в 1960-е годы, чтобы работать на сталелитейном заводе. Дела шли хорошо, он купил дом, открыл ресторан, носил костюм, сшитый на заказ у хорошего портного, и каждый вечер с почти религиозным фанатизмом смотрел новости BBC. Но при всей своей внешней «английскости» оба родителя Рашада говорили с сильным бенгальским акцентом. У них дома пахло не как у англичан. Они были другого цвета.

И, конечно, оставался вопрос религии. Рашад был религиозен, как и вся его община: религия была для них чем-то неотъемлемым, как часть тела, а большинство англичан этого не понимали. Однако Рашад никогда не считал

себя «мусульманином». В начале 1990-х было много разговоров об азиатской идентичности, «азиатских британцах», к которым причисляли и сикхов, и индусов, и индийских мусульман, и пакистанских шиитов. Но что общего могло быть у этих «азиатов», когда у себя на родине они все воевали между собой? После поездки в Бангладеш Рашад понял, что не чувствует родства с местом, где когда-то жили его родители. При этом он понимал, что не является и полноценным англичанином. А теперь ему предлагали новый дом, место, которое стало бы для него родным, потому что оно еще не существовало. Речь шла об исламском государстве.

Каждую неделю Рашад и другие участники его учебной группы погружались в основополагающие тексты «Хизб», где до мельчайших деталей было описано, как должно выглядеть идеальное исламское государство. Это были книги по праву, организации работы правительства, этике и эпистемологии. В них описывалось все, начиная от полномочий судей и заканчивая тем, как мысли формируют реальность. «Хизб» был основан в 1950-х годах палестинским исламским ученым Такиюддином ан-Набхани, который ранее был одним из руководителей арабской социалистической партии «Баас». Для ан-Набхани факт создания Израиля был знаком того, что мусульмане слабы, неспособны постоять друг за друга, испорчены такими западными понятиями, как «нация», которые развели их по разным странам. Изменить предстояло сам язык и понятия, через призму которых люди воспринимали мир.

В основе идеологии «Хизб» была идея «исламской личности». Согласно ей, у человека есть природные инстинкты, требующие удовлетворения, однако с помощью тренировок человек способен подчинить эти инстинкты

«правильному» поведению. К примеру, у человека есть природный инстинкт самосохранения, и это выражается в стремлении приобретать собственность. Марксизм подавлял этот инстинкт и поэтому был обречен. А капитализм чересчур его поощрял, одновременно ослабив другой инстинкт, который в идеологии «Хизб» называют «продолжением рода». Он отвечает за потребность чувствовать себя частью сообщества. Политический ислам удовлетворял обе потребности: он позволял человеку чувствовать себя в безопасности, допуская наличие некоторой частной собственности, и заниматься продолжением рода, определяя ряд обязательств перед *уммой*, мусульманским сообществом.

Рашад спросил руководителя учебной группы о том, какая методология позволит создать исламское государство. Тот пригласил его прокатиться в своей золотистой «Хонде шаттл».

Пока они катались по Шеффилду, он объяснил Рашаду план — убедить военных в Иордании, Египте и Сирии устроить военные перевороты, захватить власть, а затем объединить страны в исламское супергосударство. Услышав это, Рашад замолчал: даже для 16-летнего юноши это звучало слишком безрассудно. Руководитель группы заметил его реакцию и продолжил: «Помни, что сделал Пророк в Мекке и Медине. У него не было своих сил, но он смог убедить глав племен поддержать его и стать его армией. Мы делаем то же самое».

Смешение прошлого и настоящего, священных текстов и современной истории помогло Рашаду преодолеть изначальные сомнения. И вскоре идея перестала казаться ему чересчур фантастической. Религиозное движение становилось сильнее день ото дня. В период между 1996 годом, когда к нему

присоединился Рашад, и 2003-м число активистов в Великобритании выросло с 30 до 3000, а по всему миру оно насчитывало уже сотни тысяч. Руководители движения распространяли заявления о том, что военачальники по всему Ближнему Востоку склоняются на их сторону. Руководство состояло из преемников и близких союзников ан-Набхани, которые жили в Ливане и Иордании в обстановке строжайшей секретности, так что их общение с последователями «Хизб» со всего мира происходило только через аудиосвязь. Их голоса были слышны тысячам последователей, но лиц не видел никто.

К началу нового столетия Рашад стал одним из лидеров «Хизб» в Великобритании. Помимо прочего, он организовывал университетские дебаты на тему того, возможно ли быть одновременно мусульманами и британцами, где доказывал свою точку зрения, что эти понятия несовместимы. В 2000 году, в возрасте 20 лет, он составил сборник основных текстов «Хизб», экземпляр которого позже нашли в библиотеке Усамы бен Ладена в его убежище в Абботабаде (1). Текст под названием «Метод восстановления Халифата» занимает свыше 300 страниц мелким шрифтом и описывает правила создания исламского государства со ссылками на Коран. Процесс начинается с «культивирования» – объединения мотивов, инстинктов и идей для формирования исламской личности. Затем наступает этап «взаимодействия», публичных кампаний, призванных убедить население Ближнего Востока в том, что военные перевороты, направленные на свержение коррумпированных правительств – лакеев западного колониализма, пойдут всем на благо.

«После этого военные смогут установить исламскую власть… и заявить о джихаде против всего остального мира».

Одна из многих ролей Рашада состояла в том, чтобы отвечать на письма с вопросами членов движения относительно тонкостей доктрины «Хизб», связываясь со слышимым, но невидимым руководством для получения канонических ответов. К этому времени он прочитал достаточно религиозных комментариев и понимал, что некоторые из ответов лидеров были попросту ошибочными. Когда один участник спросил, почему Пророк не принуждал всех своих последователей выполнять его заветы, руководство ответило, что ни один богослов не позволял ни одному мусульманину следовать примеру Пророка в этом отношении. Рашад понимал, что это неправда и сами руководители это знали. Многие религиозные деятели считали допустимым не заставлять людей следовать всем правилам. Руководители просто пользовались в своих интересах невежеством последователей для создания системы, в которой у них было бы больше власти. И чем лучше Рашад разбирался в исламских идеях и истории, тем сильнее он понимал, что многое в учении «Хизб» было фактически неточным. В истории никогда не было «золотого времени» халифата под властью единого правителя: было множество небольших и частных союзов между исламскими юрисдикциями, но не существовало изначального халифата, который можно было бы восстановить.

Постепенно с глаз Рашада спадала пелена. Через восемь лет Рашад заметил, насколько далек «Хизб» от исполнения своих обещаний. Руководство рассылало письма, утверждавшие, что в исламских странах вот-вот произойдут перевороты, но было очевидно, что ничего подобного не

случится. Кроме того, серьезную проблему составлял вопрос насилия. «Хизб» заявлял, что выступает против насильственных действий. Однако он и не осуждал такие действия, совершенные кем-то еще при определенных условиях. Официально «Хизб» выступил против атак 11 сентября, но лишь по техническим причинам: самолеты, принадлежали частным владельцам; если бы они были израильскими, дело приобрело бы совсем иной оборот, ведь Израиль считался государством-оккупантом. С точки зрения Рашада, эти противоречия были абсурдными.

Он начал спорить с руководством, ставя под сомнение основные постулаты движения. Постепенно он отказался от идеи о том, что быть одновременно мусульманином и англичанином невозможно, и от того, что он может обрести полноту жизни лишь в исламском государстве. Он осознал, что может быть одновременно мусульманином и уроженцем Йоркшира, британцем и азиатом. Он понял, что может бороться как за права палестинцев в секторе Газа, так и против антисемитизма в Европе.

Летом 2018 года я поехал с Рашадом на поезде по английским городкам, в которых он вырос и где теперь проповедовал. По дороге, пока мы проезжали мимо полей, причудливо поделенных так же, как во времена моего детства, Рашад рассказывал, как обучал молодых сторонников «Хизб», вербуя у них на глазах незнакомых пассажиров в поездах. Как-то раз на пути в Дарем он увидел женщину, читавшую в газете трагическую историю о том, как 10-летний мальчик убил своего брата-младенца, ради забавы засунув его в стиральную машину и включив ее.

Рашад подсел к женщине и спросил, что она думает об этой статье. Женщина сказала, что история ее возмутила. Она винила во всем родителей:

тем вечером они отправились в паб, оставив детей одних. Его собеседница была медсестрой и каждый день видела, как нарциссизм, безответственность и небрежность одних людей причиняют вред другим.

Рашад нашел, за что зацепиться. Он спросил женщину, считает ли она такое поведение неизбежным для либерального, светского общества, в котором людей призывают думать лишь о своей личной выгоде и удовольствиях. По его мнению, миру нужно общество, в котором все экономические и социальные законы поощряли бы заботу друг о друге, а люди бы понимали, что добрые дела не остаются без награды.

Женщина кивнула в знак согласия.

В заключение Рашад предположил, что его мысль может показаться слишком необычной, но не думала ли она, что исламское государство может стать примером именно такого общества?..

Вскоре Рашад и его ученики сошли с поезда, и мы никогда не узнаем, что подумала медсестра о его словах. Но суть аргументов вербовщика была ясна: о чем бы ни задумывался объект вербовки, ваша цель состоит в том, чтобы связать его мысли с потребностью в создании исламского государства.

В Бирмингеме мы с Рашадом гуляли по улицам, среди красных домиков под низким небом. Картину оживляли уличные продавцы фруктов, сандалий, халяльных бургеров, суданские супермаркеты, торговавшие пестрыми шалями, граффити на стенах с призывами вернуть «Свободу Палестине», сомалийские лавки, где продавались никабы. Но больше всего меня поразили книжные магазины. Я насчитал на коротком отрезке улицы как минимум три больших магазина, на их полках длинными рядами

стояли священные тексты в твердых обложках и комментарии к ним, а рядом с ними — дешевые карманные издания от «Полигамии» до «Тихого мастерства Бога», «Джихада, ислама и кармы» и «Запрета гомосексуализма». Все эти книги печатались при поддержке различных исламистских движений и стран, и все они боролись за умы британских мусульман. В какой-то момент Рашад завернул к складу, где нас встретил бородатый мужчина с ключом и отвез на техническом лифте на этаж, уставленный книгами; целые улицы и переулки из книжных стопок, корешки которых светились золотой арабской вязью. Порывшись в них, Рашад радостно воскликнул: «Наконец-то я ее нашел! Аль-Газали, „99 прекрасных имен Аллаха“!»

Именно знание исламских законов и техник вербовки позволяет Рашаду так хорошо делать свое дело: теперь он вытаскивает людей из таких движений, к которым когда-то принадлежал сам. Рашад работает в организации с неприметным названием «Институт стратегического диалога» (ИСД), которая отслеживает экстремистские онлайн-кампании, консультирует правительства и технологические компании о том, какие законы и правила они должны (или не должны) внедрять для устранения таких кампаний, а также экспериментирует с методиками противодействия, направленными на тех, кто попадает под влияние экстремистских движений. ИСД определяет экстремизм как «систему убеждений, устанавливающую превосходство и доминирование одной узкой группы людей над другими и пропаганду „самоотчуждения“, дегуманизирующего образа мышления, прямо противоречащего

универсальному применению прав человека». Иногда сотрудники института называют экстремизм просто «самоотчуждением».

В офисе ИСД работают десятки людей. Одни команды наблюдают за тем, как разжигается ненависть в сетевых ресурсах Кении, где исламистские движения пытаются разделить страну по религиозному признаку, а политические партии пытаются выстроить новые линии лояльности вдоль племенных связей. Другие следят за сайтами геймеров, где рекрутируют новых сторонников неонацисты. Они рыщут по онлайн-форумам, где коротают время неловкие подростки — любители игр про Вторую мировую войну. Самых агрессивных и одиноких участников направляют в закрытые чаты, где новобранцев обучают основам цифрового маркетинга для продвижения крайне правых идей: говорят, какому видео в ютубе ставить лайки или дизлайки; учат, как создавать сотни автоматизированных аккаунтов для проведения ультраправых кампаний в социальных сетях. Новобранцы переключаются с компьютерных игр на онлайновые политические кампании, которые сами похожи на игру. Не покидая своих комнат, они меняют одну виртуальную реальность на другую.

На сайтах Reddit и 4chan анонимные администраторы предлагают онлайн «экспресс-курсы по массовому убеждению», чем во времена холодной войны занимались лишь секретные службы и специалисты по психологическим операциям. Они рассказывают, например, как использовать ценности врагов против них самих. Так, если вы атакуете левого политика, то вам следует создать фейкового онлайн-персонажа либеральных взглядов, а затем говорить от его имени, что политики — это часть финансовой элиты или что их «белые привилегии» позволили им

подняться до самых верхов и избежать ареста за неблаговидные поступки. Есть инструкции, как «контролировать интернет-форум», и советы по «взлому консенсуса»: создаете фейкового персонажа, который высказывает идеи, противоречащие вашим настолько слабо и бездоказательно, что вам не составит труда разгромить оппонента с помощью другой фейковой личности. Такие кампании могут проводиться откуда угодно. Как-то раз ИСД нашла русского фрилансера в Нижнем Новгороде, чья бот-ферма распространяла немецкие ультраправые мемы, перемежая эту работу рекламой эскорт-услуг в Дубае и медицинских клиник в российской провинции, а также атаками на представителей российской оппозиции.

Команды ИСД создают и обучающие фильмы для школ, чтобы подростки могли понять, как распознавать крайне правые и исламистские кампании, которые все сильнее вплетаются в повседневную жизнь молодых людей в социальных сетях. Вербовщики джихада, например, сначала сканируют профили потенциальных жертв в соцсетях, изучают их интересы и хобби, а затем пытаются увлечь соответствующим образом. Если они видят молодую женщину, которая интересуется религией, романтикой и семейной жизнью, они, к примеру, могут завести разговор о добродетелях мужа-салафита. «Если человек не уважает Господа, — спрашивают они, — как можно рассчитывать, что он будет уважать свою жену?»

Благодаря интернету процесс вербовки стал быстрее и искуснее, чем во времена, когда Рашад оказался в «Хизб», но основные техники остались прежними. В наши дни особенно заметна пропаганда исламского государства, которой занимается ИГИЛ, и, хотя «Хизб» официально

выступает против этого движения, Рашад видит, как в идеях ИГИЛ отражаются типичные для «Хизб» чувства, концепции, язык и поведение.

—

«Напишите им, как сильно вы по ним скучаете и что уход из семьи — это харам [2]».

Рашад переписывается в мессенджере с родителями двух юных девушек, присоединившихся к исламистскому движению на Ближнем Востоке. Они живут в маленьком английском городке и пишут своим дочерям, находящимся где-то в Ираке. Те просят у своих родителей разрешения выйти замуж за бойцов джихада. Девушки пишут, что скучают по родителям, что просят прощения и не хотят огорчать их, но этот брак — их долг перед солдатами халифата. В этом состоит их вклад в большое дело.

Рашад знает, что родители воспитывали девушек в консервативных мусульманских традициях и отправили их изучать медицину в Хартум, а затем, к своему ужасу, обнаружили, что девушки обратились к иной форме ислама, настолько радикальной и политизированной, что родители просто перестали их узнавать. Не зная, что делать дальше, они обратились за помощью к Рашаду.

По его мнению, тот факт, что девушки в принципе спрашивают разрешения у родителей, — это хороший знак: они все еще чувствуют связь с ними. Возможно, именно в этой точке влияние на них экстремистов минимально, и он может попытаться разрубить узы их новой идентичности.

Девушки продолжают просить благословения у своих родителей. Они пишут, что только в халифате смогут жить в полном соответствии с принципами своей веры.

Рашад и родители отвечают, что девушки могут полноценно исповедовать ислам и в Англии, что они не дают благословения на брак и что их «халифат» нарушает все истинные правила исламской этики и права.

«ИГИЛ по отношению к исламу — это то же самое, что измена по отношению к браку», — пишет Рашад.

Девушки замолкают. Возможно, они задумались над словами родителей? Через некоторое время они отвечают цитатами на средневековом арабском, неверно трактующими исламских богословов. Очевидно, что это не их слова. Рашад уверен, что вмешался их куратор из ИГИЛ, который диктует девушкам, что писать. Продолжать разговор сейчас смысла нет.

Рашад открывает еще одно окно на экране, чтобы показать мне страницу в фейсбуке одного молодого человека откуда-то из центральных графств Англии. Фотографии бунгало, которые он сдает в аренду, работая агентом по недвижимости, перемежаются видео, «доказывающими», что террористические атаки в Европе «на самом деле» совершались ЦРУ; посты о том, как ему нравится новый Samsung по сравнению со старым iPhone, чередуются с видеоклипами, в которых проповедники оправдывают убийства геев. Молодой человек пишет, как ему неприятно смотреть на пьяных людей вечером в пятницу, в то время как британские дроны убивают невинных мусульманских детей на Ближнем Востоке.

«Поддерживать халифат — это наш долг. Земля кяфиров [3] никогда не станет домом для истинно верующего!»

Рашад написал ему, что когда-то был частью радикальной исламистской группы, но покинул ее. И спросил, не хочет ли молодой человек поговорить с ним?

В любой момент Рашад может оказаться вовлечен в десяток подобных разговоров онлайн. Из соображений приватности, защиты данных и безопасности я изменил фрагменты приведенных выше бесед. И хотя я пытался изложить их максимально правдоподобно с учетом данных ограничений, Рашад закатывал глаза каждый раз, когда я пытался превратить его «взаимодействия» в драматические сценки с ясным сюжетом, как в телесериалах. В реальности все работает иначе. У разговоров больше нет определенного начала и окончания. Все смазано и нечетко. Часто успех состоит уже в том, что человек в «группе риска» просто отвечает Рашаду. Он считает успехом, если откликается хотя бы 5% собеседников. Такие разговоры могут вестись не один год, но даже если собеседника удается «заинтересовать», помочь ему бывает очень сложно. Со временем Рашад все же смог убедить тех сестер вернуться обратно к родителям. Однако у них не было никакой возможности покинуть территорию, захваченную ИГИЛ. Он ничего не слышал об их судьбе даже после того, как ИГИЛ выдавили из Ирака и Сирии.

В начале работы с каждым человеком из «группы риска» Рашад пытается понять, что его мотивирует. Руководствуется ли он политическими убеждениями, то есть он прежде всего радикал, который по совпадению еще и мусульманин? Обычно такие люди сразу обвиняют

Рашада в том, что он — агент западного империализма. Может, человек действительно интересуется религией? Или дело в личной драме? В психических отклонениях? Или речь идет о комбинации всего вышеперечисленного?

Рашад начинает разбирать по полочкам хорошо знакомую ему логику, которой пользуются вербовщики, находя в ней противоречия. Когда его собеседники говорят, что религиозный долг состоит в объединении ислама в одно государство, живущее по принципам шариата, Рашад отвечает, что со времен Пророка существовало множество исламских империй и правителей; единой модели просто нет. Когда ему говорят, что карикатуры на Мухаммеда должны быть запрещены на Западе, Рашад спрашивает, значит ли это, что нужно запретить и Коран? Очевидно, что если свобода слова есть у одной стороны, то должна быть и у другой? Когда собеседники утверждают, что Запад выдумывает исламистские террористические атаки, а терроризм представляет собой естественную реакцию на западную внешнюю политику, Рашад указывает на противоречие: получается, что террористические акты задуманы их врагами и в то же время одобряются ими.

Затем он фокусируется на одном из их главных ложных убеждений — скажем, отрицании Холокоста — и приводит столько убедительных свидетельств против него, что отмахнуться от них становится невозможно. В конце концов, спрашивает Рашад, откуда мы знаем о существовании Пророка? Об этом нам говорят авторитеты. У нас есть исторические свидетельства. Традиции. Теории заговора подрывают саму основу ислама…

Рашад пытается помочь своим собеседникам увидеть, как ими манипулируют, сломать их представление о том, что исламская идентичность по своей природе исключает британскую (американскую или датскую).

Но здесь кроется проблема. Тип мышления, с которым он пытается бороться, основанный на заговорах и «самоотчуждении», становится все более распространенным. «Экстремиста» не стоит путать с «маргиналом» или «радикалом». Экстремистская идеология может охватывать целые страны, и становится все сложнее понять, где центр экстремизма, а где — его периферия. Один из главных «барометров», которые ИСД использует для своей работы, — это индекс «позитивного миролюбия», в состав которого входит индикатор под названием «признание прав остальных» (2). И значение именно этого индекса в последнее время резко упало в Европе и Северной Америке, в то время как активно развиваются общественные движения, «устанавливающие превосходство и доминирование одной группы над остальными».

Рашад замечает, что даже политики из давно существующих партий освоили подход, популяризированный организациями типа «Хизб». Они выбирают какую-то тему — религия, иммиграция, принципы построения экономики, — а потом превращают ее в маркер для оценки людей. И речь уже не о политике: это линия, за пределами которой все признаются «неприкасаемыми», конспирологический аркан, который отделяет «нас» от «них».

«В рамках религии это можно было бы назвать сектантством, — говорит Рашад, — Идентичность выдается за идеологию».

В своем недавнем отчете ИСД описывал среду, в которой работает организация, как «текучее» общество, мир, в котором старые и прочные социальные роли ускользают от нас, где информация перемещается настолько легко, что ломает старые понятия о причастности к чему-либо, где ощущение неуверенности пронизывает все и где каким угодно силам гораздо легче на вас повлиять (3).

Pop-up популизм

«Вся политика сейчас крутится вокруг создания идентичности», — заявил политтехнолог, с которым мы сидели в баре в Мехико. Терраса, где мы беседовали, была так сильно затенена густой листвой, что, несмотря на ярко-голубое небо, казалось, будто на дворе ночь. Он объяснил мне, что старые понятия класса и идеологии мертвы. Теперь, проводя политические кампании, он должен учитывать разрозненные, частные интересы и объединять их новым понятием «народа».

В полосатой рубашке и с зализанными назад волосами политтехнолог напоминал типичного яппи. «Популизм — это не идеология, а стратегия», — заявил он, ссылаясь на двух теоретиков из Университета Эссекса, Эрнесто Лакло и Шанталь Муффе, которые придумали лозунг «популизма как стратегии», хотя сами использовали его для описания нового типа социализма. Я был удивлен его выбором теоретиков — мой собеседник никак не походил на социалиста. Он ответил, что сам симпатизирует левым, но готов работать на любого, кто хорошо заплатит.

Природа социальных сетей поддерживает идею популизма как стратегии. Посмотрите на происходящее с точки зрения политтехнолога. Люди в соцсетях объединяются по совершенно разным интересам: права животных и больницы, оружие и садоводство, иммиграция, воспитание детей или современное искусство. Некоторые из этих групп могут быть сильно политизированными, другие — приватными. Ваша цель состоит в том, чтобы найти к каждой группе индивидуальный подход и связать выгодное вам поведение на выборах с тем, что для них важнее всего.

Такой тип микротаргетирования, при котором одна группа избирателей совершенно не обязана знать о существовании других, требует создания некоей большой и лишенной содержания идентичности, позволяющей объединить все эти разные группы, чего-то настолько обширного, что каждый избиратель смог бы спроецировать на себя, — категории типа «народ» или «большинство». Возникающий таким образом «популизм» — это не признак объединения «народа» в одно великое целое, а следствие того, что «народ» находится в более раздробленном состоянии, чем когда-либо, уже почти не являясь единой нацией. Когда у людей становится меньше общего, чем раньше, нужно придумать новую версию «народа».

В этой логике факты второстепенны. Вы не пытаетесь выиграть спор в публичной сфере с помощью свидетельств и идеологических концепций; ваша цель состоит в том, чтобы окружить аудиторию вербальной стеной. Это противоположность «центризму», в рамках которого вы должны объединить всех под одной крышей, сгладив различия. Теперь различным группам даже не нужно встречаться. Возможно, так даже лучше: а вдруг они начнут враждовать друг с другом?

Для закрепления этой импровизированной идентичности необходим враг: «не-люди». И самое правильное – сделать это понятие максимально абстрактным, с тем чтобы каждый мог создать собственную версию: подойдет и «истеблишмент», и «элита», и «болото» [4]. Политтехнолог в Мехико признался, что, к сожалению, порой это оборачивается кошмаром. Взять, к примеру, США. Во время своей предвыборной кампании Трамп обрабатывал сторонников свободного рынка, американских презервационистов [5], «анти-элиту» (4), рабочий класс – но это даже приблизительно не дает представления о множестве микро-групп, таргетируемых им в социальных сетях. Порой реклама в соцсетях даже не упоминала его имя. Вместо образа звезды «реалити-ТВ» в рекламе использовались эмоциональные сообщения, совершенно не в духе его фирменного сарказма. Однако, в отличие от своих противников из лагеря Хиллари Клинтон, его команда смогла объединить все эти разные группы в едином гневном порыве против «болота» и иностранцев.

Или можно взглянуть на Италию, где «Движение пяти звезд» [6] началось в виде нескольких блогов в фейсбуке, писавших о совершенно разных проблемах для разных аудиторий – от экологии до иммиграции, от плохих дорог до внешней политики. Вина за все это с маниакальной энергией анархичного, кудрявого и склонного к крепким словечкам лидера движения, бывшего комика, а теперь политика Беппе Грилло, возлагалась на «истеблишмент».

И, конечно, не стоит забывать об Англии. Я всегда считал, что англичане другие: если уж кто в мире не сомневается в собственной идентичности, то это они. Эта нация настолько четко структурирована в зависимости от

класса, акцента, школы, почтового индекса, места жительства, партии или любимой команды, что иммигранту — в частности, мне — сложно вписаться в эту систему. Но кое-что изменилось и здесь. Атмосфера неуверенности пронизывает буквально все.

Впервые я заметил, что в Британии что-то меняется, беседуя в пабе с одним из архитекторов кампании «за Брекзит» вскоре после победы на референдуме. Он начал свою фразу со слов «Проблема людей вроде вас…». Я уже не помню, что он говорил дальше (возможно, что-то типа «вы, столичные либералы, уже настолько отстали от жизни»), потому что от этих слов я внезапно почувствовал себя дома. Я всегда был «русским» иностранцем. Теперь же я не должен был играть роль аутсайдера; я стал «своим». Это было приятно. Однако за радостью быстро пришло разочарование. Меня включили в один ряд с англичанами только для того, чтобы я сыграл роль марионетки, «глобалиста», врага. Возникло выражение «люди вроде вас» как противовес «реальным людям». В следующие месяцы я слышал эту фразу в совершенно разных контекстах. «Наверное, людям вроде вас сейчас непросто», — утешал меня активист Брекзита. «Неужели вы не понимаете, что Брекзит случился из-за таких, как вы?» — подначивал меня знакомый философ. Меня эти слова сбивали с толку. Каких «людей» они имели в виду? Я всегда считал себя в лучшем случае счастливчиком, которому просто повезло стать гостем в Англии, и ко мне относились с максимальным радушием, но теперь я внезапно превратился во врага.

Я намного ближе познакомился с логикой кампании за Брекзит после встречи с руководителем ее цифрового направления, Томасом Борвиком, который объяснил мне, как был выигран референдум, и поделился

техническими деталями своего ремесла. Борвик вырос в семье политиков-консерваторов (его мать — бывший парламентарий от Челси), а сам он подходит к своей работе как не по годам развитый школьник, решающий головоломку или играющий в настольную игру «Риск» [7].

Работа Борвика как менеджера диджитал-кампании состоит прежде всего в том, чтобы собрать максимум данных об избирателях, а затем попытаться рассчитать, кто из них с наибольшей вероятностью будет голосовать за ту или иную партию. За последние десятилетия восприятие электората сильно изменилось. Во времена холодной войны электорат просто делили по признакам того или иного экономического класса; идеологически «левые» против идеологически «правых»; читатели Guardian против читателей Telegraph. Затем в 1990-е годы и в начале 2000-х, когда политика фактически стала просто еще одним продуктом потребления, специалисты по оценке общественного мнения начали использовать категории, привычные скорее для маркетинговых кампаний. Партия «новых лейбористов» Тони Блэра обращалась, например, к категориям вроде «владельцев Ford Mondeo» (то есть к людям, неравнодушным к определенному типу автомобиля), пытаясь удовлетворить их экономические потребности. Теперь, судя по всему, устарел и этот подход: люди голосуют, руководствуясь не только простыми категориями потребительского выбора. Газеты и политические партии перестали представлять четкие социальные категории. В начале 2010-х стало модным определять нацию по психологическим чертам. Экономические классы сменились психологическими архетипами. Другие политтехнологи

пытались оценивать людей по их статусу, степени уверенности в себе, ощущению внутренней безопасности, личной открытости или закрытости.

Сейчас группы в социальных сетях способны дать довольно четкую картину того, какие темы могут побудить различных людей голосовать. Права животных или состояние дорог? Гей-браки или состояние экологии? Стране с населением в 20 миллионов, по расчетам Борвика, требуется от 70 до 80 типов таргетированных сообщений. Его работа состоит в том, чтобы привязать эти отдельные побуждения к целям кампании, даже если эта связь поначалу кажется неочевидной.

Что касается голосования за выход из ЕС, Борвик признался, что самым успешным и доходчивым стал призыв голосовать за выход, связанный с правами животных. К примеру, сторонники Брексита утверждали, что в ЕС жестоко обращаются с животными, потому что поддерживают испанских фермеров, разводящих быков для корриды. И даже внутри группы защитников животных Борвик умудрялся «настроить» более точный таргетинг, отправляя одному типу избирателей шокирующую рекламу с изображениями изуродованных животных, а другим — посимпатичнее, с фотографиями миленьких ягнят.

Защитники прав животных могут по-разному относиться к иммиграции — и даже ее поддерживать, — но это не имеет значения, поскольку разным группам вы отправляете разные таргетированные сообщения. И, конечно же, у Борвика был потрясающе емкий лозунг «Вернем себе контроль!», настолько расплывчатый, что он мог означать все что угодно для кого угодно, представляя ЕС врагом, который коварно стремится уничтожить все, что вам дорого.

«Думаю, что четко определенный враг может добавить вам примерно 20% голосов на выборах», — рассказал он мне. В любой момент он был готов подкрепить свои слова цифрами.

А из ЕС получился отличный враг, далекий и равнодушный. Я поразился этому факту, когда решил навестить свою старую школу в Мюнхене. Рядом со старым зданием в форме звезды появился новый корпус из стекла и стали. Количество учащихся выросло с 900 до 2 000 после того, как ЕС расширился и включил множество стран, прежде находившихся под советским влиянием. В главном холле яблоку негде было упасть, и я с трудом пробирался между компаний подростков, сидевших по-турецки на полу. Шум был настолько сильным, что я не мог различить ни одного языка. Их одежда тоже напоминала униформу — все были одеты в почти одинаковые джинсы и толстовки.

Теперь в ЕС было так много чиновников и у них было столько детей, что для «аутсайдеров», каким когда-то был я, просто не хватало места. «Европейские школы» задумывались как модели для других, они должны были изменить местные сообщества. А теперь новый директор школы в Мюнхене признавался, что местные жители ее недолюбливают, потому что не могут отдать туда своих детей. Мой бывший наставник герр Хейм произнес еще более горькие слова: «Школы должны были стать педагогической лабораторией Европы. Вместо этого они превращаются в закрытые „элитные“ заведения».

«Европейские школы» закрылись от той самой Европы, которую когда-то надеялись преобразить. Я увидел в этом метафору самого проекта ЕС,

который изо всех сил пытается сформулировать, зачем он нужен европейцам.

—

Голосование по вопросу Брекзита стало своеобразным способом реконфигурации идентичности вокруг понятия «народа». Но было бы ошибкой думать, что это единственный способ реорганизации политической идентичности. К следующим выборам партия лейбористов быстро придумала свою формулу. Ее лозунгом стало: «В интересах многих, а не только избранных». Понятие «многие» включало в себя совершенно разные группы людей, от жителей севера страны, голосовавших за Брекзит и обиженных на зажиточных обитателей лондонского Вест-Энда, до самих этих обитателей Вест-Энда, голосовавших за то, чтобы остаться в ЕС, и считавших, что лейбористам следует инициировать повторное голосование по вопросу Брекзита. Лейбористы смогли собрать достаточно голосов на выборах, чтобы разрушить доминирование консервативной партии. «Народ» превратился во «многих», а «враги народа» — в «избранных».

Мы живем в эпоху pop-up популизма, где каждое социальное и политическое движение по-своему определяет «многих» и «народ», где мы раз за разом переосмысливаем, кто «свой», а кто «чужой», где в принадлежности к чему-либо никогда нельзя быть уверенным и где пузыри идентичности надуваются, лопаются, а затем возрождаются в какой-то иной форме. В этой игре побеждает самый гибкий и способный по-новому

расположить железные опилки разрозненных интересов вокруг новых магнитов смысла.

Победа лейбористов очень порадовала Шанталь Муффе, которая первой сформулировала идею популизма как стратегии и хотела «изобрести» левую идею заново в эпоху, когда категории экономических классов перестали быть такими жесткими, как в прошлом.

Ее муж Эрнесто Лакло уже скончался, но Муффе сохраняет былую активность. Во время наших встреч – сначала в Вене, а затем в ее лондонской квартире, полной цветов и книг, – она рассказывала мне, что, несмотря на то что живет в Великобритании с 1972 года, она никогда чувствовала себя британкой (к примеру, она не понимает британский юмор), но теперь замечает масштабные изменения, происходящие как в стране, где она прожила столько лет, так и в остальном мире.

По мнению Муффе, на протяжении нескольких десятилетий после 1980-х – и победы капитализма над коммунизмом в холодной войне – мы жили с ощущением «нормы», для которой, казалось, нет никакой альтернативы. Для людей, существовавших в условиях авторитарных режимов, понятийный аппарат был особенно важным, но Муффе заметила, что прежний смысл понятий дополнился экономическими интересами. «Выбор» стал оправданием для отказа от общественного контроля над школами и больницами, а «свобода» трансмутировала в распродажу государственной собственности.

«Тэтчер удалось убедить людей в том, что государство способно приносить пользу только угнетающим коллективистским путем, а приватизация приносит людям освобождение», – сказала мне Муффе по-

английски с сильным акцентом. В понятии «либеральная демократия», по ее мнению, произошел слишком большой перекос в сторону слова «либеральная», в результате чего финансисты получили больше привилегий, когда на самом деле нам было нужно больше «демократии» или того, что она называла словом «равенство». Казалось, что она изо всех сил хочет разграничить слова, которые, по ее мнению, были соединены вместе ошибочно.

Со времен финансового кризиса 2008 года все изменилось. Самые важные битвы за власть разворачиваются в пространстве, где слова, желания, смыслы и поведение постоянно соединяются и распадаются, — процесс, похожий на то, что «Хизб» называет «культивацией». Именно так теперь формулируется понятие «нормы». Муффе использовала для описания этого процесса термин «мета-политика», придуманный итальянским философом Антонио Грамши.

Муффе — не просто теоретик. Она сотрудничала с левым движением Podemos в Испании и La France Insoumise во Франции. Она рассказала мне любопытную историю о том, как французские левые политики ездили в регионы страны, традиционно голосовавшие за правых националистов и антииммигрантскую партию Марин Ле Пен, и пытались убедить жителей в том, что настоящие враги — не иностранцы, а финансовая элита, ввергавшая их в бедность. «Идентичность — это результат политических манипуляций», — заявила она.

Но, несмотря на весь энтузиазм Муффе, мне было неспокойно. Разве старые понятия свобод, если сейчас вообще можно использовать этот термин, возникли без серьезных на то причин? Муффе говорила о

потребности в харизматическом лидере, «агенте выражения мнения», способного объединить разные ожидания и обиды «народа» в новом смысле слова; о необходимости сильных страстей и выражении самых глубоких и подсознательных движущих сил. Она говорила и о том, как важно дать определение понятию «враг» (5). По ее мнению, этот процесс возможен в рамках демократических установок, но было несложно представить крен в самую страшную сторону.

Муффе согласна с тем, что мы живем в опасное время. Все может пойти в более авторитарном направлении или, наоборот, в более демократическом. Вопрос в том, как мы определяем понятия «мы» и «они».

Возможно, никто не понимал эту игру лучше Мартина Зельнера (с ним мы уже встречались в части 2), который использовал тактику протеста Срджи Поповича для продвижения своего видения «культурно однородной» Европы.

«Мы не хотим, чтобы Мехмед и Мустафа становились европейцами, — гласит манифест Génération Identitaire. — Европа принадлежит только европейцам. Потому что мы — Поколение Идентичности».

Зельнер, как и Муффе (и раньше Грамши), много говорил о мета-политике. Когда я снова связался с ним, на этот раз для сбора документального материала для радио BBC, он объяснил: «Наша цель как правого авангарда — показать людям, что завтрашняя норма не обязательно будет совпадать с тем, что кажется нормальным сегодня. Политическая „нормальность“ изменчива, динамична и относительна».

Он использует язык прав и свобод — особенно прав женщин — для достижения собственных целей. На одной из его акций идентитаристки

посетили митинг в поддержку прав женщин в Германии, где раздавали листовки с описанием случаев изнасилований, совершенных мусульманскими мигрантами (инциденты действительно имели место, однако подавляющее большинство сексуальных преступлений совершаются не бродягами-мигрантами, а людьми, хорошо знакомыми с жертвами). Во время другой своей акции Зельнер натянул мусульманскую бурку на статую императрицы Австро-Венгрии Марии Терезии в Вене. Но этот язык говорит не о насилии, он обращен к свободе слова, демократии и открытости к новым идеям...

«Наши враги бессильны, потому что они пытаются лепить на нас старые ярлыки и бороться с нами так же, как с правыми маргиналами, которым они противостояли несколько десятилетий назад», — заявил он в моей программе. Нужно сказать, что при подготовке программы все мы сомневались, не получится ли, что, предоставляя ему трибуну, мы лишь помогаем ему попасть в мейнстрим (если такой концепт все еще существует в принципе).

Сначала будущее наступило в России

Я размышлял о бесконечных трансформациях понятий «многих» и «народа», об отчаянных попытках на ходу заново изобрести идентичность, когда меня вдруг осенило — ведь я все это уже «проходил» в России, где жил с 2001 по 2010 год.

«Сначала я изобрел идею путинского большинства — а затем оно действительно появилось!» — рассказывал мне в Москве Глеб Павловский,

один из первых политтехнологов президента Путина.

Я уехал из России в 2010 году, потому что был измотан жизнью в системе, в которой (как я написал в своей предыдущей книге, бессознательно цитируя Ханну Арендт) «правды нет, возможно все». Это были сравнительно «вегетарианские» времена до вторжения в Украину (хотя его предвещали вторжение в Грузию и ковровые бомбардировки Чечни). Но это уже был мир, в котором картинка вытеснила смысл, и только внутреннее чутье могло помочь пробиться через туман дезинформации. Я вернулся в Лондон, наивно говоря себе, что хочу жить в мире, где «слова имеют смысл» и где каждый факт не отвергается с торжествующим цинизмом, как «простой пиар» или «информационная война».

Россия казалась страной, неспособной примириться с самой собой после проигрыша в холодной войне, да и после других травм XX века. Я думал, что это страна вечного цирка, курьез, замаринованный в соку собственной агонии.

Затем наступил переломный 2016 год, и все снова перевернулось с ног на голову. Казалось, что вокруг меня вновь моя знакомая Россия: тут и радикальный релятивизм, утверждающий, что истина непостижима; и мерзкая ностальгия, в которой растворяется будущее; конспирология заменяет идеологию, факты приравниваются к выдумке, а разговоры скатываются до взаимных обвинений в том, что каждый аргумент в споре — орудие информационной войны... И еще это ощущение, что под ногами нет опоры, все куда-то плывет и движется.

Но распространились не только нравы, которые я наблюдал в России, — сама страна превратилась в хедлайнера новостей: вторжение в Украину,

бомбардировки Сирии, хакерские атаки компьютеров в США, подкуп Европы… Путин ухмылялся мне с каждой обложки, смотрел с экранов вечерних новостей и, казалось, говорил: «Думал, убежишь?»

Несмотря на все мои усилия покинуть Россию, она преследовала меня. Что если я ошибался все годы, пока там жил? Что если Россия — не исторический курьез, зашедший в тупик? И вдруг она была предвестником того, что случится с Западом?

Задумавшись обо всем этом, я снова обратился к России, к корням системы, которые видел своими глазами, живя в Москве, и к девяностым, когда Лина снимала там свои фильмы. Я вновь связался с Глебом Павловским. Он согласился дать мне интервью по телефону. Я сидел в студии BBC, а он объяснял свою тактику по созданию идеи «большинства», или «народа», в России 1990-х. Его слова звучали поразительно знакомо.

«Коммунистическая идеократия была как бы неповоротлива, но она была идейным образованием. До самого последнего момента оставались какие-то идеи, с которыми можно спорить. Но у новых идей не было никаких других принципов, кроме отрицания советской власти, и поэтому буквально сразу после Беловежских соглашений возник вакуум. А для меня он стал ясен еще раньше — уже во время первой инаугурации Ельцина… Стоит посмотреть эту речь. Это какая-то невероятная смесь. Фьюжн. Гибрид самых несовместимых тем. Там и демократия, там и великая Россия. Там Россия — правопреемница Украины и Белоруссии, между прочим. Уже тогда, в девяносто первом году. И князь Владимир там тоже есть. Это была опасная пустота, которая заполнялась креативностью. Нам приходилось в каком-то смысле изобретать заново принципы работы политической системы — кто

как мог, кто как умел. Союз похоронила советская демократическая интеллигенция, но на другой день оказалось, что она не может ничего предложить новому государству, новой системе. Ее взгляды формировались в новом мире Твардовского — что с ними было делать в эпоху войны в Заливе, например?»

Представление о прекрасном «свободном» будущем развалилось в катастрофах ранних 1990-х. Политический ландшафт оказался усеян новыми микродвижениями, создававшими по ходу своего развития собственную терминологию: это были национал-большевики; «либеральные демократы», которые на самом деле были националистами; коммунисты, оказавшиеся, по сути, православными монархистами с социальными программами. Изучая результаты опросов в стране, Павловский обнаружил, что русские верят в противоречия, не вписывающиеся в прежние понятия «левого» и «правого». Большинство людей верили в сильное государство, если это не предполагало его чрезмерного вмешательства в их личную жизнь. На выборах советские категории типа «рабочего класса» и «интеллигенции» оказались бесполезны.

Чтобы собрать электорат для победы, Павловский попробовал другой подход. Вместо того чтобы концентрироваться на идеологических спорах, он брал различные, часто ранее конфликтовавшие между собой социальные группы и соединял их наподобие матрешки. Их мнения ничего не значили, нужно было просто набрать побольше народу.

«Надо собрать, как матрешку или как детскую пирамидку, нужные электораты на короткий период, буквально на момент, но так, чтобы они

все вместе проголосовали за одного человека. Для этого надо построить сюжет, историю, сказку, нарратив, который будет для них для всех общим».

Этой «сказкой» не могла быть политическая идеология: великие идеи, питавшие коллективные представления о прогрессе, к тому моменту умерли. Разрозненные группы нужно было объединить некоей центральной эмоцией: с одной стороны, достаточно мощной, чтобы всех связать, а с другой — достаточно расплывчатой, чтобы значить для каждого что-то свое. В 1996 году «сказка», которую Павловский писал для кампании больного и непопулярного президента Бориса Ельцина, играла на страхе, что в случае его поражения страна скатится в гражданскую войну. Павловский культивировал образ Ельцина как человека настолько безрассудного и опасного, что он способен погрузить страну в хаос, если проиграет. Основным мотивом было выживание, а основной эмоцией — страх потерять всё.

Агентство Павловского, «Фонд эффективной политики», принялось валять в грязи оппозиционную коммунистическую партию в духе сегодняшних «фейковых новостей» и «виртуалов». Павловский придумывал плакаты, якобы коммунистической партии, которые объявляли о скорой национализации жилья. Он снимал сюжеты с актерами, которые изображали активистов компартии и гневно жгли антикоммунистические произведения. Он нанимал астрологов, которые приходили на телевидение и предрекали, что победа коммунистов приведет к устрашающим событиям — даже войне с Украиной.

Ельцин победил, вопреки ожиданиям.

Павловский изобрел новое понятие «большинства», и сразу началась работа над следующим. Павловский постоянно организовывал опросы общественного мнения (в то время в России эта область деятельности начала активно развиваться).

«Избиратель хотел, чтоб его кандидат ворвался во власть, но со стороны власти же — из Кремля в Кремль, но не с улицы!» — рассказал Павловский в книге разговоров с болгарским политологом Иван Крастевым. «Кандидатам улицы российская улица не доверяла. Она предпочитала найти избранника своим агентом в Кремле, наподобие Штирлица».

Когда стало ясно, что с самым большим уважением люди отнеслись бы к «умному шпиону», русскому Джеймсу Бонду на посту президента, Кремль и его олигархи начали искать потенциальных преемников среди сотрудников бывшего КГБ. Они остановили свой выбор на Владимире Владимировиче Путине.

В итоге Павловский оказался в довольно странном положении. Нужно помнить, что он начинал как диссидент. В книге бесед с Крастевым (6) Павловский вспоминает, как еще школьником в Одессе 1960-х годов он разыгрывал взрослых, прикрепляя им на спины записки со словами «Голосуйте за Джона Кеннеди» — серьезная антисоветчина для тех времен. В молодые годы он распространял самиздатовские копии «Архипелага ГУЛАГ». Когда в 1974 году его арестовали сотрудники КГБ, Павловский, к собственному удивлению, не выдержал давления и сдал одного из своих знакомых. Позже он отказался от показаний, в результате чего тот человек отправился не в тюрьму, а лишь на небольшой срок в психиатрическую больницу. В начале 1980-х годов Павловский уехал в Москву, где

редактировал один из главных диссидентских журналов, «Поиски», а затем был снова арестован. На этот раз он признался, что виновен в «клевете на Советский Союз». Подобные признания считались постыдными в диссидентской культуре, которая выше всего ценила независимость личности в условиях государственного давления. После ареста в 1982 году Павловский провел несколько лет в тюрьме и ссылке. Он писал письма в КГБ, в которых утверждал, что органам нужно работать с диссидентами во благо Советского Союза. Его освободили в 1986 году. Во времена перестройки он продолжал верить, что реформированный и космополитичный СССР — куда лучший двигатель прогресса, чем потенциально расистский русский национализм. Его крайне занимала идея сильного централизованного государства, и в итоге к 1999 году он работал над тем, чтобы привести к власти кагэбэшника.

Главная цель «сказки» президентских выборов 2000 года состояла в том, чтобы собрать воедино всех, кто считал себя брошенным в годы правления Ельцина, и убедить их в том, что сейчас — последний шанс одержать победу. Речь шла о совершенно разрозненных сегментах общества, которые в советские времена, скорее всего, оказались бы по разные стороны баррикад: учителя и сотрудники секретных служб, ученые и солдаты, — и Павловский связал их всех в одно «путинское большинство»:

«Мы знали, что это будет большинство тех, кто не представлен в нынешней системе, то есть в ельцинской. Это те, кто проиграл. Что надо строить в основном из проигравших — они должны понять, что это их последний шанс выиграть. Второго не будет. А это была довольно обширная коалиция, между прочим. С одной стороны, в нее входила армия,

недовольная и бедная, нищая, коррумпированная, с коррумпированным руководством. Это было и ФСБ, которое было фактически вынесено Ельциным за рамки государства. С другой стороны, это были наукограды, институты, вся наука. Это были врачи, учителя. Вот такая парадоксальная коалиция, которую надо было собрать вокруг какого-то нарратива».

Лишь через несколько десятилетий, в эпоху, когда отмерли все мощные старые идеологии вместе с четко понимаемой конкуренцией политических идей будущего, Борвик и другие открыли, что главная цель состоит в следующем: заарканить разрозненные группы с помощью нового понятия «народа», собрать вокруг нечеткой, но сильной эмоции, которую каждый может интерпретировать по-своему, а затем скрепить этот союз рассказом о врагах, угрожающих подорвать порядок вещей.

Путин выиграл выборы — кандидатура выходца из секретных служб оказалась поистине провидческим решением в то время, когда новости стали заполняться жуткими сюжетами об исламистских террористах из Чечни, взрывающих бомбы в спальных районах российских городов, где сотни людей погибали под завалами.

После того как Павловский помог Путину стать президентом, в течение без малого двух десятилетий Путина у власти идея «большинства» видоизменялась и перетасовывалась множество раз, и ей всегда удавалось объединять разрозненные группы людей против постоянно менявшегося врага; сначала это были олигархи, потом либералы в крупных городах, а затем — весь остальной мир. Путин, подобно художнику-акционисту, позирует с голым торсом на фотографиях в образе удалого молодца; вместо идеологической доктрины он выступает с эмоциональными призывами

типа «поднять Россию с колен» (российской версией лозунга «Снова сделать [название страны] великой»).

В то время Павловский был очень занят. Он помогал создавать патриотическое молодежное движение «Наши», запустившее DDos-атаки на сайты Эстонии и преследовавшее диссидентов и журналистов. Само название этого движения свело политику к набору местоимений: «они», «мы», «наше», «не наше». По мнению Ильи Яблокова из Университета Лидса, который занимается анализом российских теорий заговора, частые выступления Павловского в СМИ в первом десятилетии XXI века вызывали у зрителей образ России, окруженной кольцом врагов, и Запада, планировавшего превратить Украину в «огромную зону для тестирования антироссийских технологий». «Путинское большинство», которое он сконструировал, стало «оружием для лишения своих оппонентов легитимности. Разделение общества на путинское большинство и его врагов превратилось в основную политическую тактику» (7).

В какой-то момент Павловский сам оказался по ту сторону границы, мысль о которой он так всем прививал, и выступил с мнением, что Путину не стоит возвращаться к президентству в 2012 году после нескольких лет на посту премьер-министра. Его вышвырнули из Кремля. Успев поработать в столь разных областях российского политического спектра, он до сих пор вызывает живой интерес, становится объектом обсуждений и героем новых «сказок» современной России.

—

Глядя на сегодняшний Запад, Павловский видит, что он проходит через те же изменения, что Россия в 1990-е годы, и запоздалую реакцию на аналогичный кризис.

«Холодная война разделила глобальную цивилизацию на две альтернативные формы, и обе обещали людям лучшее будущее, — рассказывал он мне во время интервью в студии BBC. — Несомненно, Советский Союз проиграл. Затем возникла странная западная утопия безальтернативности. Этой утопией управляли экономические технократы, считавшие себя непогрешимыми, но люди не могут жить целью экономического баланса. Но рухнула и она».

Из потока идентичностей и идеологий политические деятели на Западе в конечном итоге взяли на вооружение стратегии, поразительно похожие на стратегии Павловского, хотя и усиленные социальными сетями и огромными информационными массивами.

«Я думаю, что Россия первой пошла по этому пути, а Запад сейчас ее догоняет. В целом сейчас на Западе в некотором смысле протопутинизм», — саркастично отмечает Павловский.

В этом состоит огромный парадокс окончания холодной войны: будущее или, скорее, настоящее-без-будущего появилось сначала в России. А мы лишь пытаемся ее догнать. Впрочем, возможно, что здесь работает простая культурная логика: если наше собственное идеологическое единство отчасти основывалось на противодействии Советскому Союзу, то за его падением должно было последовать и наше.

В книге бесед с Крастевым Павловский упоминает своего наставника, российского историка Холокоста по имени Михаил Гефтер. Еще в начале

девяностых он утверждал, что с концом холодной войны придет конец и универсальному, объединяющему видению человечества, каждый будет сам решать, что такое «норма», придумывать свою «правильную» версию истории. Результатом, по словам Гефтера, станет эпоха «суверенных убийц». В отсутствие норм возникнет вакуум, в котором агенты хаоса будут вести себя по правилам, которые тут же для себя и придумают, и убивать людей, следуя собственной «суверенной» логике. Это было пророчество 2019 года из начала 1990-х.

Вероятно, нынешнему российскому режиму вольготно в этой вечно меняющейся, текучей среде, ведь он уже давно находит способы к ней адаптироваться. В его вездесущести нет ничего мистического; просто у него есть небольшая фора. Подбирать информационный посыл для каждой аудитории, постоянно переключать внимание публики на себя и создавать иллюзию собственной силы, лгать ради забавы, бросаться словами... Вот правила игры Кремля.

Если считать, что у всей «политической технологии» Павловского была одна основополагающая цель, то она состояла в возрождении идеи сильного государства в эпоху, когда оно распадалось на куски. Еще в 1990-е годы Павловский понял, что Кремль, даже будучи слабым, может внутри страны выглядеть сильным, распространяя такой образ по информационным потокам и медийным пейзажам. Теперь Путин, как сказал Павловский Крастеву, способен имитировать глобальное влияние, намеренно оставляя цифровые отпечатки пальцев своих хакеров и информационных операций по всему миру. «Все это лишь театр для мировых аудиторий. Theatro mundi!»

Часть 6. Будущее начинается здесь

Заключения и рекомендации

Перед тем как встретиться со мной на станции метро «Саут-Кенсингтон» в Лондоне, Найджел Оукс зашел на выставку под названием «Будущее начинается здесь» в музее Виктории и Альберта. Прогуливаясь по выставке, он вдруг застыл перед одним из стендов. У него участился пульс, он задрожал, и ему пришлось выбежать наружу глотнуть свежего воздуха.

Стенд с заголовком «Может ли демократия пережить интернет?» был посвящен деятельности компании с названием Cambridge Analytica, занимавшейся «глобальным управлением выборами». Компания утверждала, что ей удалось собрать 5 000 «элементов данных» о каждом американском избирателе: о том, что им нравилось и чем они делились в социальных медиа; как и где они совершали покупки; кто их друзья… Компания заявляла, что способна зафиксировать этот отпечаток вашего «я» онлайн, использовать его для понимания ваших глубоких побуждений и желаний, а затем на основании анализа менять ваше поведение как избирателя. Хвастовство, похоже, имело под собой все основания: Cambridge Analytica занималась победоносной президентской кампанией Дональда Трампа; она дважды успешно провела кампании для сенатора США Тэда Круза и для нескольких других кандидатов в Африке, Азии, странах Карибского бассейна и Латинской Америке.

Причиной столь сильного волнения Оукса стало то, что наконец он увидел доказательство своей правоты. Cambridge Analytica представляла

собой ответвление созданной им компании Strategic Communication Laboratories (SCL) и основывалась на его философии. Всю свою взрослую жизнь он пытался доказать, что ему удалось открыть секрет массового убеждения. Поначалу над ним смеялись, затем начали критиковать, а теперь его идеи были с помпой представлены на выставке будущего в знаменитом на весь мир музее.

Мы встретились с ним чуть позже в тот же день. Оукс был в сером костюме и кепке с логотипом SCL, низко надвинутой чуть ли не до самых васильковых глаз.

«Самое главное в большинстве рекламы и кампаний по организации влияния — то, что это полная чепуха», — говорит он мне в самом начале нашего разговора. Его мечтой, как он несколько раз повторяет, было создание совершенного оружия влияния. Оукс считает, что, как и любое другое оружие, оно может использоваться во благо или во зло. Он открыто признает свою аморальность.

Оукс далеко не сразу начал думать о «стратегической коммуникации». Поначалу он хотел стать композитором, но в Королевском колледже музыки не было курсов для композиторов, а кроме того он не умел играть ни на одном музыкальном инструменте достаточно хорошо, чтобы туда поступить. Закончив школу, он начал писать партитуры для театра, однако этим было практически невозможно заработать. Он до сих пор сочиняет свадебные органные пьесы в стиле позднего барокко. Оукс начинает блаженно улыбаться и напевать себе под нос мелодии, говоря о том, какое это счастье, когда целая толпа замирает от твоей музыки. Но молодому

человеку нужна была серьезная карьера, и в 1988 году он присоединился к рекламной компании Saatchi and Saatchi.

Оукс никогда не учился в университете, а в своей аристократической частной школе, Итонском колледже, всегда чувствовал себя менее образованным и богатым, чем остальные мальчики. Возможно, именно потребность преодолеть это чувство академической неполноценности заставило его прибегнуть к научному подходу в процессе работы на Saatchi. Он задал своим коллегам вопрос: способно ли агентство доказать, что его рекламные ролики действительно меняют поведение людей?

К великому удивлению, он обнаружил крайне мало эмпирических подтверждений этому. Рекламщики умели хорошо создавать яркие кампании, привлекавшие внимание (задать повестку). Они могли представить еду, политика или даже страну в более или менее позитивном ключе, связывая их с вещами, которые нравились или не нравились людям (подать информацию). Однако, по мнению Оукса, изменение отношения — это не то же самое, что изменение поведения. Возьмем, к примеру, курение. Рекламная кампания может показать, что курение способно вас убить. Курильщики согласятся с тем, что это плохо, но не откажутся от своей привычки. Если вы хотите, чтобы человек перестал курить, утверждает Оукс, вам нужно понять, почему он это делает. Так, в ходе своего исследования он выяснил, что молодые женщины курят, полагая, что это делает их более привлекательными. Поэтому, чтобы изменить их поведение, вы обращаете внимание на неприятный запах от волос и изо рта, который возникает от курения, то есть на то, что делает их непривлекательными.

В 1989 году Оукс основал Институт поведенческой динамики, задача которого состояла в том, чтобы собрать все исторические исследования на тему убеждения. В течение следующих четырех лет, получив поддержку от инвесторов из рекламного мира, он проанализировал исследования десятков ученых. Они писали, например, о том, как Геббельс, рейхсминистр пропаганды при Гитлере, ратовал за использование нацистского жеста вместе с выкриком «Зиг Хайль!», поскольку выяснил, что резкий сильный выдох с одновременным напряженным выбросом руки приводит к гипервентиляции легких, что делает аудиторию более восприимчивой к разного рода сообщениям, поскольку вводит ее в состояние, близкое к трансу.

Институт разработал новые методы для определения социальных групп. Описательные категории (возраст, пол, социальный класс) в качестве предсказателей поведения были очень ограничены. Оукс одним из первых начал проводить опросы силами студентов-антропологов, которые, обычно не раскрывая своей задачи, в течение долгого периода времени общались с людьми, выясняли, что те ненавидят, кому верят, чего хотят больше всего, какие друзья могли бы оказать на них влияние и что определяет их поведение внутри группы.

Одна исследовательская поездка особенно ошеломила Оукса. Это было в Москве в 1990 году. После того как он в течение трех дней читал лекции о рекламе в государственной энергетической компании «Газпром», ему предложили в качестве знака взаимного уважения и обмена знаниями экскурсию по научно-исследовательскому центру Службы А [1] КГБ. Ведущий научный сотрудник центра с радостью рассказывал Оуксу о своей

работе. Он имел возможность проводить исследования в целых поселениях, тестируя на них методы коммуникации и убеждения. На какой-то момент Оукс задумался об этике происходящего (можно ли убить кого-то, чтобы протестировать гипотезу?), но был слишком взволнован, чтобы серьезно в это вникать. Провести подобное исследование в Великобритании было просто невозможно. На дворе стоял ноябрь, и Оукс был одет в толстое пальто и горные ботинки, хотя у него в сумке лежали туфли под костюм на случай, если бы сотрудники КГБ попросили его выглядеть более формально. Здание не отапливалось, и вскоре он заметил, что все ученые, сидевшие в одной большой комнате с несколькими компьютерами, и сами были в верхней одежде. Чуть позже они сели обедать, и им подали суп. Хотя суп был водянистым, Оукс заметил, что ему дали порцию с косточкой и мясом, и понял, что это был знак гостеприимства. Исследование, которое проводила эта служба, было поистине грандиозным, но было видно, что сама система на грани развала.

В 1993 году Behavioural Dynamics Institute собрал свои выводы, и Оукс создал SCL, ожидая, что его завалят заказами. Но клиенты почему-то не торопились стучать в его дверь на Лотс-Роуд в Челси. Напротив, никто не мог понять, что он предлагает. Для чего тратить месяцы на исследование аудитории с помощью команд антропологов, чтобы потом торговать шоколадными батончиками?

Затем Оуксу позвонили из Южной Африки. Времена апартеида заканчивались, и черным гражданам впервые дали право голосовать — но сколько из них было готово пойти на избирательные участки? Оукса попросили определить, чьи призывы на выборы будут слушать жители

каждого региона. И это сработало. Оукс понял, что его стезя — выборы, а не шоколадные батончики. В 1995 году в Индонезии он убедил президента Сухарто, впервые проводившего выборы в своей стране, организовать совершенно разные политические кампании для тысяч островов страны и ее 200-миллионного населения. Это тоже сработало.

Были и другие выборы, но Оукс никогда не входил в первую лигу PR-компаний. Его методология была медленной и дорогой. Его клиентами были правители, которые могли нанять его, воспользоваться его исследованиями, а затем отказаться платить; а поскольку дело происходило в странах, где суды были не вполне независимы, то Оукс мало что мог предпринять для получения своих денег.

В 2008 году к SCL присоединился еще один «итонец», Александр Никс. Для Оукса он был особым представителем колледжа: он происходил из сказочно богатой семьи, изучал историю искусств, а друзья называли его Берти (прозвище родом из эдвардианской Англии). Оукс говорит, что Никс хотел перетащить исследования в цифровой век и заработать больше денег. Он умел лучше обходиться с клиентами. В 2012 году Никс забрал себе часть компании, связанную с выборами, и переименовал ее в Cambridge Analytica (позднее говорили, что упоминание престижного университета, с которым компания официально никак не была связана, производило сильное впечатление на американских клиентов).

Cambridge Analytica яростно тестировала различные способы тиражирования методологии «изменения поведения», внимательно наблюдая за тем, как люди пользуются социальными сетями. Компания изучала потенциал «психографики» — теории о том, что ваши предпочтения

в соцсетях и ваш язык способны предсказать ваш тип личности. Представьте себе, что вы управляете рекламной кампанией в поддержку права на ношение оружия. Если руководитель знает людей, склонных к чрезмерному беспокойству, то он может завалить их сообщениями, утверждающими, что личное оружие обеспечит им безопасность. В рекламных брошюрах компания хвастается, что ее подход увеличил явку сторонников их кандидатов на промежуточных выборах в США 2014 года на 30% и более.

В этом и состоит потенциальный кошмар новых медиа: понимание того, что наши данные могут знать о нас больше нас самих и что они используются для влияния на нас без нашего ведома. Самое страшное — это не то, что «они» знают обо мне что-то, что я считал приватным. С одной стороны, это неприятно, но с другой — это успокаивает, усиливая ощущение того, что есть некий стабильный «я», о котором я полностью осведомлен, и это помогает мне защититься от «них». Гораздо сильнее смущает идея о том, что «они» знают обо мне что-то, чего не знаю я сам, что я не тот, кем себя считаю. Возникает чувство, что ты растворяешься в данных и ими начинает манипулировать кто-то другой.

При этом Оукс заявил, что не верит, что лайки в фейсбуке и покупки продуктов онлайн способны заменить результаты многомесячных, глубоких полевых исследований. Он переориентировал свою работу на сотрудничество с западными военными. Вторжения в Ирак и Афганистан оказались неудачными отчасти потому, что никто даже не задумался о том, чтобы понять местное население. «Хотя бы к тому моменту, когда мы ушли из Афганистана, мы начали понимать местных. Мы ушли намного более

продуманно, чем пришли», — говорит Оукс. Он дал этой части бизнеса название SCL Defence.

В 2018 году журналисты записали разговор Никса с потенциальным клиентом из Кении о возможности использования проституток в качестве ловушки для его политических конкурентов. Позже выяснилось, что Cambridge Analytica получила доступ к данным 87 миллионов пользователей фейсбука без их согласия. Грязные подробности совершенно не соответствовали образу компании, заявлявшей о своем увлечении психографикой и высокими технологиями. Эти скандалы уничтожили Cambridge Analytica. Исчезли военные клиенты Оукса и SCL Defence: никакое правительство не хотело быть даже косвенно связанным с чем-то, имеющим отношение к Analytica. Но Оукс не обижен на Никса. Они были партнерами, Никс делился частью своей прибыли с Оуксом. И, несмотря на потерю бизнеса, Оукс чувствует, что они смогли выиграть интеллектуальную войну. Теперь все согласны, что влиять — значит понимать свою аудиторию лучше, чем кто-то еще, и умело подстраивать под нее ваши сообщения, а не насаждать идеологию сверху.

«Разве это не демократия? — задает риторический вопрос Оукс. — Когда вы даете людям то, чего они хотят?»

Его бывший коллега Никс выступил с аналогичным заявлением, давая показания британскому парламентскому комитету по дезинформации и «фейковым новостям», перед которым выступал и я в качестве одного из многих «специальных консультантов».

«Мы стараемся сделать так, чтобы избиратели получали сообщения по проблемам и политическим вопросам, интересным им более всего... И с

точки зрения демократии это может быть только благом», — заявил комитету Никс, нисколько не раскаявшийся ни в одном из своих поступков.

К тому моменту, когда я давал показания, комитет работал уже два года и стал одержим вопросом, в чем именно состоит «благо для демократии» в эпоху «информационного изобилия». Сначала он занялся «фейковыми новостями», но затем пораженные депутаты парламента услышали показания о том, как подстегивались через фейсбук этнические чистки в Бирме, как Кремль вмешивался в дела Европы и США, как публично доступная информация о людях использовалась для таргетирования в ходе политических кампаний. Члены комитета пришли к выводу, что «наша существующая правовая база больше не подходит для нашей цели».

> В такой среде люди способны принять и выразить свое доверие информации, которая подкрепляет их точку зрения, вне зависимости от того, насколько она искажена или неточна. Это приводит к поляризации взглядов и уменьшает основу для проведения разумной дискуссии, основанной на объективных фактах... Сама основа нашей демократии подвергается угрозе.

В феврале 2019 года я сидел в глубине зала в Палате общин, пока комитет из парламентариев-представителей всех партий и их советники занимались детальным редактированием своих «Заключений и рекомендаций». Это было лишь началом долгого процесса. Затем их отчет должен был поступить в правительство, а то, в свою очередь, должно было представить планы своих действий по данному вопросу в парламент для дальнейшего

обсуждения. Процесс редактирования в комитете был в высшей степени тщательным: парламентарии могли поставить под сомнение смысл каждой незначительной фразы и точность каждого аргумента. Все шло медленно, но я находил это странно обнадеживающим. Многие литературные произведения XIX и XX века высмеивали язык бюрократии, политики и права. Но в эпоху нестабильных смыслов такая медленная, формализованная работа комитета по оценке фактов имела налет героизма.

За спинами парламентариев на стене висела огромная картина с изображением сцены заседания Палаты общин в XVIII веке. На ней мужчины в париках вели элегантный спор, а все остальные слушали их внимательно и уважительно. Скорее всего, эта сцена была нереалистична — Палата общин всегда была шумным местом, полным грубиянов и лжецов, — но, по крайней мере, она давала идеализированное представление о том, что комитет, по-видимому, считал «разумной дискуссией» и «тканью демократии». Комната, в которой мы сидели, была обита дубовыми панелями и плотными, изумрудного цвета обоями с узором в виде «огурцов»; на стенах висели масляные портреты премьер-министров XIX века, в глазах которых читалось высокомерие и остроумие; камин был украшен резными деревянными геральдическими символами. В этом зале каждый ощущал себя частью традиции. Но насколько велики были шансы этой традиции адаптироваться к нашим временам?

Комитет начал свой отчет с необходимости сформулировать общий корпус определений. Изначально комитет был обеспокоен так называемыми фейковыми новостями, но затем обнаружил, что смысл этого

определения настолько расплывчат, что может обозначать любой контент, который кому-то не нравится. Тогда Комитет попытался сформулировать различие между «дезинформацией» (контентом, призванным вводить в заблуждение) и «ошибочной информацией» (контентом, который вводит в заблуждение ненамеренно). Однако многие из самых вредоносных кампаний, которые мне доводилось наблюдать, не обязательно использовали «дезинформацию». Но даже если мы выявим факт «дезинформации», может или должна ли она обязательно считаться чем-то незаконным?

Что если смысл «дезинформации» изменился и главным стало не донесение контента, а формирование поведения? Что если для этого как раз и используются все эти инструменты: боты, киборги и тролли, осознанно скрывающие свою идентичность, чтобы смутить аудиторию; кибермилиция, чья деятельность кажется вполне органичной, но на самом деле представляет собой часть скоординированных кампаний, осуществляемых с помощью фальшивых аккаунтов; множество «новостных» сайтов, которые казались независимыми, но в действительности тайно управлялись из одного источника и продвигали одну и ту же повестку? Разве нет у нас права знать, если то, что кажется нам естественным, на самом деле кем-то срежиссировано? Как на самом деле устроена подлинная реальность, с которой мы взаимодействуем?

Что, в конце концов, значит быть полноценным «демократическим» гражданином сетевого пространства, таким, о котором размышляет Срджа Попович? Как может виртуальный мир стать пространством, где «свобода»,

«права» и все другие важные слова, чья жизненная сила иссякла, вновь регенерируют и обретут смысл?

Как полагала специалист по кибербезопасности Камиль Франсуа, отчасти для этого необходима защита от скоординированных кампаний по преследованию и запугиванию со стороны власть имущих. Кроме того, нужна защита частной жизни — только вы сами должны решать, какая информация о вашей жизни онлайн должна оказываться в чьих-то руках и с какой целью.

Сидя в Палате общин, я начал представлять себе онлайн-жизнь, в которой любой человек сможет понимать, как вокруг него формируется информационная «метеорологическая обстановка»; почему компьютерные программы показывают вам один контент, а не другой; почему любая реклама, статья, сообщение или картинка нацелены именно на вас; какие из ваших собственных данных использовались для того, чтобы попытаться на вас повлиять, — и зачем; действительно ли какой-то контент популярен, или же его значение раздуто. Возможно, тогда мы научились бы в меньшей степени подвергаться влиянию невидимых нам «таинственных сил» и страшиться их по непостижимым для себя причинам. Мы могли бы взаимодействовать с информационными потоками вокруг себя на равных. Может быть, мы сами участвовали бы в принятии решений о том, какой должна быть информация вокруг нас, а общество вносило бы свой вклад в работу интернет-компаний, которые пока что неизвестным для нас образом формируют наше восприятие мира.

Если бы кому-то удалось внедрить эти принципы, то значительная часть каркаса информационной войны тут же исчезла бы. Мы стали бы

оценивать информацию не по тому, откуда она пришла – «оттуда» или «отсюда», – а скорее по тому, в каком виде она нам предложена, позволяет ли она взаимодействовать с ней на равных или же навязывается какой-то силой, которая пытается скрыть, каким именно образом вами манипулируют (1).

Сидя в изумрудно-зеленом зале под старинной картиной, изображавшей идеальную парламентскую демократию, я размышлял и о других идеях, способных помочь нам найти «основу для проведения разумной дискуссии, основанной на объективных фактах». В Дании мне впервые рассказали о так называемых конструктивных новостях – журналистике, которая не ограничивается обычной «балансировкой» различных точек зрения, а всегда пытается найти практичные решения для проблем, с которыми сталкивается аудитория. Она заставляет политиков делать обоснованные предложения, правильность которых сможет с ходом времени оценить любой человек. Такая журналистика связывает слова политиков с реальностью и порождает дискуссию, в которой факты вновь становятся нужны. Этот подход помог бы вернуть доверие к журналистике, потому что мы склонны доверять тем, кто работает вместе с нами во имя великой цели. И если ответственность за изменения снова окажется в наших руках, возможно, это даст нам шанс преодолеть ощущение беспомощности, которое создают политики – любители теории заговоров, внушающие нам, что только они могут стать нашими проводниками в опасном мире непреодолимых, тайных сил…

В Палате общин зазвенел колокол, призывавших участников к голосованию, вернув меня в реальность. Это была середина февраля 2019

года, и в парламенте все еще спорили о том, как именно Великобритания должна покинуть Европейский союз по итогам голосования о Брексите, выигранного Томом Борвиком и его командой двумя годами ранее. Возможно, к моменту, когда вы будете читать эту книгу, этот вопрос уже получит свой счастливый финал. Политический язык вновь станет ясным, политические партии будут представлять ясные интересы, все наше будущее тоже прояснится. Но в тот момент парламент был не похож сам на себя. На кривых каменных лестницах в псевдоготическом стиле, в узких коридорах, выкрашенных в зеленый и бежевый цвета, в переполненных барах и на террасах, почти падавших в Темзу, раздавались одни и те же слова, которые постоянно повторялись и звучали эхом друг друга: «Брекзит», «желание народа», «суверенитет». Мало кто понимал, что именно они означают. Борвику удалось выиграть голосование за счет того, что он общался со множеством аудиторий на множестве языков, и поэтому никто не мог понять, в чем именно состоит воля народа. Проголосовала ли страна за прекращение иммиграции? Или за защиту прав животных? «Брекзит значит Брекзит», — сказал премьер-министр, но что именно это означало? Отражал ли Брекзит интересы тех, кого лейбористы называли «многими» и которые теперь одержали победу над «избранными»? Зачастую те «избранные», против которых выступали лейбористы, заявляли, что именно они выражают «желание народа». Да и кого вообще представляли эти партии, когда в середине февраля 2019 года все они находились в состоянии «гражданской войны» — не только за лидерство, но за сам смысл своего существования?

Прыжок через стену

Британия, Россия, то, что мы раньше называли Западом, и множество стран, переживших «демократизацию» после окончания холодной войны, – все оказались в водовороте постоянных трансформаций понятий прогресса и идентичности. И несколько новых законов точно не смогли бы решить эту проблему.

Но что насчет Китая? Была ли у него другая, пусть не лучшая с моей точки зрения, но все же более осмысленная траектория? Концепция будущего, с которой можно было бы взаимодействовать, даже будучи против нее? Мог ли я найти будущее в Пекине?

Это был мой первый визит в страну. На паспортном контроле у меня взяли отпечатки пальцев, а затем сфотографировали, чтобы скормить снимок системе веб-камер, расположенных по всей стране. Теперь, где бы я ни находился, меня бы тут же опознали, – напоминание о том, что Китай – это почти что Дисмалэнд [2] систем массовой пропаганды и наблюдения. Власти используют практически все методы манипуляции и контроля, о которых я упоминал в этой книге, равно как и множество других. На западе страны действуют трудовые лагеря, будто позаимствованные у тоталитарных режимов начала XX века; жизнь других регионов напоминает 1970-е. В Китае есть свое правозащитное движение под названием «Хартия-08» (подписанная в 2008 году), название которой сознательно вторит «Хартии-77» (подписанной Вацлавом Гавелом и чехословацкими диссидентами в 1977 году). Как и диссиденты времен холодной войны,

многие китайские подписанты оказались в тюрьме или ссылке; некоторые покаялись по телевизору в своих «преступлениях».

Что до более современных техник, то здесь есть «50-центовая армия», названная так из-за 50 центов [3], которые ее участники получают за публикацию проправительственных комментариев в китайских социальных сетях. Исследователи из Гарвардского университета установили, что эти фабрики троллей пропускают умеренную критику, однако подвергают жестким нападкам любые намеки на протест. «Жители Китая свободны на индивидуальном уровне, но как коллектив закованы в цепи» — заключает исследование (2).

Многие западные сайты заблокированы в стране с помощью Великого китайского файрвола, и все жители вынуждены пользоваться услугами интернет-компаний, лояльных режиму. Если какая-то страна и начнет использовать данные для таргетирования людей в зависимости от когнитивных, психографических и поведенческих закономерностей, то это будет Китай.

Кроме того, в стране существует, пока еще в стадии доработки [4], «система социального кредита», обещающая собрать воедино информацию о поведении каждого отдельно взятого китайца — начиная с того, сколько денег он тратит на алкоголь, до состояния его финансов или регулярности визитов к родителям, — а затем высчитать на ее основе некий рейтинг, определяющий, может ли человек получить банковский кредит, работу или разрешение на выезд.

У Китая есть также целый набор подходов к информации, связанной с внешней политикой. Это и большая международная вещательная компания

CGTN, и тролли в социальных сетях, преследующие политиков из Тайваня, и серьезное давление на иностранных ученых, занимающихся исследованием страны (3). Составленный в 2013 году отчет Пентагона, посвященный китайской доктрине «трех войн» (экономической, медийной и правовой), заканчивался выводом, что «новое и важное измерение войн XXI века – вера в то, что убедительная история может быть важнее победы самой армии» (4). Этот вывод получил наглядное подкрепление в Южно-Китайском море, где Китай аннексировал значительные морские территории – сначала создав искусственные острова, а затем заявив, что ему принадлежат и воды вокруг них, и все это без единого выстрела.

Шагая по безукоризненному, амбициозному зданию аэропорта, построенного к Олимпийским играм 2008 года в Пекине и призванного подчеркнуть возрастающую мощь страны, я думал: «Какой же цели служат все эти технологии?»

–

2049 год. Эта дата повторяется в Пекине, как мантра, – в речах функционеров коммунистической партии, на плакатах, в выпусках новостей и публикациях в социальных сетях. Кажется, будто вся огромная страна сконцентрировалась на одной временной точке. Политбюро коммунистической партии заявило, что в 2049 году Китайская Народная Республика достигнет «полной модернизации». Кроме того, на 2049 год приходится 100-летие основания КНР – страны, которая до сих пор управляется коммунистической партией, созданной советскими агентами в

1920-е годы для распространения революции на Восток, но давно переросшей своего прародителя и превратившейся в нечто куда более странное.

Когда я впервые оказался в Пекине, идея 2049 года меня заинтриговала. Возможно, думал я, после лишенных будущего и словно сдувшихся Москвы, Лондона и Вашингтона, после всей этой туманной ностальгии я наконец найду намек на историческую перспективу?

Пекинский пейзаж усиливает впечатление прогресса: от узких улиц старого города, где работяги в белых жилетах спят в темных дверных проходах рядом с кастрюлями кипящего супа, через затянутые смогом бесконечные кубообразные коммунистические жилые кварталы, из-за которых Пекин порой неотличим от Москвы, и до кичливого и агрессивного центрального делового района с небоскребами, что кажутся одновременно гигантскими и словно бы присевшими на корточки — как титаны, справляющие бок о бок большую нужду. Рядом с ними располагается умопомрачительное здание штаб-квартиры компании CGTN, рассказывающей всему миру об огромном, неизбежном, незыблемом, устрашающем Китае. Издалека здание напоминает гигантскую пару штанов, развевающихся по ветру. Подойдя поближе, вы понимаете, что это — одна большая труба, две башни которой соединены вверху и внизу в конструкцию, которую дизайнеры называют «изогнутой трехмерной петлей», — огромного зубчатого уробороса из стали и стекла.

В кафе для сотрудников Университета Цинхуа — учебного заведения с безупречными лужайками, у которого даже есть собственный оперный театр, — я спросил двух ученых, что должно принести стране будущее к 2049

году. Они тут же принялись спорить между собой. Один защищал официальную точку зрения, что Китай все еще идет по пути коммунизма. Но поскольку коммунистическая идея объективной истории предполагает, что коммунизм должен развиться из капитализма, партия, по его мнению, создала собственную версию капитализма для того, чтобы потом ее преодолеть и вернуться к истинному коммунизму. Другая ученая полагала, что Китай воспользовался капитализмом, чтобы вернуться к прежней модели китайского величия, к конфуцианской империи, которую, как она утверждала, мало интересовало линейное историческое развитие. Предполагалось, что в 2049 году Китай вернется к прошлому без будущего.

Это описание Китая что-то мне напоминало.

На следующий день я встретился с Анджелой Ву, уроженкой Пекина, занимающейся вопросами СМИ и коммуникаций и преподающей в Нью-Йоркском университете. Она изучала формирование политической идентичности в китайском интернете. Я хотел, чтобы она объяснила мне, что на самом деле значит выступать в Китае «за режим» или «против него».

Идя вдоль запруженного машинами шоссе, мы рассматривали плакаты со свежими правительственными лозунгами:

«За единое коллективное будущее человечества!»

«Демократия! Свобода! Справедливость! Дружелюбие!»

Лозунги настолько противоречили реальности, что все эти красивые слова в конечном итоге лишались первоначального смысла и превращались в сигналы, которые просто нужно было покорно повторять в знак лояльности.

Мы шли в школу, где в детстве училась Анджела и где началось ее собственное исследование «самозарождения» в китайском интернете.

На стенах школы висели фотографии самых успешных выпускников с названиями университетов, куда они поступили. Фотографии были заламинированы для защиты от дождя. Подавляющее большинство выпускников отправилось в США. Напротив здания располагались огромные спортплощадки, где Ву и начала открывать для себя политическую идентичность, причем совершенно случайно. В школьные годы она никак не могла понять, почему ей не разрешили вступить в комсомол. Ее не приняли из-за низкой «политической грамотности», хотя в то время она вообще не думала о политике. Наконец учитель объяснил ей, в чем дело. Каждое утро все ученики школы должны были собираться на площадке для «радиогимнастики»: массовых физкультурных упражнений под музыку и инструкции, раздававшиеся из репродуктора. Официально это было просто спортивным упражнением, но учителя использовали его для измерения степени «политической грамотности»: кто из учеников был готов полностью отдаться коллективным действиям? Ву считала себя слишком крутой и умной для того, чтобы чересчур старательно выплясывать. Она не видела в этом никакой формы политического протеста, однако это видели учителя и делали выводы.

Позже, уже во время учебы в Китайском университете Гонконга, Анджела начала больше интересоваться устройством системы, в которой выросла. В библиотеке она обнаружила книги с фотографиями китайцев, убитых после антиправительственных протестов 1989 года на площади Тяньаньмэнь — неудачных, в отличие от большинства других восстаний по

всему миру во время огромной «волны демократизации». В континентальном Китае она никогда не видела фотографий этих событий, и они произвели на нее ошеломляющее впечатление. Но даже в этих книгах присутствовала государственная цензура: вместо фотографий гражданских лиц, убитых солдатами, там были фотографии правительственных солдат, предположительно убитых демонстрантами. Кто-то из предыдущих читателей написал рядом с этими фотографиями слово «Ложь!». Разница между Гонконгом и Китаем, подумала Ву, в том, что власти Гонконга были все-таки вынуждены напечатать книги со своей версией случившегося в 1989 году, в то время как в континентальной части страны эта история полностью замалчивалась.

Все это происходило в 2008 году, в период расцвета китайской блогосферы. Однако Анджела обнаружила, что ее раздражает то, как делят политическую идентичность на категории и сам режим, и его оппоненты. Первая категория описывалась как «правое крыло»; предполагалось, что ее сторонники выступают «за свободу» и западные ценности, видят в государстве источник всех зол и поддерживают самые разные идеи, начиная от прав человека и заканчивая наиболее радикальными экономиками свободного рынка. Противоположная позиция носила название «левого крыла». Его сторонники воспринимали вмешательство государства в экономику как жизненную необходимость и поддерживали китайское правительство во всем, за исключением культурной открытости в отношениях с Западом. Ву чувствовала, что обе категории совершенно неприменимы в ее случае: что, если кто-то, к примеру, верит в права человека, но не поддерживает либертарианские идеи в экономике? (5)

Поступив в докторантуру Северо-Западного университета США и занявшись вопросами медиа, технологий и коммуникаций, Анджела обнаружила в американском анализе Китая другие клише, воображавшие внутренне свободных и свободолюбивых пользователей интернета, вынужденных молчать под гнетом государства и готовых прыгнуть в объятья американского варианта демократии, как только им удастся освободиться от цензуры.

Анджела захотела понять, что именно определяет политическую идентичность в Китае. Она начала с анализа проблем, по отношению к которым пользователей китайского интернета действительно можно было бы разделить на группы. Она выяснила, что экономические вопросы, несмотря на теорию «правого» и «левого» крыльев, не вызывали особых споров; большинство имело довольно туманные представления об экономике в целом. Люди не спорили и относительно цензуры: и сторонники, и противники правительства хотели бы, чтобы ее было меньше. Вместо этого основное различие было связано с тем, что Ву называет «идеологией Китая как сверхсилы»: милитаризированный национализм с территориальными претензиями, намерением доминировать над остальными; представление о Китае, окруженном врагами, плетущими против него постоянные заговоры; об унижении, которое испытала страна от европейских колониалистов в XIX веке и от которого партия пообещала избавить страну за счет восстановления прежнего величия. Одни люди поддерживали эту позицию, а другие — нет.

Вместо альтернативы Китай, похоже, предлагал просто разновидность того, что я уже видел в США и России, — торговлю ностальгией по былому

величию, за которым последовало «столетие унижений» — наподобие того, как Путин обещал «поднять Россию с колен», а Трамп — «снова сделать Америку великой». Китайское правительство даже заговорило об угрозе цветных революций.

Определив партийную линию, Ву захотела больше понять о ее противниках. Ее «чашкой Петри» стал Bullog — сайт с блогами оппозиционных писателей, публицистов и поэтов. Она сама долгие годы была преданным читателем Bullog и хотела больше узнать о посетителях сайта. Что у них было общего?

Она проехала через всю страну, по большим и малым городам, в которых никогда прежде не бывала. Оказалось, что читатели Bullog происходят из совершенно разных слоев: это и госслужащие из внутренних провинций страны, и модно одетые студенты из огромных городов на побережье, и бизнесмены-самоучки, и домохозяйки. У них не было какой-то согласованной позиции по экономическим вопросам, но после 27 интервью Анджела начала замечать закономерность. Многие из них еще с молодых лет были ненасытными читателями (6). Причем читали не только то, что были обязаны, но и массу художественной литературы, пьесы, поэзию. Эти результаты соответствовали данным предыдущих исследований Ву — чем больше художественной литературы вы читаете, тем легче вам представлять реальность, не похожую на ту, которая вас окружает.

По мере взросления будущая аудитория Bullog переключалась с книг на другие медиа — продолжая испытывать к ним глубокие чувства. Один мужчина рассказал ей, что, когда в его глухую деревню пришло телевидение, он заплакал — это была его первая связь с внешним миром.

Другие говорили, что предпочитают компанию блогов и газет своим друзьям и родным.

Такая плотная связь с медиа, в свою очередь, привела их к пониманию того, до какой степени их картина мира и сами личности были сформированы этими медиа. Затем наступал момент осознания, насколько двулично ведут себя государственные китайские СМИ. Для многих понимание приходило после национальных катастроф, землетрясений или крушений поездов, которые правительство пыталось замалчивать. А затем у них возникало ощущение, что режим «промывает им мозги» и им нужно «очиститься» от информации, которую они потребляли всю свою жизнь (7).

Так началась дорога, которую они сами называли «прыжком через стену». Они имели в виду Великий файрволл, цензурирующий китайский интернет. Поиск путей для преодоления стены с помощью различных компьютерных программ превратился в настоящую субкультуру со своими правилами и жаргоном.

Впрочем, те, кому удается перебраться через стену, не всегда находят за ней «реальность» или твердую почву под ногами. Да, им попадаются китайские ресурсы, направленные против режима, но многие из этих сайтов сами потакают дезинформации. Да и Запад тоже сложно назвать оплотом взвешенных фактов. Поэтому искатели правды идут дальше и дальше, пытаясь определить, кто же они, — и бесконечно перескакивая через все новые стены.

Анджела призналась, что была не слишком довольна результатами своего исследования. Оно не дало того ощущения ясности, на которое она рассчитывала. Теперь она сосредоточилась на анализе «больших данных», и

результаты этой работы выглядели убедительнее. Впрочем, как раз отсутствие четкой финальной точки мне и показалось наиболее увлекательным. Я сразу вспомнил о том, как в Европейской школе понятие «европейца» предполагало не создание некоей новой сверхидентичности, а способность легко перемещаться между ними и менять их при необходимости. И о том, как Рашад помогал людям, попавшим в капкан экстремистов, заново пересобирать себя, чтобы они могли снова стать одновременно мусульманами и британцами, азиатами и уроженцами Йоркшира.

Что касается фанатов Bullog, то они могли заново, раз за разом перепридумывать себя благодаря СМИ, телевидению, радио, книгам и блогам.

В тот жаркий день в Пекине, застряв в пробке на эстакаде и глядя на «изогнутую петлю» здания CGTN, я почему-то вспомнил о первом рассказе Игоря, «Читая Фолкнера». Он показался мне странно уместным, словно говорил вовсе не о холодной войне (или же о том, что необходимо найти новое определение для холодной войны). Автор рассказа постоянно пишет и переписывает свою собственную жизнь и вспоминает родной город — Черновцы — в различных стилях и жанрах, на что сильно повлияла книга «Шум и ярость» его любимого писателя Уильяма Фолкнера. Этот рассказ в каком-то смысле посвящен нашим отношениям с медиа. Он наполнен звуками пишущих машинок, радио и поэзией (а для моих родителей обувные коробки с самиздатом, радиопередачи и стихи буквально стали вещами, изменившими их жизнь).

В самом начале рассказа автор пытается понять, в какой момент у него появляется ощущение себя — отсылка к книгам Фолкнера, уделявшего неустанное внимание возникновению самосознания. Для начала Игорь задается вопросом, начинается ли идентичность с политики?

> Я в комнате, где музыка и дым. Напряженная спина отца... Жуть газетных передовиц; какие тяжелые слова ворочает отец: машинно-транспортная станция, [партийная] директива... С этого начался Фолкнер? Нет.

Может быть, идентичность зарождается в религии или вероисповедании?

> Полдень, шлемы куполов, стремительные ступеньки, мы в майках, нам — шесть, прохладная духота церкви. Сбоку и сверху голос отдельно, оспенное лицо отдельно: «А ты, жиденок, ступай отсюда...» Так начался Фолкнер? Нет.

И после этого Игорь стремится куда-то еще — туда, где (если я правильно его понимаю) в присутствии другого человека и появляется идентичность.

> Девочка, на берегу тебя. Как высоко небо. Как глубок поцелуй. Мы не на «ты» — на «я». Не вхожу — заплываю далеко в тебя: мимо — буйков, горизонта — мимо; оглянувшись, не видел кромки суши, радовался. Ты помнишь, десять июлей тому ты входила, столькожелетняя, в дух захватывающее Черное море и была в нем теплым течением. Но при чем здесь Фолкнер? При чем. При чем!

Каждый раз, читая эти строки, я думаю о том, что совсем скоро после того, как Игорь их напишет, КГБ арестует его, выходящего из того же моря.

Черновцы/Czernowitz

За десятилетия, проведенные за пределами Черновцов, Игорь научился по-новому смотреть на свой родной город.

В детстве он смутно осознавал, что когда-то это была далекая провинция Австро-Венгрии, но не имел никакого представления о литературном богатстве тех краев. Только во время разговоров в Киеве, Австрии и Израиле он узнал, что до Холокоста, войны и появления советской армии его края были родным домом для целого ряда знаменитых немецких и австрийских поэтов и писателей (Пауль Целан, Роза Ауслендер, Грегор фон Реццори), легендарных раввинов и израильских беллетристов (Аарон Аппельфельд), румынских классиков и великих австро-венгерских теноров, экономистов и биохимиков, которые появились в этом крохотном городке в результате какой-то невероятной трагической вспышки энергии в начале XX века. Память о них в Советском Союзе подавлялась, и, только приехав на Запад, Игорь начал встречаться с людьми, которые при упоминании им своего родного города вдруг оживлялись: «Вы из Черновцов? Это же город гениев!»

А до начала австровенгерской эры город уже прожил целую жизнь отдаленного форпоста Османской империи. У этого небольшого клочка земли есть множество историй, слабо связанных между собой: турецкиая и венская, румынская, советская и украинская. У него были и разные названия: Чернівці´, Czernowitz, Черновцы, Cernăuți, Czerniowce, Csernovic, Chern. Вдали от родного

города Игорь вдохновлялся даже его тюрьмой, построенной в начале XIX века. Площадь, на которой она стоит, сначала называли Криминальной, затем — Советской, а теперь — Соборной. Сколько слоев проклятий, стихов и клятв было выцарапано на стенах ее камер, на скольких языках и скольких правителей проклинали узники?

В течение нескольких десятилетий Игорь пытался создавать на радиоволнах и в книгах мир, объединяющий различные культуры и таким образом способный стать для него родным. И все это время в его распоряжении было множество материалов о Черновцах, чтобы вернуть из забытья всю его утраченную историю, подобно тому как компьютерные ученые обнаруживают неизвестные прежде взаимосвязи в бесконечных массивах данных.

«Когда мы росли, — писал Игорь, — мы были маленькими варварами. Я и мои друзья читали книжки взапой, но при этом были варварами. Мы не чуяли под ногами почвы. Мы не знали, какие золотые жилы топчем, по каким бесценным руинам ходим. Конечно, варвары мы были необычные — у нас за плечами была русская литература, американская, французская, — но варварство — это отсутствие памяти, памяти исторической, культурной».

С 2009 года Игорь начал снова ездить в Черновцы и организовывать в своем городе поэтические фестивали. Туда приезжали поэты со всего мира, желавшие увидеть забытый дом своих героев из мира литературы. Старые лекционные аудитории, библиотеки и кафе, давно забывшие о своем многоголосом прошлом, внезапно услышали слова на немецком, на идише, на иврите, звуки румынской, украинской, русской, польской речи, слова на английском, фламандском, французском, испанском…

Цель Игоря состояла в том, чтобы пробудить память города, не потому что прошлое можно вернуть, а потому что это может придать импульс для понимания Черновцами и всей Украиной себя в будущем, за пределами тупиков информационной войны.

Сейчас Игорь и Лина живут в Праге, в городе, в который в 1968 году вошли советские танки — вторжение, которое так настроило Игоря против советского режима. Именно здесь теперь располагается Радио Свободная Европа, которое пригласил в 1995 году тогдашний президент Вацлав Гавел в знак благодарности за поддержку со стороны западных «голосов» в годы холодной войны. Гавел уже умер, а тех, кто до сих пор пропагандирует его идеалы «жизни по правде», часто презирают как наивных «гавелоидов». РСЕ живет в странном подвешенном состоянии — ее работа все еще посвящена тем идеалам, которые США, возможно, не будут поддерживать в будущем, даже на словах. Уже неправильно называть эту организацию «радио», поскольку она пытается совместить телевидение, подкасты и тексты. Вряд ли можно считать точным и слово «Европа» в его названии — большинство редакций ориентировано на страны Средней Азии и Ближнего Востока. Центрально- и восточноевропейские редакции были закрыты после того, как эти страны начали вступать в ЕС. С тех пор Венгрия и Польша вновь начали заигрывать с авторитаризмом. Во главе этих стран встали политики-националисты, которые когда-то были антисоветскими диссидентами, но для которых «национальные права» оказались не тем же самым, что «права человека». Оказалось, что даже слово «антикоммунист» не может само по себе выражать четкую политическую идентичность.

Завтра утром Игорь пойдет на работу. Он — последний ветеран холодной войны на «Радио». Когда сюда на экскурсии приводят школьников, на него показывают, как на музейный экспонат. Он все еще мечтает о радио будущего, которое может «соединить душу человечества», уловить эхо и взаимосвязи между историями в Маниле и Санкт-Петербурге, Мехико и Таллине. В одной из своих последних книг Игорь рисует трагикомичное альтер-эго, работника международной радиостанции, одержимого идеей воскрешения людей с помощью силы радио, — в этой истории странным образом переплетаются мания величия и реальная власть, дарованная сотрудникам СМИ. Этот замысел впервые появился у Игоря, когда он вспомнил о политических заключенных в годы холодной войны, которые узнавали о том, что об их преследовании говорят западные «голоса». После этого им казалось, что они получили несколько минут свободы или хотя бы возможность размяться на свежем воздухе — они получали вторую жизнь на радиоволнах после того, как тайная полиция лишила их первой. Теперь же альтер-эго Игоря стало передавать это ощущение дальше:

Я выпустил в космос тысячи голосов.
Это значит, что по законам физики
эти голоса будут жить вечно.
Кто бы мог подумать: какой-то служащий
с геморроидальным цветом лица,
блеклым голосом
каждый день ходит в контору,

кого-то записывает, а после…
да, после дарует людям бессмертие!

Половина учебного года позади, и на коротких каникулах моих девятилетних сыновей-близнецов я отправляюсь с ними к моим отцу и матери. Детям очень интересно, выглядит ли мир сейчас так же, как в годы молодости Лины. Она пытается объяснить, на что был похож Киев в 1970-е годы. Многое кажется им диким («Игоря арестовали за чтение книг? Как это? Почему?» — спрашивают они). А кое-что звучит на удивление знакомо.

«У меня было ощущение, что все большие, официальные слова вокруг нас уже ничего не значат, — говорит Лина. — Они были как старое белье, развевающееся на ветру».

А затем она цитирует строку из стихотворения: «Дурно пахнут мертвые слова».

Меня окружают мертвые слова. Если говорить точнее, утратили власть унаследованные мной ассоциации слов и образов, историй и смыслов. Вид поверженной статуи диктатора все еще важен для людей, живших в его времена, но я уже не могу установить моментальной связи между этим образом и историей о великой свободе. Миллионы людей, выходящих сейчас на улицы города а-ля 1989-й, не обязательно олицетворяют счастливое будущее. И, возможно, это совсем не совпадение, что любимым жанром в социальных сетях стали мемы: исковерканные людьми картинки, значение которых меняют подписи к ним, симптомы времени постоянной нестабильности смыслов. Так что теперь кто угодно может взять изображение курительной трубки и поставить под ним подпись: «Это не трубка» [5].

Старые ассоциации были несовершенны, зачастую — неверны. Однако было понятно, почему именно они лучше всего удерживаются в памяти. Некоторые образы и слова были табуированы, поскольку они были маленькими узелками, связывавшими в единое целое понятие недопустимого. Теперь же эти узелки понемногу развязываются. В 2018 году в Венгрии можно было увидеть плакаты, обвинявшие от имени правительства еврейских финансистов в подрыве основ нации и сделанные в визуальной стилистике, напоминавшей 1930-е годы. Но это никак не мешает развитию тесных связей между президентом Венгрии и премьер-министром Израиля, как будто последнего совершенно не волнует, что он дружит с любителем нацистских символов. В США, когда критика действий президента получает ярлык «маккартизма», а деятельность российских троллей сравнивается с терактами 11 сентября или Перл-Харбором, это совершенно лишено контекста — словно бы комментаторы бродили вокруг обломков разбившегося самолета в пустыне и колотили гаечными ключами по реактивным двигателям, производя впечатляющий грохот, не имеющий при этом к мотору никакого отношения. Самая популярная газета в Британии называет независимых судей «врагами народа» и призывает карать саботажников, противостоящих правительству. Она использует язык, очень похожий на тот, который применялся в Советском Союзе для оправдания массовых убийств, а в наше время служит лишь для оскорбления памяти об этих злодеяниях.

Когда я приступал к работе над отрывками о моих родителях для этой книги, я начал изучать то, как сильно все менялось от века к веку. как костенели от столетия к столетию слова «свобода», «демократия», «Европа»,

как своего смысла лишались, порой принудительно, целые жанры искусства. Как ни странно, я почувствовал, что открываюсь тем переживаниям, с помощью которых эти слова вновь обрели силу, а это значит, что в будущем у них есть возможность возродиться.

Через неделю мы вернулись в Лондон, и я снова повел детей в школу по идущей вверх дороге. Это викторианское здание, а у входа на флагштоках развеваются флаги всех стран, дети из которых там учатся. Это напоминает здание ООН, и половина флагов мне не знакомы. Какая перестройка идентичности нас ждет в будущем? Появятся ли новые и более жесткие границы для «народа» и «не-людей»? Я жду, что близнецы вот-вот начнут задавать мне вопросы. Мы англичане или русские? Евреи? Европейцы? Украинцы? Что вообще означают эти слова? И уже сейчас я с беспокойством думаю, что им ответить.

«Настоящие вы — на пересечении всех этих понятий! Вспомните Черновцы!»

Интересно, поймут ли они слова Игоря, если я их процитирую? Или что-то уже и так передано?

На днях близнецы играли в парке по соседству. К ним подошел какой-то ребенок и начал спрашивать: «А вы кто? Кто вы? Отвечайте!..»

Наступила пауза. Что скажут ему близнецы? К какой нации, племени, группе «своих» или «чужих» они могут себя причислить? И что за ключ для понимания будущего нам даст их ответ?

Близнецы серьезно обдумали этот вопрос. Затем повернулись к мальчику и сказали в унисон: «Я — Супермен».

Мальчик ответил: «А я — Бэтмен».

Благодарности

Эта книга основана на ряде статей и эссе, опубликованных в изданиях Granta, Guardian, журнале American Interest и London Review of Books. Я бы хотел поблагодарить своих редакторов из этих изданий за то, что он дали мне возможность развить свои идеи. Ничто из этого не было бы возможно без поддержки и советов всех вас: Сигрид Раусинг, Люк Нейма, Прю Роуландсон, Джонатан Шейнин, Дамир Марусич, Даниэль Соар, Мэри-Кэй Уилмерс и Томас Джонс.

Зиновий Зиник, Фрэнк Уильямс, Сева Новгородцев, Питер Уделл, Маша Карп и Диран Мегреблян поделились со мой детальными и глубокими рассказами об истории Русской службы BBC. Сергей Данилочкин и Арч Паддингтон сделали то же самое в отношении Радио Свободная Европа. Мартин Дьюхерст был для меня источником ценнейших наблюдений на протяжении многих лет. Михаэе Жантовски консультировал меня о Вацлаве Гавеле, а Марио Корти — о «Хронике текущих событий».

Хлоя Колливер и Мелани Смит по-дружески помогли мне разобраться с основами анализа данных. Ник Калл был моим главным источником знаний об истории пропаганды. Благодарю также Леонарда Бернардо и Криса Уокера.

Спасибо Энту Адеану, прекрасному продюсеру программ на канале BBC Radio 4: «British Politics: Russian View» (трансляция 9 июля 2018 года) и «War for Normal» (трансляция 28 января 2019 года). Он, а также Энн Эпплбаум, Даниэль Соэр и Бен Уильямс оказали мне огромную редакторскую

поддержку. Каролина Стерн, моя чудесная коллега по Лондонской школе экономики, помогла мне с переводом многих материалов.

Я выражаю огромную благодарность Полу Коупленду и моим родителям за их время, терпение, многочисленные вычитки и улучшения текста. Моя тетя Саша постоянно меня поддерживала, а моя жена и дети отнеслись к этой работе с огромным пониманием.

Произведения Игоря Померанцева: «Читая Фолкнера» (Париж: журнал «Синтаксис». 1979. № 5, в сокращении), «КГБ и другие стихи» (М.: НЛО, 2010); «Око и слеза» (Сучаснiсть. 1979. № 4); «Право читать», обратный перевод с украинского (Сучастнiсть. 1979. ч. 7–8); «Radio Times», перевод Фрэнка Уильямса.

Документальные фильмы Лины Померанцевой: «Tripping with Zhirinovsky» (реж. Павел Павликовски, 1995); «The Betrayed» (реж. Клайв Гордон, 1995); «Mother Russia's Children» (реж. Том Робертс, 1992).

Радиопрограммы, упомянутые в тексте: «Reading Faulkner», narrated by Ronald Pickup, трансляция на BBC Radio 3, 2 августа 1984 года.

[1] Deep fake (*англ.*) – цифровая фальсификация изображений и видео, сделанная с использованием искусственного интеллекта. – *Здесь и далее примечания редактора.*

[2] «Исламское государство» (ИГ), ранее «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) – международная экстремистская террористическая организация, запрещена в России.

[3] Pop-up populism (*англ.*) – современная форма популизма, сочетающая традиционные популистские приемы с точечным воздействием на нишевые группы электората в соцсетях.

[4] Identitarianism (*англ.*) – новое европейское правое течение, выступающее за возврат к традициям и возрождению европейской идентичности.

[5] Подробнее о киборгах см. с. 87.

[1] SPAM – марка американских мясных консервов, известная своей назойливой рекламой после Второй мировой. Считается, что именно она дала название надоедливым рекламным рассылкам на заре интернета – спаму.

[2] Инфлюенсеры (от *англ.* influence – «влиять») – люди в соцсетях, чье мнение важно для определенной аудитории.

[3] «Аль-Каида» – одна из крупнейших международных террористических организаций. Запрещена в России.

[4] В терминологии вычислительных систем – отношение количества вычислений, производимых задачей, к количеству сообщений, которыми она обменивается с параллельными потоками или процессами.

[1] Laughtivism (от *англ.* laugh – смех) – активизм с помощью юмора.

[2] Тоомас Хендрик Ильвес был президентом Эстонии с октября 2006 года по октябрь 2016 года.

[3] Корпоративный сайт Facebook для публикации новостей, статей и пресс-релизов.

[4] Génération Identitaire (*фр.*) – «Поколение идентитаристов».

[5] Михаил Бахтин (1895–1975) – русский философ, культуролог.

[1] Фактчекинг (*англ.* fact checking) – проверка достоверности сведений.

[2] Эгон Ланский (1934–2013) – чешский журналист, публицист, дипломат, вице-премьер чешского правительства (1998–1999).

[1] «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» – международная панисламистская политическая партия, запрещенная в ряде стран, в том числе и в России, где признана террористической организацией.

[2] Харам – греховные, запретные действия в исламе.

[3] Кяфир – понятие в исламе для обозначения неверующих в Единого Бога и посланническую миссию хотя бы одного из пророков ислама.

[4] Одним из предвыборных обещаний Трампа было «осушить болото», избавить госаппарат от кумовства, коррупции и бюрократизма.

[5] Сторонники сохранения «американской идентичности», противники миграции, группа с наиболее низким доходом и уровнем образования, одна из самых многочисленных групп, поддерживающих Трампа.

[6] Одна из самых популярных современных политических партий Италии.

[7] Пошаговая стратегическая игра, цель которой – захват территорий других игроков, выпущена в 1957 году во Франции.

[1] Подразделение, занимавшееся влиянием на общественное мнение.

[2] Временная арт-выставка в виде тематического парка, открытая Бэнкси и 58 современными художниками в Сомерсете (Англия) в 2015 году и просуществовавшая 36 дней.

[3] Считается, что за один проправительственный пост участник получает 0,5 юаня.

[4] На момент подготовки русского издания книги Система социального кредита тестировалась в ряде провинций Китая. Полностью заработать в стране она должна в 2020 году.

[5] Отсылка к знаменитой картине сюрреалиста Рене Магритта «Вероломство образов» (1926).

Примечания

Автор сознательно изменил одно имя и убрал из текста несколько фамилий с целью защитить людей, внесших вклад в создание этой книги.

Часть 1. Города троллей

(1) McCoy, Alfred. Dark Legacy: Human Rights under the Marcos Regime, *World History* archives, 20 сентября 1999 года, доступно на http://www.hartford-hwp.com/archives/54a/062.html.

(2) Beck, H. P., S. Levinson and G. Irons. Finding Little Albert: A Journey to John B. Watson's Infant Laboratory, *American Psychologist*, 2009, № 64 (7), с. 605–614, доступно на http://dx.doi.org/10.1037/a0017234.

(3) Ong, Jonathan Corpus and Jason Vincent A. Cabañes. Architects of Networked Disinformation, University of Leeds (2018), доступно на https://newtontechfordev.com/wp-content/uploads/2018/02/ARCHITECTSOF-NETWORKED-DISINFORMATION-FULL-REPORT.pdf.

(4) Amnesty International. Detained Duterte Critic Must Be Freed Immediately (23 февраля 2018 года), доступно на https://www.amnesty.org/en/latest/news/2018/02/philippines-detained-duterte-critic-must-be-freedimmediately/.

(5) Ressa, Maria A. *From Bin Laden to Facebook: 10 Days of Abduction, 10 Years of Terrorism* (London: Imperial College Press, 2013).

(6) BBC News. Philippine President Duterte Calls God «Stupid», 26 июня 2018 года, доступно на https://www.bbc.com/news/world-asia-44610872.

(7) Forrest, Adam. Jair Bolsonaro: The Worst Quotes from Brazil's Far-Right Presidential Frontrunner, *Independent*, 8 октября 2018 года, доступно на https://www.independent.co.uk/news/world/americas/jair-bolsonaro-who-is-quotesbrazil-president-election-run-off-latest-a8573901.html.

(8) Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса — М.: Эксмо, 2015. Серия «Библиотека всемирной литературы».

(9) Ressa, Maria A. Propaganda War: Weaponizing the Internet, *Rappler*, 3 октября 2016 года, обновлено 7 февраля 2019 года, доступно на https://www.rappler.com/nation/148007-propaganda-war-weaponizing-internet. Hofileña, Chay F. Fake Accounts, Manufactured Reality on Social Media, *Rappler*, 9 октября 2016 года, обновлено 6 февраля 2019 года, доступно на https://www.rappler.com/newsbreak/investigative/148347-fake-accountsmanufactured-reality-social-media. Ressa, Maria A. How Facebook Algorithms Impact Democracy, *Rappler*, 8 октября 2016 года, обновлено 6 февраля 2019 года, доступно на https://www.rappler.com/newsbreak/148536-facebook-algorithms-impact-democracy.

(10) McCoy, Alfred W. *A Question of Torture: CIA Interrogation, from the Cold War to the War on Terror* (New York: Owl Books, 2006), с. 79–80.

(11) Conde, Carlos H. Aquino's Last Chance on Human Rights, *Human Rights Watch*, 27 июля 2015 года, доступно на https://www.hrw.org/news/2015/07/27/aquinos-last-chance-human-rights. Mydan, Seth. Aquino Said to Condone Human Rights Abuses, *New York Times*, 18 июня 1988 года, доступно

на https://www.nytimes.com/1988/06/18/world/aquino-said-to-condone-human-rights-abuses.html.

(12) Gutierrez, Nataysha. Bots, Assange, an Alliance: Has Russian Propaganda Infiltrated the Philippines?, *Rappler*, 26 февраля 2018 года, доступно на https://www.rappler.com/newsbreak/in-depth/196576-russiapropaganda-influence-interference-philippines.

(13) Lister, Tim, Jim Sciutto and Mary Ilyushina. Exclusive: Putin's «Chef», the Man Behind the Troll Factory, CNN, 18 октября 2017 года, доступно на https://edition.cnn.com/2017/10/17/politics/russian-oligarch-putin-chef-trollfactory/index.html.

(14) Howard, Philip, Bharath Ganesh et al. The IRA, Social Media and Political Polarization in the United States, 2012–2018 (Oxford, UK: Computational Propaganda Research Project, 2019), доступно на https://comprop.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/93/2018/12/The-IRA-Social-Mediaand-Political-Polarization.pdf.

(15) Cave, Andrew. Deal that Undid Bell Pottinger: Inside Story of the South Africa Scandal, *Guardian*, 5 сентября 2017 года, доступно на https://www.theguardian.com/media/2017/sep/05/bell-pottingersouth-africa-pr-firm.

Fielding, Nick and Ian Cobain. Revealed: US Spy Operation That Manipulates Social Media, *Guardian*, 17 марта 2011 года, доступно на https://www.theguardian.com/technology/2011/mar/17/us-spy-operation-socialnetworks.

(16) DiResta, Renee, Kris Shaffer, Becky Ruppel, David Sullivan, Robert Matney, Ryan Fox, Jonathan Albright and Ben Johnson. *The Tactics & Tropes of the*

Internet Research Agency (Austin, TX: New Knowledge, 2018), доступно на https://disinformationreport.blob.core.windows.net/disinformation-report/NewKnowledge-Disinformation-ReportWhitepaper.pdf.

(17) Monaco, Nicholas and Carly Nyst. *State-Sponsored Trolling: How Governments Are Deploying Disinformation as Part of Broader Digital Harassment Campaigns* (Palo Alto, CA: Institute for the Future, 2018), доступно на http://www.iftf.org/fileadmin/user_upload/images/DigIntel/IFTF_State_sponsored_trolling_report.pdf.

(18) Wu, Tim. Is the First Amendment Obsolete?, Knight First Amendment Institute, Columbia University, сентябрь 2017 года, доступно на https://knightcolumbia.org/content/tim-wu-first-amendment-obsolete.

(19) Gavilan, Jodesz. Maria Ressa's Arrest Part of Broader Gov't Campaign, Say Rights Groups, *Rappler*, 14 февраля 2019 года, обновлено 15 февраля 2019 года, доступно на https://www.rappler.com/nation/223457-human-rights-groupsstatements-maria-ressa-arrest.

(20) International Center for Journalists. Maria Ressa Accepts the 2018 Knight International Journalism Award, 2018 год, доступно на https://www.icfj.org/maria-ressa-accepts-2018-knight-international-journalism-award.

Часть 2. Демократия у моря

(1) Đondović, Jelena. Turci Optužili Bivšeg Otporaša: Srđa Popović ruši vlade!, *Alo!*, 25 августа 2017 года, доступно на https://www.alo.rs/vesti/aktuelno/srdapopovic-rusi-vlade/120133/vest.

(2) Popović, Srdja and Matthew Miller. *Blueprint for Revolution: How to Use Rice Pudding, Lego Men, and Other Nonviolent Techniques to Galvanize Communities, Overthrow Dictators, or Simply Change the World* (New York: Spiegel & Grau, 2015).

(3) «Democracy Continues Its Disturbing Retreat», *The Economist*, 31 января 2018 года, доступно на https://www.economist.com/graphic-detail/2018/01/31/democracy-continues-its-disturbing-retreat.

(4) Karnitschnig, Matthew. Aleksandar Vučić: Let's Not Go Back to the '90s, *POLITICO*, 14 апреля 2016 года, доступно на https://www.politico.eu/article/aleksandarvucic-interview-serbia-balkans-migration-kosovo-bosnia/.

(5) Serbian Media Coalition Letter to the International Community, 22 октября 2018 года; доступно на http://safejournalists.net/serbian-media-coalition-alertsinternational-community/.
Trevisan, Matteo, How Media Freedom in Serbia Is Under Attack, *EUobserver*, 2 ноября 2018 года, доступно на https://euobserver.com/opinion/143268.
Reporters Without Borders. Who Owns the Media in Serbia?, 21 июня 2017 года; доступно на https://rsf.org/en/news/who-owns-media-serbia.

(6) Karnitschnig, Matthew. Serbia's Latest Would-Be Savior Is a Modernizer, a Strongman — or Both, *POLITICO*, 14 апреля 2016 года, обновлено 21 апреля 2016 года; доступно на https://www.politico.eu/article/aleksandar-vucic-serbias-latestsavior-is-a-modernizer-or-strongman-or-both/.

(7) Mercea, D. and M. T. Bastos. Being a Serial Transnational Activist, *Journal of Computer-Mediated Communication*, № 21 (2), 140–155 (2016); доступно на http://openaccess.city.ac.uk/13151/7/Being%20a%20serial%20transnational%20activist_prepublication.pdf.

(8) Liberación de datasets sobre #YaMeCansé y Ayotzinapa; доступно на https://loquesigue.tv/liberacion-de-datasets-sobre-yamecanse-y-ayotzinapa/.

(9) Finley, Klint. Pro-Government Twitter Bots Try to Hush Mexican Activists, *Wired*, 23 августа 2015 года; доступно на https://www.wired.com/2015/08/progovernment-twitter-bots-try-hush-mexican-activists/.

(10) Olver, Dulce. El 81.3% de los ataques de bots en Edomex fueron contra Delfina, confirma otro análisis técnico, 1 июня 2017 года; доступно на https://www.sinembargo.mx/01-06-2017/3230408.
Gallagher, Eric. «Manipulating Trends & Gaming Twitter», *Medium*, 18 декабря 2016 года; доступно на https://medium.com/@erin_gallagher/manipulatingtrends-gaming-twitter-6fd31714c06c.

(11) Woolley, Samuel C. and Douglas R. Guilbeault. Computational Propaganda in the United States of America: Manufacturing Consensus Online, Samuel Woolley and Philip N. Howard (Eds), Working Paper 2017.5 (Oxford, UK: Computational Propaganda Research Project); доступно на http://blogs.oii.ox.ac.uk/politicalbots/wp-content/uploads/sites/89/2017/06/Comprop-USA.pdf.

(12) Griffin, Em. *A First Look at Communication Theory*, 7th edn (New York: McGraw-Hill, 2008); доступно на http://www.afirstlook.com/docs/spiral.pdf.

(13) Noelle-Neumann, Elisabeth. *The Spiral of Silence: Public Opinion — Our Social Skin*, 2nd edn (Chicago, IL: University of Chicago Press, 1993).

(14) Там же, с. 218.

(15) Косачев К. Нефтегазовая дипломатия как угроза маргинализации // *Независимая газета*. 28 декабря 2004 года; доступно на http://www.ng.ru/world/2004-12-28/5_uspeh.html.

(16) McGuinness, Damien. How a Cyber Attack Transformed Estonia, *BBC News*, 27 апреля 2017 года; доступно на https://www.bbc.com/news/39655415.

(17) Дополнительная информация: *The Humanitarian Dimension of Russian Foreign Policy Toward Georgia, Moldova, Ukraine, and the Baltic States*, Centre for East European Policy Studies, International Centre for Defence Studies, Centre for Geopolitical Studies, School for Policy Analysis at the National University of Kyiv-Mohyla Academy, Foreign Policy Association of Moldova, International Centre for Geopolitical Studies (2010, Gatis Pelnens, Ed.). The Security Police of the Republic of Estonia, *Annual Review* 2003, c. 12.

(18) The Humanitarian Dimension of Russian Foreign Policy Toward. Georgia, Moldova, Ukraine and the Baltic States, 2nd edn, доступно на: https://www.academia.edu/1376506/The_Humanitarian_Dimension_of_Russian_Foreign_Policy_Toward._Georgia_Moldova_Ukraine_and_the_Baltic_States?fbclid=IwAR1MjopeIA8XTjR54YXpD_4M9yp6Re5soJ7-zSxmKnOFRXDV3sKSwFAjL14

(19) DiResta, Renee et al. *The Tactics & Tropes of the Internet Research Agency*.

(20) Associated Press. US Secretly Created “Cuban Twitter” to Stir Unrest and Undermine Government», *Guardian*; доступно на https://www.theguardian.com/world/2014/apr/03/us-cuban-twitter-zunzuneo-stirunrest.

(21) International Center for Journalists. «Maria Ressa Accepts the 2018 Knight International Journalism Award»; доступно

на https://www.icfj.org/mariaressa-accepts-2018-knight-international-journalism-award.

(22) Hosenball, Mark. «British Authorities Ban Three Foreign Right-Wing Activists», *Reuters*, 12 марта 2018 года; доступно на https://uk.reuters.com/article/ukbritain-security-deportations/british-authorities-ban-three-foreignright-wing-activists-idUKKCN1GO2LO.

(23) Ebner, Julia and Jacob Davey. *The Fringe Insurgency: Connectivity and Convergence of the Extreme-Right* (Institute for Strategic Dialogue, 2018); доступно на https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2017/10/The-FringeInsurgency-221017.pdf.

(24) Электронный исторический ресурс «Президент США Дж. Картер и права человека в СССР», доступно на https://www.old.memo.ru/history/diss/carter/files/19-scan.jpg.

(25) What Price a Soviet Jew?, *New York Times*, 22 февраля 1981 года; доступно на https://www.nytimes.com/1981/02/22/opinion/what-price-a-soviet-jew.html.

(26) Saunders, Frances Stonor. *The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters* (New York: New Press, 2000).

(27) Seaton, Jean. *Pinkoes and Traitors: The BBC and the Nation, 1974–1987* (London, UK: Profile Books, 2015).

(28) Ricin and the Umbrella Murder, CNN.com, 23 October 2003 года; доступно на http://edition.cnn.com/2003/WORLD/europe/01/07/terror.poison.bulgarian/.

Часть 3. Самый удивительный информационный блицкриг в истории

(1) Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.:Питер, 2010. См. также: Yablokov, Ilya, *Fortress Russia: Conspiracy Theories in the Post-Soviet World*, глава 3 (Cambridge, UK; Medford, MA: Polity, 2018); Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 1999; Расторгуев С. П.Информационная война. М.: Радио и связь, 1999.

(2) Интервью с Игорем Ашмановым: Забил я цифрой пушку туго // Российская газета. 23 мая 2013 года; доступно на https://rg.ru/2013/05/23/ashmanov.html.

(3) Там же.

(4) @znak_com. «Власть не может поверить, что люди добровольно вышли против пенсионной реформы. На митинги их согнал ужасный твиттер, который подсовывает Навального», Twitter, 14 сентября 2018 года, 5.53 a.m., доступно на https://twitter.com/i/web/status/1040584225236373504. «Игорь Ашманов: „Свобода слова – это такая иллюзия, которая является частью информационной войны“», 5 июня 2013 года, доступно на http://z-filez.info/story/igor-ashmanov-%E2%80%9Csvoboda-slova-%E2%80%93-eto-takaya-illyuziya-kotoraya-yavlyaetsya-chastyu-informatsionn.

(5) «И. Ашманов. Свобода слова как инструмент», YouTube, Хнар-фильм, 25 декабря 2018 года, доступно на https://www.youtube.com/watch?v=cb6fqc02vto.
Интервью с Игорем Ашмановым: «Забил я цифрой пушку туго».

(6) Интервью с Игорем Ашмановым, там же.

(7) Foot, Rosemary. «The Cold War and Human Rights», in Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad (Eds.), *The Cambridge History of the Cold War*, том III

(Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010), с. 445–448.

(8) Lakoff, George. *Don't Think of an Elephant* (Hartford, VT: Chelsea Green, 2014).

(9) Atlantic Council — Digital Forensic Research Lab, «Question That: RT's Military Mission», *Medium*, 8 января 2017 года, доступно на https://medium.com/dfrlab/question-that-rts-military-mission-4c4bd9f72c88.

(10) Kofman, Michael. The Moscow School of Hard Knocks: Key Pillars of Russian Strategy, *War on the Rocks*, 27 января 2017 года, доступно на https://warontherocks.com/2017/01/the-moscow-school-of-hard-knocks-keypillars-of-russian-strategy/.

(11) Bērziņš, Jānis. Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy, National Defense Academy of Latvia, Center for Security and Strategic Research (2014).

(12) Хороший ресурс, посвященный кампаниям Кремля по организации влияния на территории Украины, — www.stopfake.org/en/news/.

(13) Disinfo News: The Kremlin's Many Versions of the MH17 Story, *StopFake*, 29 мая 2018 года, доступно на https://www.stopfake.org/en/disinfo-news-thekremlin-s-many-versions-of-the-mh17-story/.

(14) Hill, Thomas M. Is the U.S. Serious about Countering Russia's Information War on Democracies?, 21 ноября 2017 года, доступно на https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/11/21/is-the-u-s-seriousabout-countering-russias-information-war-on-democracies/.

(15) Сайт со стихами Андрея: https://www.stihi.ru/avtor/shtal.

(16) Amos, Howard. «There Was Heroism and Cruelty on Both Sides»: The Truth Behind One of Ukraine's Deadliest Days, *Guardian*, 30 апреля 2015 года, доступно на https://www.theguardian.com/world/2015/apr/30/there-was-heroism-andcruelty-on-both-sides-the-truth-behind-one-of-ukraines-deadliest-days.

(17) Ennis, Stephen. Vladimir Danchev: The Broadcaster Who Defied Moscow, *BBC Monitoring*, 8 марта 2014 года, доступно на http://www.bbc.co.uk/news/magazine-26472906.

(18) A Nuclear Disaster That Brought Down an Empire, *The Economist*, 26 апреля 2016 года, доступно на https://www.economist.com/europe/2016/04/26/a-nucleardisaster-that-brought-down-an-empire.

(19) Интервью на радио BBC Russian Service, Margaret Thatcher Foundation, 11 июля 1988 года, доступно на https://www.margaretthatcher.org/document/107072.

(20) Там же.

Часть 4. Субъективные факты

(1) PolitiFact. Donald Trump's File (доступно на www.politifact.com/personalities/donald-trump), Hillary Clinton's File (доступно на www.politifact.com/personalities/hillary-clinton).

(2) BBC Breadth of Opinion Review; доступно на http://downloads.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/our_work/breadth_opinion/content_analysis.pdf.

(3) BBC News. Kremlin’s Chief Propagandist Accuses Western Media of Bias, 23 июня 2016 года, доступно на http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-36551391.

(4) Yaffa, Joshua. Dmitry Kiselev Is Redefining the Art of Russian Propaganda, *New Republic*, 1 июля 2014 года, доступно на https://newrepublic.com/article/118438/dmitry-kiselev-putins-favorite-tv-host-russias-toppropogandist.

(5) Balmforth, Tom. Gene Warfare? Russia Raises Eyebrows, *Radio Free Europe/Radio Liberty*, 3 ноября 2017 года, доступно на https://www.rferl.org/a/russia-biological-warfare-accusations-raise-eyebrowslawsuit/28834069.html.
Lomsadze, Giorgi. Does the US Have a Secret Germ Warfare Lab on Russia’s Doorstep?, *Coda Story*, 19 апреля 2018 года, доступно на https://codastory.com/disinformation/information-war/does-the-us-have-a-secret-germwarfare-lab-on-russias-doorstep/.
См. также сайт EU Versus Disinfo, отслеживающий примеры дезинформации и имеющий архив историй, — https://euvsdisinfo.eu.
Например, https://euvsdisinfo.eu/report/ukraine-asked-the-united-states-to-spread-theebola-virus/; https://euvsdisinfo.eu/report/there-is-a-secret-laboratorynear-kharkiv-where-ukrainians-with.

(6) Ferraris, Maurizio. *Introduction to New Realism* (London, UK: Bloomsbury, 2014).

(7) Roy, Deb. The Spread of True and False Information Online, MIT Media Lab, доступно на https://www.media.mit.edu/projects/the-spread-of-false-and-trueinfo-online/overview/.

(8) Lewis, Paul. «Fiction Is Outperforming Reality»: How YouTube's Algorithm Distorts Truth, *Guardian*, 2 февраля 2018 года, доступно на https://www.theguardian.com/technology/2018/feb/02/how-youtubes-algorithmdistorts-truth.

(9) Zollo, F., P. K. Novak et al. Emotional Dynamics in the Age of Misinformation, PLoS ONE, 10(9): e0138740 (2015), доступно на https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138740.

(10) Бродский И. Напутствие. Цит. по http://lib.ru/BRODSKIJ/br_naput.txt.

(11) Judt, Tony. From Military Disaster to Moral High Ground, *New York Times*, 7 октября 2007 года, доступно на https://www.nytimes.com/2007/10/07/opinion/07judt.html.

(12) Schmidt, Brian C. and Michael C. Williams. The Bush Doctrine and the Iraq War: Neoconservatives Versus Realists, *Security Studies*, № 17(2), с. 191–220 (2008), доступно на https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09636410802098990. In Bush's Words: «Iraqi Democracy Will Succeed», *New York Times*, 6 ноября 2003 года, доступно на https://www.nytimes.com/2003/11/06/politics/inbushs-words-iraqi-democracy-will-succeed.html.

(13) Boym, Svetlana. Nostalgia and Its Discontents, доступно на https://agora8.org/SvetlanaBoym_Nostalgia/.

(14) Tarabay, Jamie. «For Many Syrians, the Story of the War Began with Graffiti in Dara'a», CNN, 15 марта 2018 года, доступно на https://edition.cnn.com/2018/03/15/middleeast/daraa-syria-seven-years-on-intl/index.html.

(15) Дополнительная информация о роли языка в асадовской Сирии приведена в отличной книге Lisa Wedeen, *Ambiguities of Domination: Politics, Rhetoric and Symbols in Contemporary Syria* (Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999).

(16) Associated Press. A Look at Key Events in Syria's Aleppo since 2016, 14 декабря 2016 года, доступно на https://apnews.com/300da72a31284420810e1ba9ebef2052.

(17) Amnesty International. Death Everywhere: War Crimes and Human Rights Abuses in Aleppo, Syria, 2015, доступно на https://www.amnesty.org.uk/files/mde2413702015english.pdf?R9pyrgEmq_XcKpQAqW_t2G80KziKBOoh=.

(18) Barnard, Anne and Somini Sengupta. Syria and Russia Appear Ready to Scorch Aleppo, *New York Times*, 25 сентября 2016 года, доступно на https://www.nytimes.com/2016/09/26/world/middleeast/syria-un-security-council.html?smid=tw-share&_r=0&module=inline.

(19) Atlantic Council. Breaking Aleppo, 2017, доступно на http://www.publications.atlanticcouncil.org/breakingaleppo/attacks-overview/.

(20) Дополнительная информация об использовании бочковых бомб и атаках на медицинские учреждения: Boghani, Priyanka. A Staggering New Death Toll for Syria's War – 470,000, PBS, 11 февраля 2016 года, доступно на https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/a-staggering-new-death-toll-for-syrias-war-470000/; Barnard, Anne. Death Toll from War in Syria Now 470,000, Group Finds, *New York Times*, 12 февраля 2016 года, доступно на https://www.nytimes.com/2016/02/12/world/middleeast/death-toll-from-

war-in-syria-now470000-group-finds.html; Physicians for Human Rights. 2015 Marks Worst Year for Attacks on Hospitals in Syria, 18 декабря 2015 года, доступно на https://phr.org/news/2015-marks-worst-year-for-attacks-on-hospitals-in-syria/; International Committee of the Red Cross, Syria: Aid Stepped Up Amidst Heavy Fighting in Aleppo Province, 10 февраля 2016 года, доступно на https://www.icrc.org/en/document/syria-fighting-conflict-aleppo.

(21) Physicians for Human Rights. UN Security Council Calls for End to Attacks on Doctors, Hospitals, 3 мая 2016 года, доступно на https://phr.org/news/unsecurity-council-calls-for-end-to-attacks-on-doctors-hospitals/.

(22) Syrian American Medical Society. The Failure of UN Security Council Resolution 2286», январь 2017 года, доступно на https://www.sams-usa.net/wp-content/uploads/2017/03/UN-fail-report-07-3.pdf.

(23) McKernan, Bethan. Aleppo Attack: Syrian Army to Invade City with Ground Troops», *Independent*, 23 сентября 2016 года, доступно на https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/aleppo-syria-war-assadtroops-to-invade-city-under-siege-rebels-a7326266.html.

(24) Atlantic Council. «Breaking Aleppo».

(25) BBC News. Syria Conflict: US Accuses Russia of Barbarsim in Aleppo, 26 сентября 2016 года, доступно на https://www.bbc.co.uk/news/world-middleeast-37468080.

(26) Atlantic Council. «Breaking Aleppo».

(27) Osborne, Samuel. Donald Trump Wins: All the Lies, Mistruths and Scare Stories He Told During the US Election Campaign, *Independent*, 9 ноября 2016 года; доступно

на https://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-president-lies-and-mistruths-during-us-electioncampaign-a7406821.html.

(28) Graham, David. The Wrong Side of the Right Side of History, *The Atlantic*, 21 декабря 2015 года, доступно на https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/12/obama-right-side-of-history/420462/.

(29) Shaheen, Kareem. «Hell Itself»: Aleppo Reels from Alleged Use of Bunker-Buster Bombs», *Guardian*, 26 сентября 2016 года; доступно на https://www.theguardian.com/world/2016/sep/26/hell-itself-aleppo-reels-fromalleged-use-of-bunker-buster-bombs.

(30) Violations Documentation Centre: http://www.vdc-sy.info. https://bit.ly/2Un2VVJ. См. также: Guha-Sapir, Debarati, Benjamin Schlüter et al. Patterns of Civilian and Child Deaths Due to War-Related Violence in Syria, *The Lancet*, *Global Health*, 6 декабря 2017 года, доступно на https://www.thelancet.com/journals/langlo/article/PIIS2214-109X(17)30469-2/fulltext.

(31) Сирийский сайт по правам человека: http://sn4hr.org/.

(32) Specia, Megan. Death Toll in Syria: Numbers Blurred in Fog of War, *Irish Times*, 14 апреля 2018 года. Boghani, Priyanka. A Staggering New Death Toll for Syria's War – 470,000.
Barnard, Anne. Death Toll from War in Syria Now 470,000, Group Finds.
Physicians for Human Rights. 2015 Marks Worst Year for Attacks on Hospitals in Syria.

(33) Dove, Steve. The White Helmets Is the 2017 Oscar Winner for Documentary (Short Subject), ABC, 27 февраля 2017 года, доступно

на https://oscar.go.com/news/winners/the-white-helmets-is-the-2017-oscar-winner-fordocumentary-short-subject.

(34) Solon, Olivia. How Syria's White Helmets Became Victims of an Online Propaganda Machine, *Guardian*, 18 декабря 2017 года; доступно на https://www.theguardian.com/world/2017/dec/18/syria-white-helmets-conspiracytheories.

(35) Buncombe, Andrew. Trump Suggests «Vicious World» Should Be Blamed for Khashoggi Murder While Disputing Saudi Responsibility, *Independent*, 22 ноября 2018 года, доступно на https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-khashoggi-murder-blame-viciousworld-saudi-journalist-a8647701.html.

(36) Miliband, David. America Is Fueling Our Age of Impunity. Just Look at Yemen, *Guardian*, 5 апреля 2019 года.

(37) Cruickshank, Michael. A Saudi War-Crime in Yemen? Analysing the Dahyan Bombing, *Bellingcat*, 18 августа 2018 года, доступно на https://www.bellingcat.com/news/mena/2018/08/18/19432/.

(38) Safi, Michael and Amantha Perera. Sri Lanka Blocks Social Media as Deadly Violence Continues, *Guardian*, 7 марта 2018 года, доступно на https://www.theguardian.com/world/2018/mar/07/sri-lanka-blocks-social-mediaas-deadly-violence-continues-buddhist-temple-anti-muslim-riotskandy.

(39) Hall, Eleanor. Syrian War Crimes Evidence Strongest Since Nuremberg Trials, *ABC News*, 3 декабря 2018 года; доступно на https://www.abc.net.au/radio/programs/worldtoday/these-are-crimes-the-world-wont-forget-stephenrapp-on-syria/10577142.

(40) Puddington, Arch. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty* (Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2015).

(41) Parta, Eugene. *Discovering the Hidden Listener: An Empirical Assessment of Radio Liberty and Western Broadcasting to the USSR in the Cold War* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2007).

(42) Zinik, Zinovy. Soviet Paradise Lost, *Carnegie International*, том 1 (Carnegie Museum of Art, Pittsburgh, PA; Rizzoli, New York, 1991).

(43) Groys, Boris. *History Becomes Form* (Cambridge, MA: MIT Press, 2010).

Часть 5. Pop-up народ

(1) Central Intelligence Agency. Release of Abbottabad Compound Material, ноябрь 2017 года, доступно на https://www.cia.gov/library/abbottabadcompound/index.html.

(2) Institute for Economics & Peace, *Positive Peace Report 2018: Analysing the Factors That Sustain Peace*, Sydney, октябрь 2018 года, доступно на http://visionofhumanity.org/app/uploads/2018/11/Positive-Peace-Report-2018.pdf.

(3) Institute for Strategic Dialogue. «Left to Be Closer to Allah»: Learning about Foreign Fighters from Family and Friends, 2018, доступно на http://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2018/05/Families_Report.pdf.

(4) National Public Radio. «Study: No One Issue Clearly Unites 5 Groups of Trump Voters», 2 июля 2017 года; доступно на http://www.npr.org/2017/07/02/535240706/study-no-one-issue-clearly-unites-5-groups-of-trump-voters.

Bowman, Carlyn. Who Were Donald Trump's Voters? Now We Know, *Forbes*, 23 июня 2017 года, доступно на https://www.forbes.com/sites/bowmanmarsico/2017/06/23/who-were-donald-trumps-voters-now-weknow/#bdc19a138942.

(5) Mouffe, Chantal. The Affects of Democracy», *Eurozine*, 23 ноября 2018 года, доступно на https://www.eurozine.com/the-affects-of-democracy/.

(6) Крастев И. Экспериментальная родина. Разговор с Глебом Павловским. М.: Европа, 2018.

(7) Yablokov, Ilya. *Fortress Russia: Conspiracy Theories in the Post-Soviet World* (Cambridge, UK; Medford, MA: Polity, 2018), с. 30.

Часть 6. Будущее начинается здесь

(1) Committee for Culture, Media and Sport, Disinformation and «Fake News», 18 февраля 2019 года; доступно на https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmcumeds/1791/179102.htm.

Gyldensted, Cathrine. *From Mirrors to Movers: Five Elements of Constructive Journalism* (GGroup Publishing, 2015).

Ghosh, Dipayan and Ben Scott. The Technologies Behind Precision Propaganda on the Internet, *New America*, 23 января 2018 года; доступно на https://www.newamerica.org/public-interest-technology/policy-papers/digitaldeceit/.

(2) King, Gary, Jennifer Pan and Margaret E. Roberts. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression, *American*

Political Science Review, № 107 (2) (2013), с. 1–18, доступно на https://gking.harvard.edu/publications/how-censorship-china-allows-governmentcriticism-silences-collective-expression.
MacKinnon, Rebecca. Liberation Technology: China's «Networked Authoritarianism», *Journal of Democracy*, № 22 (2) (2011), доступно на https://muse.jhu.edu/article/427159.

(3) Roy, Eleanor. I'm Being Watched: Anne-Mary Brady, the China Critic Living in Fear of Beijing, *Guardian*, 23 января 2019 года, доступно на https://www.theguardian.com/world/2019/jan/23/im-being-watched-anne-mariebrady-the-china-critic-living-in-fear-of-beijing.

(4) Halper, Stefan et al. China: The Three Warfares», prepared for Office of Net Assessment, US Department of Defense (2013).

(5) Wu, Angela. Ideological Polarization Over a China-As-Superpower Mindset: An Exploratory Charting of Belief Systems Among Chinese Internet Users, 2008–2011, *International Journal of Communication*, № 8 (2014), с. 2243–2272.

(6) Wu, Angela. The Shared Pasts of Solitary Readers in China: Connecting Web Use and Changing Political Understanding through Reading Histories, *Media, Culture & Society*, № 36 (8) (2014), pp. 1168–1185.

(7) Wu, Angela. Brainwashing Paranoia and Lay Media Theories in China: The Phenomenological Dimension of Media Use (and the Self) in Digital Environments, *Media, Culture & Society*, № 40 (6) (2018), с. 909–926.

УДК 32.019.51
ББК 60.527
П55
Померанцев, Питер
Это не пропаганда. Хроники мировой войны с реальностью / Питер Померанцев [пер. с английского П. Миронова и А. Финогеновой]. — Москва : Индивидуум, 2020. — 288 с.
ISBN 978-5-6043606-4-4
Добро пожаловать в эпоху тотальной информационной войны. Фальшивые новости, демагогия, боты в твиттере и фейсбуке, хакеры и тролли привели к тому, что от понятий «свободы слова», «демократии», как и от старых представлений о «левой» и «правой» политике, не осталось ни следа. Вольно и невольно мы каждый день становимся носителями и распространителями пропаганды. Есть ли выход и чему нас может научить недавнее прошлое? Питер Померанцев, журналист и исследователь пропаганды, отправился в кругосветное путешествие на поиски правды (или того, что от нее осталось). Он посетил Филиппины, Мексику, США, Россию, Великобританию, где встретил твиттер-революционеров, сетевых популистов, сторонников джихада, бот-фермеров и других незаметных людей, чьи действия определяют общественное мнение и наше будущее. «Это не пропаганда» — его репортаж с поля битвы за достоверную реальность.

Питер Померанцев
Это не пропаганда. Хроники мировой войны с реальностью
Издатели: Андрей Баев, Алексей Докучаев
Главный редактор: Феликс Сандалов
Арт-директор: Максим Балабин
Переводчики: Павел Миронов, Александра Финогенова
Редактор: Дмитрий Аношин
Ответственный редактор: Анастасия Дьяченко
Выпускающий редактор: Мария Москвина
Верстка: Ильяс Лочинов
Корректоры: Наталья Витько, Дарья Обломова
Принт-менеджер: Денис Семенов
Директор по маркетингу: Ксения Мостовая
PR-менеджер: Анна Наумова
Директор по продажам: Павел Иванов
Менеджер по правам: Яна Казиева
ООО «Индивидуум Принт»
individuum.ru
info@individuum.ru